

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФИЯ *и культура*

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 02-03-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Попов Евгений Александрович, доктор философских наук,
porov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 02-03-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Popov Evgenii Aleksandrovich, doktor filosofskikh nauk, popov.eug@yandex.ru

ISSN: 2454-0757

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Горохов Павел Александрович – доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Лаврова Светлана Витальевна — доктор искусствоведения, доцент кафедры музыкального образования, член Союза композиторов России, проректор по научной работе и развитию Академии Русского балета имени А.Я. Вагановой. 191023, Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, дом 2. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Штейнер Евгений Семенович — доктор искусствоведения, главный научный сотрудник Российского института культурологии, профессор-исследователь Школы востоковедения и африканистики Лондонского университета (г. Лондон, Великобритания). 119072, Россия, г. Москва, Берсеневская набережная, 18-20-22, строение 3.

Трубочкин Дмитрий Владимирович — доктор искусствоведения, проректор Высшей школы сценического искусства, профессор кафедры зарубежного театра Российского института театрального искусства. Малый Кисловский пер., 6, Москва, 125009

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Азарова Валентина Владимировна – доктор искусствоведения, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, факультет искусств, профессор кафедры органа, клавесина и карильона, 199034, г. Санкт-Петербург, 9-я линия Васильевского острова, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института открытого образования Московского государственного областного технологического университета (МГОТУ), «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет». 141070, Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfur@mail.ru

Попов Евгений Александрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. Popov.eug@yandex.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056 Астрахань, улица Татищева 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет м. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области, профессор, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – Доктор философских наук, доцент, Зав. кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ" Кафедра: философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Наб., 7/9

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской

государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Обермайр Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фрейденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. Гончарная ул., 12 стр.1, Москва, Россия, 109240

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопал Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Усачев Александр Владимирович - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии социальных наук и журналистики, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина" 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, дом 28.1 E-mail: a.usacev@mail.ru

Швыдкой Михаил Ефимович - доктор искусствоведения, профессор, научный руководитель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере (факультета) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ломоносовский проспект, МГУ имени М.В.Ломоносова, 27, корпус 4 (Шуваловский корпус). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Жабский Михаил Иванович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделом социологии экранного искусства Всероссийского государственного университета кинематографии имени С.А. Герасимова. 125009, Россия, г. Москва, Дегтярный переулок, 8, строение 3.

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, профессор Институт Славянской культуры РГУ им А.Н. Косыгина. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Заховаева Анна Георгиевна - доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Ивановская государственная медицинская академия» Минздрава России. 153012, Российская Федерация, Ивановская область, г. Иваново, Шереметевский проспект, 8. E-mail: ana-zah@mail.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор, 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, igorbelyaev@list.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге,, профессор, 460040, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, Y.Griber@gmail.com

Грязнова Елена Владимировна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», профессор, 603009, Россия, г. Н.Новгород, ул. Володина, 1 Б, оф. 49, egik37@yandex.ru

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Касаткина Светлана Сергеевна - доктор философских наук, Череповецкий государственный университет, профессор , 162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, ул. Шекснинский проспект, 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, jvlarin@mail.ru

Лисенкова Анастасия Алексеевна - доктор культурологии, ФГБОУ ВО "Пермский государственный институт культуры", проректор по науке и цифровой трансформации, 614000, Россия, Пермский край край, г. Пермь, ул. 25-Октября, 4, Oskar46@mail.ru

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край область, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, krasfilmanager@gmail.com

Портнова Татьяна Васильевна - доктор искусствоведения, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина, профессор, 127282, Россия, Москва, г. Москва, ул. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 к 4, Infotatiana-p@mail.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, skorokhod71@mail.ru

Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, профессор, ФГБУН Институт философии Российской академии наук, сектор истории антропологических учений, руководитель сектора

Council of editors

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Svetlana V. Lavrova — Doctor of Art History, Associate Professor of the Department of Music Education, member of the Union of Composers of Russia, Vice-Rector for Research and Development of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2, Zodchego Rossi str., St. Petersburg, 191023. E-mail: science@vaganovaacademy.ru

Evgeny S. Steiner — Doctor of Art History, Chief Researcher at the Russian Institute of Cultural Studies, Research Professor at the School of Oriental and African Studies at the University of London (London, UK). 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Trubochkin Dmitry Vladimirovich — Doctor of Art History, Vice-Rector of the Higher School of Performing Arts, Professor of the Department of Foreign Theater The Russian Institute of Theatrical Art. Maly Kislovsky Lane, 6, Moscow, 125009

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, Head of the painting Department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering Street, 4/2.

Azarova Valentina Vladimirovna – Doctor of Art History, Associate Professor, St. Petersburg State University, Faculty of Arts, Professor of Organ, Harpsichord and Carillon Department, 199034, St. Petersburg, 9th line of Vasilievsky Island, 2/11, azarova_v.v@inbox.ru

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute of Open Education of the Moscow State Regional Technological University (MGOTU), "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University"". 141070, Moscow region, Korolev, Gagarina str., 42 zumsiu@yandex.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Popov Evgeny Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of General Sociology, Altai State University, 656049, Barnaul, Lenin Ave., 61.

Popov.eug@yandex.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056 Astrakhan, 20a Tatishcheva Street, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, M. I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (branch) Don State Technical University in Shakhty, Rostov region, Professor, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, ul. Bursatsky descent, 4, prof.artemenko@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendelevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET" Department: Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya Nab., 7/9

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny pereulok, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607 Cedex.

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Cognitive Theory Sector of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Obermayr Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstrasse 2-4 14195 Berlin

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Goncharnaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the

Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. Gonchamaya str., 12 p.1, Moscow, Russia, 109240

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Usachev Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy of Social Sciences and Journalism, I.A. Bunin Yelets State University 399770, Lipetsk region, Yelets, 28.1 Kommunarov str. E-mail: a.usacev@mail.ru

Shvydkoi Mikhail Efimovich - Doctor of Art History, Professor, Scientific Director of the Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanities (Faculty) Lomonosov Moscow State University; 119991, Russian Federation, Moscow, Lomonosovsky Prospekt, Lomonosov Moscow State University, 27, Building 4 (Shuvalov Building). E-mail: shvydkoy.me@gmail.com

Mikhail Ivanovich Zhabsky — Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology of Screen Art of the All-Russian State University of Cinematography named after S.A. Gerasimov. 125009, Russia, Moscow, Degtyarny lane, 8, building 3.

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Professor at the Institute of Slavic Culture of the Kosygin Russian State University. E-mail: infotatiana-p@mail.ru

Zakhovaeva Anna Georgievna - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities of the Ivanovo State Medical Academy of the Ministry of Health of Russia. 8, Sheremetyevo Avenue, Ivanovo, Ivanovo region, 153012, Russian Federation. E-mail: ana-zah@mail.ru

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miuskaya Square, 6 obur@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 12 Studentskaya str., Vladimir, Vladimir Region, 600005, Russia, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor, 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, igorbelyaev@list.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Laboratory of Color, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, Y.Griber@gmail.com

Gryaznova Elena Vladimirovna - Doctor of Philosophy, Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin, Professor, 603009, Russia, Nizhny Novgorod, Vologda str., 1 B, office 49, egik37@yandex.ru

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Kasatkina Svetlana Sergeevna - Doctor of Philosophy, Cherepovets State University, Professor, 162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sheksninsky Prospekt str., 25, SvetlanaCH5@rambler.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 58 Kommunarov str., Yelets, Lipetsk Region, 399770, Russia, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, 4 Farman Salmanova str., Tyumen, Tyumen Region, 625000, Russia, jvlarin@mail.ru

Lisenkova Anastasia Alekseevna - Doctor of Cultural Studies, Perm State Institute of Culture, Vice-Rector for Science and Digital Transformation, 614000, Russia, Perm Krai, Perm, ul. 25-October, 4, Oskar46@mail.ru

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEK), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai region, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, krasfilmanager@gmail.com

Portnova Tatiana Vasilyevna - Doctor of Art History, Kosygin Russian State University,

Professor, 127282, Russia, Moscow, Moscow, ul. 117997, 33 Sadovnicheskaya Str., Moscow, Russian Federation, 52 k 4, [_Infotatiana-p@mail.ru](mailto:Infotatiana-p@mail.ru)

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 4 Bardina str., Saratov, 410035, Russia, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, 99 Ladozhskaya str., Penza, 440071, Russia, Penza Region, Penza, skorokhod71@mail.ru

Elvira Maratovna Spirova - Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Sector of the History of Anthropological Studies, Head of the Sector

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Хэ Я., Елистратов В.С. Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга	1
Крючкова С.Е. Нигитология: Хайдеггер vs Лейбниц	21
Поздняков А.В., Орлов А.С. Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам)	33
Жерносенко И.А., Дунилов И.М. Устарел ли постмодернизм? К вопросу об актуальности концепта в начале XXI века	49
Пашенцев И.Д. Вклад Э. Х. Гомбриха в изучение примитивизма	61
Англоязычные метаданные	76

Contents

He Y., Elistratov V.S. Analysis of Chinese Students' cultural and linguistic personality based on slang	1
Kryuchkova S.E. Nigitology: Heidegger vs. Leibniz	21
Pozdnyakov A.V., Orlov A.S. The influence of positivism on the understanding of the essence of religion by M. O. Menshikov (according to unpublished notebooks)	33
Zhernosenko I.A., Dunilov I.M. Is postmodernism outdated? On the relevance of the concept at the beginning of the 21st century	49
Pashentsev I.D. The contribution of E.H. Gombrich to the study of the primitivism	61
Metadata in english	76

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Хэ Я., Елистратов В.С. Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга //

Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.71665 EDN: IYTVKI URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71665

Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга

Хэ Яньли

ORCID: 0009-0004-6792-4352

соискатель; факультет иностранных языков и регионоведения; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Менделеевская, 1

✉ linda.he@yandex.ru

Елистратов Владимир Станиславович

доктор культурологии

профессор; факультет иностранных языков и регионоведения; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, д. 1

✉ vse.slova@mail.ru

[Статья из рубрики "Социальная динамика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.2.71665

EDN:

IYTVKI

Дата направления статьи в редакцию:

08-09-2024

Дата публикации:

14-02-2025

Аннотация: Цель данного исследования – проанализировать некоторые особенности культурно-языковой личности современного китайского учащегося, проявляющиеся в использовании молодежных сленговых выражений. Научная новизна предлагаемого

подхода заключается в том, что изучение молодежного сленга становится частью работы по составлению суммарного портрета культурно-языковой личности современных китайских студентов в российских и китайских вузах. Сленг не просто отражает специфические черты культурно-языковой личности, но и во многом определяет ее уникальность и сложность. Материалы и результаты включенного наблюдения были проанализированы с точки зрения отражения в них национального менталитета современных китайских учащихся, который проявляется в выборе определенных речевых выражений, психофизиологических характеристиках, а также в ценностных доминантах поведения. Методами исследования послужили анализ релевантных материалов (подходящей выборки лексики из электронного китайско-русского словаря, а также теоретических статей) и включенное наблюдение. В ходе исследования делается вывод о том, что особенности культурно-языковой личности китайских студентов проявляются через ценностные доминанты, отраженные в сленге. Основным критерием отбора сленгизмов было выражение следующих важнейших ценностных установок китайских студентов – степени зависимости от коллектива, степени проявления личности на занятиях, искренности в отношении с преподавателями, отношения к еде, отношения к труду, отношения к желаемой профессии после окончания вуза, отношения к жизни. Указанные доминанты, связанные с аксиологическим измерением национального образа мира, во многих аспектах определяют речевое поведение студентов, в котором сленг становится одной из наиболее экспрессивных форм выражения того, как ценностное ядро культуры переживается и интерпретируется сознанием современной молодежи.

Ключевые слова:

сленг, культурно-языковая личность, независимость от коллектива, стремление сохранить лицо, культ еды, Российско-китайский университет, поэзис, ценностные доминанты, речевые выражения, психофизиологические характеристики

В русской лингвистике вопросы культурно-языковой личности освещались разными лингвистами. Научная разработка категории «языковая личность» представлена в трудах таких ученых, как В. В. Виноградов, И. Л. Вайсгербер, Г. И. Богин, А. А. Леонтьев, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик, В. А. Маслова, К. Ф. Седова, Е. Ю. Прохорова и др. [\[13\]](#); [\[21\]](#). В теории межкультурной коммуникации языковая личность – это культурно-специфический тип коммуниканта, обладающий культурно-обусловленной картиной мира и системой ценностей, способный к межкультурной трансформации [\[10, с. 232\]](#). Каждая языковая личность начинается с когнитивно-семантического и прагматического уровней, где и проявляется ее индивидуальность, неординарность. По мнению Н. И. Гайнуллиной, в дискурсе конкретной языковой личности в действие вступают законы построения текста, законы сочетаемости слов и т.п., которые на синтагматическом уровне позволяют говорить о семантике того или иного слова и о тех представлениях и целях, которые преследовал таким использованием слов создатель текста [\[21, с. 4\]](#). Однако в контексте того, что языковое сознание является частью культурного сознания, В. П. Фурманова интегрирует свойства языковой личности в определении качества субъекта «культурно-языковая личность». Культурно-языковая личность – это интегративное и целостное качество субъекта, обладающего определенным этно- и социокультурным статусом, языковым и культурным информационным запасом, представленным в виде тезаурусов, и способностью его адекватного применения, которое свидетельствует об уровнях

владения языком и культурой [\[23, с. 4\]](#).

Культурно-языковая личность представляет собой единство коллективного и индивидуального, которые существуют в неразрывной связи друг с другом. С одной стороны, коллективная память и коллективные аспекты языка складываются из многократно повторенного индивидуального опыта – сложной мозаики индивидуальных вкраплений, словоупотреблений, коммуникативных стратегий и т.д. С другой стороны, индивидуальная личность формируется на основе коллективного опыта и коллективной памяти. Идентичность языковой личности не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других. Таким образом, языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное [\[17, с. 101\]](#).

Культурно-языковая личность многогранна, и исследовать и анализировать ее можно с разных точек зрения:

- 1) коллективности / индивидуальности;
- 2) универсальности / национальной специфичности;
- 3) психофизиологических характеристик;
- 4) социальной принадлежности;
- 5) менталитета;
- 6) лингвокогнитивных подходов;
- 7) уровня владения языком (родным и иностранным);
- 8) тезауруса;
- 9) концептосферы;
- 10) картины мира;
- 11) иерархии ценностей [\[16\]](#); [\[17\]](#).

Целью данного исследования было изучить особенности культурно-языковой личности современного китайского учащегося в российских и китайских вузах. **Методами исследования послужили** анализ релевантных материалов и наблюдение за учебой и жизнью китайских учащихся. **Материалами исследования являлись** выборка сленговой лексики из электронного русско-китайского словаря (<https://bkrs.info/>) и научные статьи на русском и китайском языках. **Сленгизмы и статьи были проанализированы** с точки зрения отражения в них национального менталитета современных китайских учащихся, которая проявляется в выборе определенных речевых выражений, психофизиологических характеристиках, а также в ценностных доминантах поведений. В качестве критериев отбора сленгизмов и статей были взяты следующие ценностные установки - степень зависимости от коллектива, степень проявления личности, отношение к преподавателям, отношение к еде, отношение к труду, отношение к желаемой профессии, отношение к жизни.

Студенты, которые стали объектом включенного наблюдения, – китайцы, приехавшие из МГУ-ППИ в Шэньчжэне и обучавшиеся в МГУ имени Ломоносова в период с сентября

2023 до июня 2024 г. на филологическом и биологическом факультетах. Возраст группы китайских студентов, обучающихся в МГУ и МГУ-ППИ в Шэньчжэне в настоящее время, составляет примерно 20-30 лет.

Со временем общество изменяется, а вместе с ним меняется и язык, который является продуктом общества. Сленг, как форма языка, также постоянно обновляется. Изменение сленга отражает глубокие изменения в языковой картине мира [\[9, с. 32\]](#).

Единого мнения в современной лингвистике по поводу номинации понятия «сленг» на сегодняшний день не существует. Одни языковеды (Л. И. Антрушина, И. В. Арнольд, С. А. Кузнецова и др.) отождествляют сленг с жаргоном и арготизмом, отмечая, что «Вся эта часть лексики отличается своим разговорным и неофициальным характером». Другие учёные, например, И. Р. Гальперин, убеждены, что понятия «жаргон» и «сленг» – не тождественные. Лингвист пишет: «жаргон это язык-шифр социально или профессионально ограниченных групп, а сленг – язык неформального общения различных социальных/возрастных групп» [\[7\]](#).

Являясь довольно подвижными слоями разговорной речи, жаргон и сленг включают в себя широко распространенную систему, имеющую эмоциональную окраску. Это объясняется тем, что в повседневной речи отражается дифференциация социально-культурных групп населения, разного рода социальных коллективов. Соответственно можно наблюдать различные способы выражения мыслей, эмоций, построения письменных и устных текстов, употребления слов. Во всем этом многообразии речи находят отражение специфические нормы речевого поведения каждой из социально-культурных групп населения.

Наиболее яркое отражение таких тенденции находят в общении молодежи, т.е. в молодежном сленге. Ускорение темпа жизни приводит к быстрому росту словарного запаса, ведь каждому новому понятию должно соответствовать как минимум одно слово. Соответственно расширяется словарь сленга, так как именно молодое поколение, еще не связанное литературной нормой и влиянием традиции, первым воспринимает технические и социальные новшества и дает им разговорные наименования.

Молодежный сленг — это особое языковое явление. Он используется в основном для устного общения, не имеет самостоятельной фонетической и грамматической системы и несет в себе явные возрастные характеристики, а также особенности времени и общества [\[31\]](#).

Сущностными чертами молодежного сленга выступают, во-первых, употребление его ограниченным возрастным кругом людей, во-вторых, особый смысловой оттенок слов и выражений, прежде всего эмоциональный, экспрессивный и оценочный. Для языка, характерна стабильность в смысле поддержания незыблемости грамматических законов построения языка, поэтому язык сохраняет традицию данной культуры.

Возраст группы китайских студентов, обучающихся в МГУ и МГУ-ППИ в Шэньчжэне в настоящее время, составляет примерно 20-30 лет, поэтому они активно используют молодежный сленг в своей речи. Далее анализируется культурно-языковая личность китайских студентов путем отбора некоторых сленговых слов в культурных областях, соответствующих вышеуказанным ценностным установкам.

Китайские студенты в России любят произносить такие слова, как 666 (отлично), Wo-qu (иди ты!), Zei-xiang (очень вкусно), Ba-bi-Q-le (капец) и т.д. Возможно, сленговая лексика этих студентов охватывает разные стороны жизни и учебы в России.

(1) 666 (六六六, 棒极了, 棒呆, 酷, 绝绝子) значит зашибись, круто (от англ. cool), клёво, прикольно, отлично, здорово, классно, прикольно, великолепно, супер, обалденно.

(2) Wo-qu (我去, 你妹! 擦! 靠!) значит блин, иди ты! ни фига себе! Студенты часто используют это слово, когда говорят о своих проблемах и неудачах.

(3) Zei-xiang (贼香) обозначает очень вкусно. Китайские студенты говорят, когда они едят вместе: "Bay, Zeixiang!"

(4) Ba-bi-Q-le (芭比Q了) обозначает капец. Например, «完了, 完了, 芭比Q啦 — все, полный капец». В основном это означает, что все не удалось, все кончено.

(5) Niu-bi (牛, 太酷了, 干得漂亮) означает «очень круто, крутяк», — это слово, которое любят использовать молодые люди, особенно студенты.

(6) Tang-ping (躺平), означает «лежать вытянувшись» (от сильной усталости). В переносном значении это слово указывает на социальное движение китайских молодых людей, которые не хотят подстраиваться под напряженный ритм жизни и работы, вызванный высокой конкуренцией и низкой социальной мобильностью в современном китайском обществе, и сознательно ограничивают свои потребности до минимального уровня.

(7) Da-zi (搭子) означает партнёр по игре в карты или мацзян. От этого слова возникли такие сленгизмы, как 学习搭子, означает друг по учебе; еще 饭搭子, означает друг по еде (такого друга можно попросить составить компанию в ресторан, куда одному идти неудобно); 旅游搭子, означает друг по путешествиям.

(8) Shuang-Q (Thank U), это сленг происходит из английского языка, обозначает "спасибо тебе" с отрицательным смыслом, как "медвежья услуга" в русском языке.

(9) Wo-ye-shi-zui-le (我也是醉了), жарг. я тоже пьян; обр. ты прикалываешься? ты издеваешься надо мной? у меня нет слов (о крайней степени удивления) (Internet slang) I can't even...Are you kidding me! OMG!

(10) Chi-tu (吃土) Жри землю! сленг есть землю; обр. жить очень бедно, нечего есть (из-за излишней траты денег).

(11) Chi-gua-qun-zhong (吃瓜群众), жарг. наблюдать, не имея отношения к вопросу; ротозейничать, неосведомлённые массы, толпа зевак, ротозеи.

(12) YYDS (永远滴神) лучший из существовавших.

(13) Bu-zao (不造), ХЗ.

(14) Sao (骚, 地域性俚语), сначала такое слово появилось в китайских стихах и символизировало замечательных поэтов и писателей в гуманитарных науках, а в нынешнее время в местных речевых выражениях Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) оно обозначает прикольно.

(15) Po-fang (破防), я в шоке, меня это потрясло.

(16) Gan-fan (干饭), кушать, есть.

(17) Chi-huo (吃货), любитель поесть, лакомка, гурман, обжора, фуди.

(18) Fan-er-sai (凡尔赛), имитация отсутствия понтов; имитировать отсутствие понтов (когда подчеркнутая скромность намекает, что на самом деле ты ого-го, но страшно устал от всей этой славы, денег, модных тусовок и собственной гениальности); хвастаться, но не напрямую.

(19) EMO (抑郁, 情绪低落), депрессия.

(20) Ma-pi-jing (马屁精), жополиз, подхалим, льстец, подлиза, заискивание и подхалимство; подхалимство и кумовство, лезть, подхалимство, заискивание.

(21) Fen-qing (愤青), ватник, «сердитая молодёжь» (о патриотично, националистично или критично настроенных молодых китайцах).

(22) Fou-xi (佛系), пофиг, пофигу, почихать, ничем не интересоваться, быть равнодушным ко всему, безразличен; не колышет; интересоваться только своим спокойствием, пlying по течению и полагаясь только на судьбу; мне все пофиг — я радуюсь жизни.

(23) Ren-jian-zhen-shi (人间真实), *прямой смысл* – земная реальность, человеческая реальность; *жарг.* жизненно, жиза, жиз, тру.

(24) Mei-yi-si (没意思, 没劲), ни о чём?

(25) Kai-xin (开森, 开心; 满意, 享受), кайф.

(26) La-ji (垃圾), отстой.

(27) Zao-gao (真糟糕, 我靠; 不愉快的事, 真糟糕, 坏事), жесь, жопа, ёлки-палки.

(28) Ma-ya (哎呀, 哎哟, 天哪. 唉呀妈呀), ё-моё.

(29) Bi-xin (比心), сложить пальцы сердечком.

Сленг студентов в полной мере демонстрирует индивидуальные особенности китайских студентов, оказавшихся в кругу российских студентов [4]. Кроме того, он также отражает состояние жизни, учебы и общения студентов вузов, отражает культурные особенности китайской нации. Однако надо отметить, что сленг трудно переводить с китайского языка на русский [5]. Например, многие вышеперечисленные китайские сленговые слова не имеют сленговых аналогов в русском языке ("干饭" — кушать и др.). Поэтому в рамках данной статьи мы ограничимся анализом культурно-языковой личности современного китайского учащегося в российских и китайских вузах на основе небольшой группы наиболее распространённой лексики.

(1) Независимость от коллектива

Существует такой стереотип, что для китайских студентов коллективизм характерен в большей степени, чем индивидуализм. Однако мы считаем, что все не так однозначно.

В связи с бурным развитием экономики Китая почти каждый нынешний китайский студент – это единственный ребенок в семье, он с рождения стал центром семьи, привык уделять больше внимания себе и быть эгоцентричным [6, с. 33]. Благодаря относительной демократичности и свободе семейного воспитания студенты независимы в мышлении, не любят, когда в их жизнь слишком сильно вмешиваются другие, и используют различные способы, чтобы привлечь внимание общества, чтобы показать себя; больше внимания они уделяют субъективным чувствам и индивидуальному сознанию. Они сосредотачиваются на самовыражении, а также устанавливают более высокие стандарты

качества жизни. Они проявляют свою индивидуальность в мыслях, обучении и образе жизни.

С другой стороны, в зарубежных странах среди китайских студентов широко распространено такое суждение: "Не верьте китайцам за границей, потому что китайцы лгут китайцам". Например, много китайских студентов, которые были обмануты при обмене валюты в России. Недавнее исследование показало, что 58.33% учащихся испытывали страх быть обманутыми незнакомыми китайскими людьми [\[26, с. 26\]](#).

Студенты уезжают из Китая, чтобы учиться в России, преследуя независимость личности и собственные мысли, и имеют сильное чувство соперничества. Однако в чужой стране людям нужна помощь других, когда они сталкиваются с проблемами. Таким образом, появляются малые группы, но в них также проявляется сильная личность. Если не существует коллектива, сформированного более крупной социальной группой для совместной работы, то это также кажется неуместным как скопище людей [\[12\]](#); [\[27\]](#).

Образованные студентами малые группы часто ориентированы на решение конкретной проблемы. Это отражают такие сленгизмы как dazi (搭子), что означает партнёр или приятель, 学习搭子, что означает партнер по учебе, еще 饭搭子, что означает партнер по еде (такого друга можно попросить составить компанию в ресторан, куда одному идти неудобно); 旅游搭子, что означает партнер по путешествиям и т. д.. Первая причина появления таких сленгизмов по-прежнему кроется в одиночестве, а вторая — в том, что равное распределение денежных средств может сократить необходимые расходы. Конечно, факторы безопасности также нельзя игнорировать.

Тем не менее, китайские студенты не демонстрируют собственное мировоззрение на уроках, с одной стороны, в связи с тем, что язык в определенной степени создает некоторые препятствия, им трудно сблизиться с русскими преподавателями и студентами. С другой стороны, споры формируют конфликты и студентам трудно управлять последствиями. Но в малом коллективе вне учебы китайские студенты ведут себя эгоцентрично и выставляют напоказ свою индивидуальность. При возникновении же проблем они в первую очередь обратятся за помощью к своим китайским сверстникам. Это может быть небольшая группа, обладающая культурной и поведенческой идентичностью, сформировавшейся у национального сообщества [\[20, с. 195\]](#).

(2) Стремление «сохранить лицо»

С точки зрения национальной культуры: индивидуальная особенность китайских студентов — молчание (по причине боязни «потерять лицо») [\[1\]](#).

Широко распространен такой предрассудок, что у китайских студентов нет личности. Причина в том, что большинство китайских студентов учатся в качестве 吃瓜群众 (жарг. наблюдать, не имея отношения к вопросу; ротозейничать, неосведомлённые массы, толпа зевак, ротозеи). Поэтому в китайском обществе критикуют национальную систему образования, ориентированную на экзамены, за то, что она превращает учащихся в автоматы для заучивания билетов, а стандартизированное преподавание в режиме конвейера стирает индивидуальность студентов.

На самом деле у китайских студентов есть индивидуальность. У всех студентов разное восприятие, разные мысли и разные ценности. У них разное отношение к разным вещам, разные убеждения и разные эмоциональные переживания. Конечно, их поведение тоже различается. В целом у китайских студентов всегда была индивидуальность, и они не

утратили ее под влиянием обучения, ориентированного на сдачу экзаменов.

Но дело в том, что между индивидуальным и всесторонним образованием Китай делает упор на последнее, в противном случае, стреляют по той птице, что выставляет голову, то есть инициатива наказуема [3]. Хотя в настоящее время личностное образование является важной целью качественного образования в Китае, нельзя говорить о том, что эта цель достигнута. До сих пор в Китае не принято поощрение студентов преподавателями (впрочем как и детей родителями). Причина в том, что в Китае большое население и большой размер класса. Чтобы облегчить работу в университете, преподаватели будут взаимодействовать с учащимися единообразно. Поэтому у студентов слабо развиты навыки самовыражения.

По этой причине китайские студенты, приехавшие в российские вузы, молчат на занятиях и предпочитают догматический метод обучения в отличие от русских студентов [11, с. 47]. А когда они в определенной степени усваивают учебные материалы, то становятся способными к общению с преподавателем, чтобы ошибки не были слишком вопиющими [22]. Страх совершить ошибку, страх быть неправильно понятым, страх произвести плохое впечатление не позволят студентам вступить в диалог. Конечно, есть и молодые люди, готовые к обучению в стиле платоновского диалога, но эта ситуация требует двустороннего взаимодействия между преподавателем и студентами, требует большой терпимости и поощрения со стороны преподавателя. Однако трудно найти таких преподавателей, в то время как механическое заучивание позволяет легко выполнять учебные задания, но нелегко сказать, соответствует ли качество такого преподавания образовательным стандартам.

Китайские ученики могут знать материал, но не давать обратной связи преподавателю, понимают ли они его. Может быть и наоборот: студент не понимает (不造), но тоже молчит [23]. Что еще хуже, студенты, которые не молчат, могут делать вид, что понимают, что печально. Конфуций говорил, что "Знание в том, чтобы *знать* то, что *знаешь*, и не *знать*, что не *знаешь*". Другими словами, если человек открыто и без стеснения говорит, что он о чем-то не знает, то он проявляет мудрость. Учащемуся не следует обманывать себя: когда диалог невозможен, будут преобладать модели заучивания и догматического восприятия материала, но это не уничтожает индивидуальность студента, просто индивидуальность умолкает.

У каждого человека есть такие черты, которые отличают его от других людей. Когда китайские студенты находятся перед преподавателем, они очень сдержанны, в то время как в кругу сверстников они ведут себя по-другому — свободно разговаривают на любые темы и ведут себя непринужденно. Естественно, людям трудно увидеть настоящее лицо другого человека, поэтому некоторые думают, что у китайских студентов нет личности. Отсюда возникло неправильное представление. При более тесном общении с иностранными студентами выясняется, что у каждого юноши и каждой девушки из Китая есть индивидуальность: кто-то более общительный, кто-то чуть более молчаливый, а молчание — тоже проявление личности. Поэтому мнение о том, что у китайских студентов нет личности, является ложным.

(3) Угождение (гуаньси)

Одна из характеристик китайских студентов — угождение (гуаньси). Это связано со стремлением установить хорошие отношения между учителем и учеником, что способствует развитию учащихся и улучшению качества образования.

Учащиеся, которые не молчат на занятиях и активно отвечают, могут действительно изучить материалы и высказать некоторые собственные мнения. Но иногда студенты намеренно угождают преподавателю и соглашаются с какой-то точкой зрения только на словах. Однако между китайской и русской культурами всегда будут различия, которые вызывают разные убеждения. Разница в знаниях между преподавателями и учениками вызывают интерес к диалогу между преподавателями и учащимися. Кроме того, преподаватели всегда могут похвалить и удовлетворить студенческое тщеславие. Китайские студенты любят, когда их хвалят, и они стремятся понравиться преподавателю. Сказать какие-то необычные слова — все равно, что носить не традиционную одежду, которая всегда может привлечь внимание людей. Такой учащийся, который пытается угодить преподавателю, может быть охарактеризован сленгизмом 马屁精 — подхалим, льстец, подлиза, заискивание и подхалимство.

Есть и такие студенты, которые молчат на уроке, но часто общаются с преподавателем после урока. Можно предположить, что они хотят успешно сдать экзамен. В другой ситуации студенты молчат на уроках и молчат после уроков, но в жизни у них другой характер — они свободно общаются с одноклассниками. Заискивание — это способ межличностных отношений, с помощью которого студент хочет произвести на преподавателя хорошее впечатление, чтобы сдать экзамен и успешно закончить учебу. Но в реальной жизни он может легко сменить эту маску угождения на совсем другую подобно хамелеону.

Угождать (гуаньси) является одним из способов адаптации, это сложное и многогранное явление [\[14, с. 285\]](#). Оно подразумевает приспособленность человека к существованию в обществе, в соответствии с требованиями общества и собственными потребностями, мотивами, интересами. Критерии адаптации: а) объективные (внешние) — продуктивность деятельности, успеваемость, соответствие поведения социальным нормам и т.п. и б) субъективные (внутренние) — субъективная удовлетворенность своим положением, отсутствие психоэмоционального напряжения, тревоги и т.д. Соответственно адаптация представляет собой многокомпонентное образование с содержательно-структурной и предметно-аппликативной точек зрения, а угождать (гуаньси) представляет собой основное средство для адаптации.

Впрочем, помимо негативного смысла гуаньси также включает и благодарность. В Китае есть такая фраза: "один день я у тебя учусь – всю жизнь ты для меня отец". Поэтому необходимо установить хорошие отношения с преподавателем, и всегда нужно быть благодарным судьбе и преподавателям за их помощь, в данной ситуации, студенты будут складывать пальцы сердечком (比心), чтобы выразить преподавателям свою признательность.

(4) Культ еды

Еще одна особенность китайских студентов — культ еды. Для студентов, помимо проблем с учебой и общением, следующей по важности является проблема питания.

Национальная пища — это исторически сложившаяся, комплексная система питания народа той или иной страны (нации), включающая набор базовых продуктов питания и блюд, основополагающих для данного народа, а также способы обработки и приготовления пищи, ее подачи и приема, консервации и хранения, систему запретов и ограничений, пищевых предпочтений, иногда имеющих физиологический характер (непереносимость того или иного продукта) [\[18\]](#). Например, китайские студенты не пьют кефир и не едят сметану и т.д.

Из-за различий в культуре питания между Китаем и Россией большинство китайских студентов в России готовят себе сами, потому что они любят жареные овощи, острый суп и ланьчжоускую лапшу. Кроме того, есть большие различия в приправах и способах приготовления. Даже в самом Китае существуют свои особенности в отношении еды. Северяне любят лапшу, поэтому их характер смелый; южане любят рис, их характер нежный как рис. Но есть исключения: некоторые китайцы одновременно любят рис и лапшу. Свободное время китайских студентов в России уходит на еду. Возможно, еда была очень важна в сознании китайцев с древних времен [15]. Студенты, особенно из южной части Китая, могут носить старую одежду и плохо выглядеть, но никогда не будут пренебрегать вкусной едой. Поэтому китайские студенты часто говорят: мы все обжоры и лакомки (吃货), а теперь давайте вместе что-то покушаем!

Когда китайские студенты едят вместе, они говорят: “Bay, Zeixiang (贼香)!”. Zeixiang означает очень вкусно. Совместное наслаждение едой — это привычный способ общения китайских студентов; это средство для того, чтобы снять стресс и расслабиться. Китайский народ считает пищу своим небом, т.е. для народа пища — самое главное. Когда студенты в депрессии (ЕМО — 抑郁, 情绪低落), нет такого приема пищи, который не мог бы решить проблему. Если один прием пищи не сработает, будет два приема пищи. Совместный прием пищи это самое важное хобби и лучший способ общения для китайских студентов, пожалуй, в такой же степени, в которой для русских студентов таковыми являются совместные прогулки.

(5) Желание зарабатывать деньги

Студенты, обучающиеся в России, имеют определенное желание зарабатывать деньги [29]. Молодые люди из хорошо обеспеченных семей, желающие поступить в бакалавриат, в первую очередь выберут Европу и США, а те, чьи родители не обладают большим достатком, выберут Россию. Конечно, степень экономического развития страны, в которую отправляется студент, связана с финансовой обеспеченностью семьи. Есть и другие причины: Европа и США привлекают китайских студентов своей развитой экономикой и технологиями, Япония и Южная Корея — культурными расовыми сходствами, а Россия — политической и исторической подоплекой.

Большинство магистрантов продолжают прежнюю специальность бакалавриата. Они приезжают в Россию, чтобы повысить свой языковой уровень и профессиональные способности. Москва — первый выбор для китайских студентов, т. к. не только гарантирует высокое качество образования, но и предоставляет много возможностей для заработка.

Зарабатывание денег является важным для китайских учащихся обоих полов. В настоящее время в китайском обществе особое значение придается независимости женщин, уверенности в себе и самосовершенствованию, а также принципу отказа от брака, поэтому китайской девушке необходимо иметь собственный источник доходов. Мужчине необходимо найти партнера, поэтому зарабатывание денег для него также имеет большое практическое значение.

Илон Маск сказал, что деньги — это право распределять ресурсы. Цель студентов — зарабатывать деньги для того, чтобы наслаждаться и любить жизнь больше, чем смысл жизни. Кроме того, зарабатывание денег не только позволяет студентам оплачивать обучение и проживание, но и дает возможность избежать крайней нищеты, чтобы им не пришлось жрать землю (吃土) (сленг есть землю; обр. жить очень бедно, нечего есть). Что еще более важно, уверенность в себе и обеспечение себя собственными руками

делают людей счастливыми, и это позволяет накапливать жизненный и трудовой опыт. Кроме того, есть и такие студенты, которые пропускают занятий, чтобы зарабатывать деньги. Конечно, не исключено, что мало случаев болезни и отпуска по собственному желанию.

(6) Желание лежачего образа жизни

А. В. Павловская отметила в своей статье, что китайские студенты ленивы и пропускают занятия. Нельзя не признать, что некоторые китайские студенты не имеют ответственного отношения к учебе, и этим они отличаются от китайских аспирантов-химиков, которых она видела в Соединенных Штатах [\[19, с. 56\]](#).

Однако студенты разные и на их поведение оказывают влияние различные факторы.

Во-первых, большое влияние на личность студентов оказывает семейная среда. Студенты из крестьянских семей, как правило, трудолюбивые, добрые, простые, не очень хорошо образованы, с инерционным типом мышления. В семьях среднего достатка, родители в которых, как правило, государственные служащие и частные предприниматели, студенты обычно хорошо образованы, имеют гибкое мышление, хорошо выстраивают межличностные отношения. Элитные семьи здесь не обсуждаются, ведь их меньшинство. Китайские студенты, которые приезжают в Россию учиться в бакалавриате, обычно из семей среднего класса и небрежно относятся к учебе.

Во-вторых, в настоящее время у китайских студентов много психологических проблем [\[8\]](#). Например, слишком полагаясь на Интернет, студенты получают из него большую часть информации, впадают в информационную зависимость и испытывают чувство пустоты. "Интернет-отравление" стало распространенной психологической проблемой среди студентов. Они пристрастились к онлайн-чатам, онлайн-знакомствам и онлайн-играм, ищут духовной поддержки или избегают общества, семьи и работы, потому что не могут обрести чувство идентичности. В реальной жизни, когда они находятся под давлением, то ищут духовного облегчения и утешения в онлайн-мире. А оказавшись в реальном мире, они становятся беспокойными, так как не знают, что делать. По этой причине студентам приходится проводить "лежачий" образ жизни.

В-третьих, прилежность студентов зависит от отношения к ним со стороны преподавателей. Российские преподаватели взаимодействуют со множеством студентов, и не могут заботиться о каждом студенте: если студентов слишком много, то легко увидеть предпочтения преподавателя в отношении конкретных учащихся. Часто преподаватели оказывают предпочтение одним студентам перед другими, и это будет влиять на процесс обучения. Возможно, что некоторые учащиеся, бросившие учебу, "лежали плашмя", потому что их демотивировало отношение преподавателя.

Еще один важный фактор, определяющий усердие китайских студентов в России, имеет социальное происхождение. В Китае жестокая и бессмысленная конкуренция в разных сферах жизни привела к появлению социального движения танпин. Tangping (躺平) означает «лежать вытянувшись» (от сильной усталости). В переносном значении это слово указывает на контркультуру китайских молодых людей, которые не хотят подстраиваться под напряженный ритм жизни и работы, вызванный высокой конкуренцией и низкой социальной мобильностью в современном китайском обществе, и сознательно ограничивают свои потребности до минимального уровня. Те студенты, которые хорошо учатся и готовы к конкурентной борьбе, выберут такие страны как Европа, Америка, Австралия, Сингапур или же останутся в самом Китае. В тоже время

“лежачие” китайские студенты скорее предпочтут Россию, потому что здесь малая конкуренция [24].

Поэтому когда студенты ленивы, им нужна самомотивация и решительность, а также им нужно больше общаться с преподавателями и сверстниками, чтобы университет согревал и питал душу. Таким образом, атмосфера в университете и хорошие академические отношения между преподавателями и учениками сильно повлияют на развитие человека.

(7) Желание быть госслужащим

С древности ключевое место в культуре Поднебесной отводилось государству. Поэтому чиновник являлся важнейшим представителем элиты традиционного китайского общества, а значит достижение его положения было желанным для многих китайских людей.

Одним из качеств, необходимых для того, чтобы стать государственным служащим, считалось усердие в учении. Конфуций говорил: “Те, кто прилежно учится, станут чиновниками”. В суждении речь идет о необходимости постоянного самосовершенствования, оно выражает конфуцианские представления о том, что элиту общества должны составлять энергичные образованные люди, добившиеся своего положения упорным трудом и непрестанной учебой [28]. Помимо роли усердия это суждение также подчеркивает в целом важность получения образования для китайского человека, желающего быть чиновником.

Влияние коммунистической идеологии, с одной стороны, сохранило ряд традиционных китайских представлений о роли государства и бюрократии, а, с другой, привело и к определенным изменениям.

В настоящее время китайские студенты буквально рождаются с коммунистическими воззрениями такими, как марксизм-ленинизм, идеи Мао Цзэдуна, теория Дэн Сяопина, концепция «трех представительств», основные социалистические ценности и т.д. Китайцы считают, что материя определяет сознание и что самое главное в жизни — это труд. Они верят в то, что труд приносит удовлетворение и радость людям. Они делают упор на материальную реальность, имеют большие духовные потребности, но не знают, как правильно их реализовать. Таким образом, трудолюбие все еще считается важным качеством китайского студента. В то же время представление о главенстве материального делает цели китайских студентов более утилитарными.

Поэтому, с одной стороны, китайские учащиеся заботятся о будущем и судьбе страны, уделяют внимание решению глобальных социальных проблем, но, с другой стороны, давление рыночной конкуренции делает студенческие ценности более прагматическими. Они в первую очередь стремятся к материальным благам и высокому качеству жизни. В связи с этим, например, некоторые студенты рассматривают вступление в партию как способ трудоустройства и достижения личного благополучия, что отражает прагматизм в их политических убеждениях.

Когда нынешние студенты сдадут экзамены и поступят в систему государственной службы, все будут считать их успешными людьми. Их товарищи и знакомые скажут им: 666! (зашибись, все идет хорошо; круто (от англ. cool), клево, прикольно, отлично) [25]. Государственные служащие, хотя их заработная плата и не так высока как у тех, кто занимается бизнесом, имеют достойную работу, хорошие социальные пособия и не беспокоятся о пенсиях по старости. Другими словами, по представлениям китайской молодежи представители данной профессии могут «лежать вытянувшись» (躺平).

(8) Поэзис как философия жизни

Китайские студенты часто проявляют отношение к жизни через сленг, например, жиза — жизненно (人间真实, жарг. жизненно, жиза, жиз, тру). Это сокращение от слова «жизнь». Слово «жиза» обычно употребляют после смешных или поучительных историй.

Сталкиваясь с проблемами, студенты говорят о том, что не надо впадать в ЕМО (抑郁, 情绪低落 — депрессия), а надо иметь отношение витализма к жизни, понимать настоящую жизнь. Они хотят прожить жизнь, подобную поэтическому жительствоваанию у М. Хайдеггера и у китайского Есенина — Хай цзы.

Вся жизнь человека способна быть поэсисом, утверждает Хайдеггер, этим производящим отношением к жизни, когда человек раскрывает в мире сущее как оно есть. Его суть — в решимости получить индивидуальной опыт подлинного переживания бытия [\[2, с. 43\]](#). Для Хайдеггера человек всегда имеет дело с сущим в его бытии, ему присуща двойственность: он видит те или иные вещи через уже имеющиеся у него в распоряжении способы их схватывания, и в то же время он открыт для всякой вещи в ее бытии. Он открыт к бытию вещи как к трансценденции всего уже готового, известного, прожитого.

Здесь важно понять, что такая открытость способна присутствовать не только там, где мы действительно видим сотворение чего-то удивляющего нас своей новизной. Язык открыт для инноваций и модернизаций. Причина в том, что для языка характерна способность быстро реагировать на происходящие в обществе изменения появлением новых слов, или смыслов старых, а также забвением не соответствующих времени, потерявших актуальность слов.

У китайских студентов есть свои особенности и уникальность, и в сфере образования необходимо придерживаться индивидуального подхода к обучению и относиться к студентам с терпимостью [\[27\]](#); [\[30\]](#). Тогда и у студентов, и у преподавателей будет поэтический мир в их собственных областях. Видно, что поэтическое присутствие может осуществляться и в тех образах жизни, которые предполагают некоторую повторяемость. Человек оказывается производящим именно в таком смысле, приводящим к явленности в красоте и силе того, что неприметно таится и присутствует в самих вещах.

Из вышесказанного очевидно, что в зависимости от индивидуальных особенностей для разных студентов общие цели будут иметь разный приоритет. Поэтому каждый уникален и имеет индивидуальность, и нельзя обобщать или предвзято относиться. Все вышеперечисленное является смыслом существования человека в определенном пространстве и времени, студентам хочется, как писал Достоевский в "Братьях Карамазовых", полюбить конкретную жизнь, а не смысл жизни.

Кроме того, современный китайский язык и культура изменились с развитием общества, и в то же время они сформировали личность и ценности студентов в коллективе. Поэтому для более глубокого и точного понимания китайских студентов необходимо больше контактов и обменов.

Заключение

Несмотря на небольшой объем выборки сленговой лексики, этого достаточно, чтобы увидеть культурно-языковую личность современных китайских студентов в МГУ и МГУ-ППИ в Шэньчжэне на основе этих молодежных сленгов, которые самобытны,

разнообразны, сложны и интересны.

Мы видим, что особенности культурно-языковой личности китайских студентов проявляются через ценностные доминанты, отраженные в сленге. Рассматривая сленговые единицы, мы обнаружили, что в них репрезентируются такие важные для китайцев ценностные установки, как независимость от коллектива, стремление «сохранить лицо», «угождение» (гуаньси), культ еды, желание зарабатывать деньги, желание лежачего образа жизни, желание быть госслужащим, поэзис как философия жизни. Указанные доминанты, связанные с аксиологическим измерением национального образа мира, во многих аспектах определяют речевое поведение студентов, в котором сленг становится одной из наиболее экспрессивных форм выражения того, как ценностное ядро культуры переживается и интерпретируется сознанием современной молодежи.

Подводя итоги, можно отметить, что молодежный сленг позволяет обнаружить специфику культурно-языковой личности современных китайских студентов. Сленги, с одной стороны, выявляют языковые и культурные особенности китайского студента, а с другой — сохраняют уникальность и сложность личности. Китайские молодежные сленги несут в себе содержание китайской идентичности студентов. Таким образом, проанализированные ценностные доминанты сленга раскрывают особенности культурно-языковой личности студентов. Безусловно, ценностные доминанты молодежных сленгов не ограничиваются предложенными примерами и будут изучены подробнее в будущих работах других исследователей.

Библиография

1. Антонова Ю.А. Национально-психологический портрет китайского студента, изучающего русский язык // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 161–171.
2. Антонова Е.М. Строительные леса у Собора: Мартин Хайдеггер и поэтическое мышление // Философия и культура. 2017. № 6. С.36-43. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.6.20942 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20942
3. Варламова Н.В. Особенности менталитета китайских студентов // ОНВ. 2012. №1 (105). С. 31–34.
4. Ван Синхуа Русские и китайские молодежные жаргонизмы как проявление национальной лингвокультуры и объект научного исследования // Сибирский филологический журнал. 2017. №3. С. 248–257.
5. Ван Сян. Трудности перевода интернет-сленга с китайского языка на русский (2018–2020 гг.) // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2А-3А. С. 254-259.
6. Владимирова Т.Е. О китайской языковой личности как субъекте общения // Русистика. 2005. №1. С. 66–77.
7. Гальперин И.Р. О термине «слэнг» // Вопросы языкознания. 2000. № 6. С. 15-24.
8. Елистратов В.С., Хэ Я. Современный китайский учащийся в российском вузе: опыт составления суммарного портрета культурно-языковой личности // Философия и культура. 2025. № 1. С.18-28. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.1.73037 EDN: ARSAUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73037
9. Елистратов В.С. Жаргон русского капитализма начала XXI В. Как объект лексикографического описания (проект Словаря) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. №4. С. 32-47.
10. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации // Флинта : Наука. 2013.
11. Коваль Е.С. Адаптация личности в социально-психологической структуре малой группы // Северо-Кавказский психологический вестник. 2011. №2. С. 55-58.

12. Короткина Е.Д. Сравнительный анализ социально-психологических характеристик коллектива и команды // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. № 2-2. С.213-223.
13. Кыштымова Т.В. Понятие "языковая личность" в современной лингвистике // Вестник ЮУрГГПУ. 2014. №6. С.237-244.
14. Луцкая Е.Е., Леонтьев Станислав Викторович, Лю Вэй Китайская система взаимоотношений "гуаньси" и ее влияние на деловую этику и организационное поведение // Социально-гуманитарные знания. 2017. №4. С.282-295.
15. Лю Цзюэ Китайские студенты в Казанском федеральном университете: социальный опрос // Казанский вестник молодых учёных. 2019. №3 (11). С.107-113.
16. Лебедева Е.С. Культурно-языковая личность Ольги Грушиной как писателя транслинга // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2020. №17(1). С. 107-112.
17. Леонтович О.А. Введение в межкультурную коммуникацию // Гнозис. 2007.
18. Павловская А.В. Понятие национальной кухни: к теории вопроса // Материалы II международного симпозиума «История еды и традиции питания народов мира». 2015. №. 1. С.65-75.
19. Павловская А.В. Взаимодействие культур в международном образовании: К вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №2. С.52-65.
20. Малышева М.В. Культурно-языковая адаптация китайских студентов в московских университетах // Социоллингвистика. 2021. №2 (6). С.187-205.
21. Туманова А.Б. Контаминированная языковая картина мира в художественном дискурсе писателя-билингва // КБТУ. 2010.
22. Соколова Г.Е. Наиболее распространенные виды ошибок китайских студентов при обучении русскому языку как иностранному // Проблемы современного образования. 2020. №2. С.146-154.
23. Фурманова В.П. Межкультурная и культурноязыковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков (языковой вуз). Москва. 1994.
24. Филимонова Н.Ю., Романюк Е.С. Китайские студенты в вузах России // Высшее образование в России. 2014. №8-9. С.76-81.
25. Хэ Я. Практические аспекты использования чат-ботов для обучения русскому языку в рамках межкультурной коммуникации // Человек и культура. 2023. № 6. С.60-75.
26. Хэ Я. Проблема межкультурного общения в образовании: культурный шок и адаптация к нему // Человек и культура. 2023. № 5. С.17-28.
27. Хэ Яньли Сравнение китайских и российских концепций образования с точки зрения теории межкультурных измерений Герт Хофстеде // Миссия конфессий. 2023. С.45-52.
28. Чу Цзяньминь, Кошкарлова Н.Н. реализация идей конфуцианства в педагогическом дискурсе: Лингвокультурный комментарий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №11. С.272-276.
29. Яркова Т.А., Михайлова Н.К. Занятость студентов на рынке труда: "старые" или новые тенденции? // Экономика труда. 2019. №1. С.587-598.
30. Яньли Х. Межкультурная коммуникация в Китае: анализ исторического развития и взаимодействия России и Китая в международном образовании // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2024. Т. 30. № 1. С.148-159.
31. 荣洁, 赵为. 俄语俚语研究[M]. 哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2000. («Исследование русского сленга», — Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство. 2000.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемый текст «Культурно-языковой анализ личности китайских студентов посредством сленга» представляет собой довольно любопытную попытку посредством лингвистического анализа сформулировать культурно-языковую личность современного китайского студента, находящегося на обучении за пределами КНР, в данном случае в России. В теоретическом аспекте ключевыми понятиями для данного текста являются термины «Культурно-языковая личность» и «сленг», раскрытию этих терминов посвящена вводная часть текста; если «культурно-языковой личности» придан какой-то обзор литературы, то другое ключевое понятие «сленг» поясняется довольно бегло, и когда автор затем объясняет свою методику как «отбор некоторых сленговых слов в соответствующих культурных областях», мы не понимаем ни критериев отбора, ни чему должны соответствовать упомянутые «культурные области». Далее, представляется, что заглавие текст следует скорректировать, не «Культурно-языковой анализ личности китайских студентов посредством сленга», а «Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга». Вообще тексту присуще большое количество стилистических и смысловых ошибок (Студенты уезжают из Китая, чтобы учиться в России, преследуя независимость личности и собственные мысли,Опрос показал, что 58.33% учащихся испытывали страх быть обманутыми китайскими людьми.... Китайцы воспринимают еду как небо.Как написал Тютчев, "умом Россию не понять", и студенты будут молчать, когда не будут знать.. Конечно, есть и студенты в стиле платоновского диалога, но эта ситуация требует двустороннего взаимодействия между преподавателем и студентами...В связи с бурным развитием экономики Китая, почти каждый нынешний китайский студент – это единственный ребенок в семье" и т.д. и т.п.)). Существенным недостатком работы является отсутствие авторских пояснений относительно материалов и методики исследования; «Методами исследования послужили анализ релевантных материалов и наблюдение за учебой и жизнью китайских учащихся в России. Материалами исследования являлись электронный русско-китайский словарь (<https://bkrs.info/>) и научные статьи на русском и китайском языках. Словарь и статьи были проанализированы с точки зрения отражения в них национального менталитета современных китайских учащихся, которая проявляется в выборе определенных речевых выражений, психофизиологических характеристиках, а также в ценностных доминантах поведений». Какие материалы автор называет релевантными? Сколько студентов, какого возраста, когда, где, в течение какого периода подвергались наблюдению? По какому критерию отбирались слова из электронного словаря? Что за научные статьи и каким образом использовал автор? Он полемизирует с ними или пересказывает их содержание? Это элементарные вопросы, на которые в тексте статьи ответов нет. Далее следует список из 25 сленговых выражений, некоторые из которых вызывают вопросы: (15) Da-lao-hu, da-cang-ying (打老虎,拍苍蝇), охота на тигров (программа борьбы с высокопоставленными коррумпированными чиновниками в Китае) бить и тигров, и мух (бороться со злоупотреблениями чиновников на всех уровнях, невзирая на чины – лозунг антикоррупционной кампании Си Цзиньпина). (16) Qiang-guo-you-wo (强国有我), я вместе со своей великой страной. (18) Nei-juan (内卷), инволюция, нерациональная конкуренция, жестокая и бессмысленная конкуренция, внутренний экзамен. Совершенно не поясняется, откуда и по каким критериям были отобраны эти выражения, относящиеся, по мнению автора, к молодежному сленгу. Далее автор выделяет восемь характерных черт, присущих китайским студентам, приводит

соответствующие этим чертам сленговые выражения. Это наиболее интересная и ценная часть текста, хотя и здесь бывает сложно отделить авторскую мысль от приводимых примеров студенческого мировоззрения : "Человеческая жизнь словно утренняя роса, это значит жизнь человека кратковременна, быстротечна, поэтому не надо впадать в ЕМО (抑郁,情绪低落 — депрессия), а надо иметь отношение витализма к жизни, понимать настоящую жизнь. Жизнь подобна игре, игра подобна жизни. Каждый человек играет свою определённую роль. Вся жизнь — театр, человеческая жизнь похожа на театр, а китайцы полагают, что весь мир просто как балаган, поэтому они проявляют такое отношение к жизни как 佛系, то есть пофигизм. Они интересуются только своим спокойствием, плывя по течению и полагаясь на судьбу; им на все пофиг — они просто радуются жизни». Выводы сводятся к перечню довольно стандартных характеристик, которые присущи не только китайским студентам, но людям вообще: «Китайские учащиеся благодарны за помощь в отношениях между преподавателями и студентами, с одной стороны, а с другой — преследуют свои собственные интересы. Они зарабатывают деньги для покрытия расходов, но их самым любимым занятием в дополнение к основной задаче учебы является наслаждение едой..... Кроме того, они с нетерпением ждут возможности изменить жизнь к лучшему после учебы». В этом смысле задача исследования – выявить языковые и культурные особенности китайского студенчества в экзотическом пространстве России – не решена, при том что внутри основного текста содержатся вполне оригинальные тезисы, которые не получили отражения в выводах. При этом в выводах зачем-то возникают примеры диалогов с использованием сленга. Автор неоднократно указывает, что одной из побочных целей его исследования является помощь преподавателям в понимании своих китайских студентов, это разумная и актуальная задача, но исполнение ее пока далеко от идеала. Автору следует разобраться с определением понятия «молодежный сленг», критериями отбора материала и собственно методами своего исследования, соотношениям данного исследования с предшествовавшими исследованиями; существуют проблемы с распределением материала по разделам статьи и с формулировками выводов. По исправлении указанных недочетов статья может быть опубликована.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор отразил в заголовке («Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга»), является сленг (набор сленгизмов) китайских студентов, рассмотренный автором как аспект характеристики (объекта исследования) культурно-языковой личности китайских студентов.

Эмпирическим материалом исследования послужила авторская репрезентативная выборка сленговой лексики, представленной в электронном русско-китайском словаре «大 БКРС» (<https://bkrs.info/>), усиленная обзором научных публикаций по теме на русском и китайском языках. Цель исследования является изучение особенности культурно-языковой личности современного китайского учащегося в российских и китайских вузах.

Автор в достаточной мере ясно представил читателю программу исследования, рассмотрел совокупность наиболее широко употребляемых китайскими студентами сленгизмов в аспекте характеристики с их помощью ментальных особенностей восприятия китайской молодежью окружающей действительности.

Автор приходит к вполне обоснованному выводу, что «молодежный сленг позволяет обнаружить специфику культурно-языковой личности современных китайских студентов». С одной стороны, частота употребления сленгизмов позволяет выявить языковые и культурные особенности китайского студента, а с другой — механизмы сохранения уникальности и сложности личности, особую китайскую идентичность студентов. Безусловно, проанализированные автором ценностные доминанты сленга раскрывают особенности культурно-языковой личности китайских студентов. Автор вполне обосновано полагает, что ценностные доминанты молодежных сленгов не ограничиваются рассмотренными в статье примерами и их подробное изучение в будущих работах представляет достаточно перспективную предметную область лингвокультурологических исследований.

Таким образом, предмет исследования автором раскрыт на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методология исследования опирается на включенное наблюдение за учебой и жизнью китайских учащихся, объектом которого стали студенты 20-30 лет, приехавшие из МГУ-ППИ в Шэньчжэне и обучавшиеся в МГУ имени Ломоносова в период с сентября 2023 до июня 2024 г. на филологическом и биологическом факультетах. Наблюдение позволило автору осуществить репрезентативную выборку сленгизмов, отражающих национальный менталитет современных китайских учащихся. Эта выборка репрезентует наиболее распространенный набор речевых выражений, психофизиологические характеристики восприятия действительности и важнейшие, на взгляд автора, ценностные доминанты поведения китайских студентов. С опорой на теоретически фундированную систему критериев характеристики культурно-языковой личности автор осуществил отбор сленгизмов, отражающих совокупность ценностных установок («степень зависимости от коллектива, степень проявления личности, отношение к преподавателям, отношение к еде, отношение к труду, отношение к желаемой профессии, отношение к жизни»), и проанализировал их семантику. В целом авторский методический комплекс релевантен решаемым научно-познавательным задачам. Цель исследования достигнута. Представленные итоговые выводы хорошо аргументированы.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное», т. е. всегда актуальный срез культуры человеческого общения. Поэтому изучение молодежного сленга китайских студентов позволяет зафиксировать как языковые и культурные особенности китайского студента, так и механизмы сохранения уникальности и сложности личности, особую китайскую идентичность студентов.

Научная новизна исследования, состоящая в репрезентативной выборке и семантическом анализе наиболее употребляемых китайскими студентами сленгизмов, а также авторских выводах относительно отражения в них особого менталитета и культурной идентичности личности, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста автор в целом выдержал научный, речь автора профессиональная и ясная, хотя текст следует дополнительно вычитать (встречаются описки в словах и знаках препинания: «подлиза,, заискивание и подхалимство;», «по путешествиям и т. д..», «До сих пор в в Китае», «У каждого человека есть есть такие черты», «можно ометить, что» и др.).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемную область исследования, но её оформление следует скорректировать в едином стиле согласно требованиям редакции и ГОСТа (см. https://nbpublish.com/fkmag/info_106.html).

Апелляция к оппонентам корректна и вполне достаточна, автор аргументировано

участвует в актуальной теоретической дискуссии.

Статья, безусловно, представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура» и после исправления оформительских недочетов может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Анализ культурно-языковой личности китайских студентов на основе сленга», в которой проведено исследование роли неформальной лексики в формировании и последующем изучении целостного портрета социокультурного статуса субъекта.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что языковая личность представляет собой сложное переплетение коллективного, преломленного через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное. Культурно-языковую личность автор представляет как интегративное и целостное качество субъекта, обладающего определенным этно- и социокультурным статусом, языковым и культурным информационным запасом, представленным в виде тезаурусов, и способностью его адекватного применения, которое свидетельствует об уровнях владения языком и культурой.

Актуальность исследования обусловлена увеличивающимися темпами культурного обмена и межкультурной коммуникации между Россией и Китаем.

На основе анализа научной обоснованности проблематики автор делает заключение о достаточном количестве трудов в российском и китайском научном дискурсе, посвященных проблематике исследования. Научная новизна исследования заключается в изучении роли молодежного сленга современных китайских студентов, обучающихся в высших учебных заведениях России и Китая, в понимании их этно- и социокультурных особенностей. Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов и описанного опыта в улучшении культурных взаимоотношений между российскими и китайскими молодыми людьми.

Цель данного исследования заключается в анализе особенности культурно-языковой личности современного китайского учащегося в российских и китайских вузах.

Теоретическим обоснованием послужили труды таких исследователей как: Владимирова Т.Е., Фурманова В.П., Кыштымова Т.В., Хэ Я., Яньли Х. и др. Методологическую базу исследования составили как общенаучные методы: анализ, синтез, классификация, описание, наблюдение, так и социокультурный анализ. Эмпирическим материалом послужила выборка сленговой лексики из электронного русско-китайского словаря (<https://bkrs.info>) и научные статьи на русском и китайском языках. В качестве критериев отбора сленгизмов и статей автором были взяты следующие ценностные установки - степень зависимости от коллектива, степень проявления личности, отношение к преподавателям, отношение к еде, отношение к труду, отношение к желаемой профессии, отношение к жизни. Студенты, которые стали объектом включенного наблюдения, – китайцы, приехавшие из МГУ-ППИ в Шэньчжэне и обучавшиеся в МГУ имени Ломоносова в период с сентября 2023 до июня 2024 г. на филологическом и биологическом факультетах. Возраст группы китайских студентов, обучающихся в МГУ и МГУ-ППИ в Шэньчжэне в настоящее время, составляет примерно 20-30 лет.

Автором отмечены основные направления, исследование которых может составить

целостное представление о культурно-языковой личности: коллективность / индивидуальность; универсальность / национальная специфичность; психофизиологические характеристики; социальная принадлежность; менталитет; лингвокогнитивный подход; уровень владения языком (родным и иностранным); тезаурус; концептосфера; картина мира; иерархия ценностей.

Для достижения цели исследования автором анализируется культурно-языковая личность китайских студентов путем отбора некоторых сленговых слов в культурных областях, соответствующих вышеуказанным ценностным установкам. По мнению автора, молодежный сленг студентов в полной мере демонстрирует специфические нормы речевого поведения и индивидуальные особенности китайских студентов, оказавшихся российской образовательной и социокультурной среде.

Автором проведен анализ культурно-языковой личности современного китайского учащегося в российских и китайских вузах на основе концептов следующих групп наиболее распространенной лексики: независимость от коллектива, стремление «сохранить лицо», угождение, культ еды, желание заработать деньги, желание вести «лежачий образ жизни», желание получить государственную должность, поэзис.

Проведя исследование, автор представляет выводы по изученным материалам.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение особенностей культурно-языковой личности на основе употребляемой лексики представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 31 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Однако автору необходимо оформить библиографический список в соответствии с требованиями ГОСТа и редакции. Текст статьи выдержан в научном стиле.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Крючкова С.Е. Нигитология: Хайдеггер vs Лейбниц // Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.73078 EDN: HROZTM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73078

Нигитология: Хайдеггер vs Лейбниц

Крючкова Светлана Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-9213-8503

доктор философских наук

профессор; кафедра гуманитарных наук; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

125167, Россия, г. Москва, Ленинградский, 51/1

✉ svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

[Статья из рубрики "Онтология: бытие и небытие"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.2.73078

EDN:

HROZTM

Дата направления статьи в редакцию:

18-01-2025

Дата публикации:

19-02-2025

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу попыток онтологического освоения проблемы Ничто, представленных в оригинальных философских системах великих немецких философов Лейбница и Хайдеггера, оказавших огромное влияние на развитие традиции западной метафизики. В статье показано, что несмотря на кардинально различающиеся предпосылки и стратегии мышления, а также явную противоположность стилей философствования – ясность и обоснованность аргументации Лейбница против текучести и герменевтического «вопрошания» Хайдеггера – в ходе их философских поисков предельных основ Бытия можно обнаружить не лежащие на поверхности точки пересечения в их размышлениях о природе и статусе негативности. Автор подробно рассматривает методологические стратегии "промысливания" Ничто и выявляет схожие интуиции в понимании концептуального содержания и философского статуса категории Ничто. Методологическую основу исследования составили

сравнительно-исторический и герменевтический методы, а также контент-анализ и метод экзистенциальной аналитики. Новизна исследования заключается в выделении конкретных точек пересечения Лейбница и Хайдеггера в философском дискурсе о природе негативности. Особо подчеркивается, что несмотря на различие стилей философствования и рассмотрения Ничто через разные отношения («Ничто – Бог», «Ничто – сущее», «Ничто – Бытие», «Ничто – Dasein»), мы имеем дело с «неприсутствующим присутствием Ничто», где последнее предстает не как отрицание или «лишенность», а наполняется позитивным содержанием. Схожесть философствования Лейбница и Хайдеггера, традиционно относимых к разным философским течениям, проявилась также в их поисках новых терминов при попытке реформирования языка традиционной метафизики. Показано, что историко-философский схематизм с его «-измами» и «-логиями» не всегда продуктивен, т.к. упрощает и затеняет некоторые не лежащие на поверхности аспекты, важные для понимания идей того или иного философа. Так идейная близость систем Лейбница и Хайдеггера обнаруживается в том числе и в той страстности, с которой они философствуют. Проникая различными методами в историю метафизики в поисках ответа на вопрос «Существует ли несуществующее?», они тем самым поддерживают и развивают историческую традицию метафизики, как «*philosophia perennis*», обращаясь с ней как с вечным настоящим.

Ключевые слова:

история философии, Лейбниц, Хайдеггер, метафизика, Ничто, Бытие, сущее, онтология, Dasein, истина бытия

История философии в «школьном» изложении часто предстает как борьба различных направлений, позиций и мнений, каждое из которых не является общепризнанным. Однако, несмотря на стремление разложить по полочкам и классифицировать по школам и течениям «длинный ряд мирозерцаний» (К. Ясперс), продуктивный (в первую очередь, для системы образования) историографический подход, позволяющий сразу сориентироваться и получить необходимую информацию, чреват иллюзией того, что история философии дает достаточно знаний для понимания философских проблем.

Историко-философский схематизм, как и в целом любая классификация и типология, является привычным и эффективным методом науки, однако в случае если мы заходим с ним слишком далеко, способен вуалировать некоторые концепции так, что это затрудняет задачу восстановления (и понимания) их в том виде, в котором они существовали в свое время. Так в истории философии можно выявить парадоксальную для «школьной» философии не вписывающуюся в общие рамки утвердившейся типологической схемы *однородность* духовных поисков представителей кардинально противоположных философских направлений, манифестирующих каждый раз *свою* истину Бытия и оспаривающих иную.

Хотя выявлять такую однородность и труднодостижимая цель, тем не менее, анализ идей некоторых представителей кажущихся несовместимыми мирозерцаний, приводит к неожиданным результатам и позволяет лучше понять феномен *philosophia perennis* – единой («вечной») по своей сути философии. Примером может служить анализ подходов Лейбница, как представителя классической философии, и Хайдеггера (неклассической) относительно проблемы Ничто (небытия),[i] впервые заявленной и осмысленной еще

Парменидом (бытие есть, а небытия нет) [\[1\]](#).

Обращение к этим влиятельным в истории европейской философии мыслителям в определенной степени инспирировано возрождением исследовательского интереса к категории Ничто, казалось бы, давно вышедшей из фокуса исследовательского внимания. Нынешняя актуальность воплощена в лозунге «Ничто есть!» представителей неклассической метафизики, ознаменовавшим перемену статуса этой категории (категория-экзистенциал), и институализацию современного проблемного поля под названием «нигитология», в котором началось новое исследование онтологических лабиринтов негативности.

Если для одних из нынешних мыслителей все еще продолжает сохранять значение запрет Парменида с его идеей целостного бытия и они избегают изначально незаконного дискурса о *не-сущем*, как противоположности *сущему* [\[2, p.49\]](#), то другие легитимизируют «негативное», понимая его либо как другой слой, присутствующий за бытием, либо как абстрактную тождественность чистому бытию, либо как границу мышления о бытии, либо как «отрицательную идею, у которой нет объекта» [\[3, p. 400-401\]](#), т.е. отрицательное суждение (чистое отрицание, удерживаемое в языке), либо несуществование до появления, а потом и исчезновения какого-либо фрагмента сущего. В последнем случае Ничто (прошлого и будущего) рассматривается как то, что отрицает Бытие, «ничтожа» все проявления жизни. «Небытие убивает, - пишет в своей знаменитой работе А.Н. Чанышев, - но убивает руками бытия. Неслышными шагами крадется оно за бытием и пожирает каждый миг, отставший от настоящего, каждое мгновение, становящееся прошлым. Небытие гонится за бытием по пятам. Последнее стремится вперед, не разбирая дороги, теша себя мечтой о прогрессе, но впереди находит только небытие» [\[4, c.158\]](#).

Философский «ландшафт» включает не только многообразие трактовок Ничто, но и попытки построения «негативных онтологий» (например, Н. Бердяев, решая проблему свободы, считает Небытие важнее Бытия), а также исследования, в которых онтологическая и логическая негативность уходит на второй план («Оставьте как есть. Не ходите туда») [\[5, p. 138\]](#), освобождая место психологической, а также те, которые используют ее как внешний «ресурс» (Ж. Деррида) [\[6\]](#) для решения политических [\[7\]](#) и социологических [\[8\]](#) проблем. Более того, в некоторых онтологиях Ничто, раньше не притязавшее на первенство и изначальность, выходит на первый план, становясь не только методологическим принципом, но и «первичной и абсолютной» по отношению к «относительному и вторичному Бытию» субстанцией [\[4\]](#).

Такое переворачивание традиционного философского отношения к Бытию и «странные игры» с Ничто, дискуссии о котором создали «гордиев узел противоречий» [\[9, p.126\]](#), не только открывают иные перспективы исследования Бытия, вызывая к жизни попытки создания все новых и новых философских систем и задавая возможности более широкого теоретического поля осмысления, но и вызывают целый ряд концептуальных затруднений в ситуации, когда «рядом друг с другом стоят – в опасной и кажущейся невыносимой близости – два родственника: один, захвативший весь мир, и все больше толкающий его к гибели и другой, полузабытый, античный, за которого уже нельзя спрятаться» [\[10, c.122\]](#). В итоге мнимое Ничто превращается в некое *что*, через которое к нам обращается подлинное бытие (К. Ясперс). И важную роль в этом постепенном изменении статуса Ничто сыграла «фундаментальная онтология» Хайдеггера, оттолкнувшаяся от греческого Логоса, впервые занявшегося поисками бытия как

подлинной основы сущего.

Один из главных упреков Хайдеггера в отношении как новоевропейской метафизики, так и современной физики, заключался в том, что они отказались «думать об истине бытия» [\[11\]](#), что привело, в конечном счете, к забвению сущности самого человека. В итоге «жизнь человеческая, увлекшись погоней за сущим, разошлась с бытием» [\[12, с.5\]](#). Эта ситуация, по мнению Хайдеггера, настоятельно требует преодоления картезианской традиции «догматических метафизик» путем смены стратегий философствования о Бытии и создания современной метафизики, способной на радикальные пути мышления.

Реализацию задачи деструкции традиционной философии Хайдеггер начинает с «продумывания» проблемы Ничто, с помощью которой, по его мнению, только и возможно «заново» поставить главный вопрос метафизики – вопрос о Бытии – вопрос, о котором современная наука «знать ничего не хочет» [\[13\]](#). Для этого он обращается к одному из «самых немецких мыслителей Германии» (Ж. Бофре) – Лейбницу, видя в нем ростки будущего философского мышления. И это обращение не случайно. Традиционное прочтение трудов Лейбница, с которым мы встречаемся в учебниках по истории философии, где его относят к «рационалистам», которые «заложили фундамент», не объясняет постоянное исследовательское внимание к его идеям показывающее, что в концепции Лейбница вовсе не все так понятно и внятно, как это представлено в учебниках по истории философии.

При анализе подходов к проблеме Ничто Лейбница и Хайдеггера, которые наряду с Аристотелем и Расселом, также могут считаться «центральными фигурами в истории осмысления отрицания» (Лоренс Р. Хорн) [\[14, с.46\]](#), достаточно явно проявилась неожиданная (с точки зрения стратегии философствования и оснований мирозерцания) близость этих равно критикуемых современниками мыслителей. Именно выявлению общности, проявившейся вне систематики и конструктивных рамок истории философии, посвящена данная статья, оттолкнувшаяся от идеи, что «никакая конструкция истории философии как осмысленной последовательности позиций не совпадает с ее исторической фактичностью» [\[15, с.125\]](#). Методологической основой работы явился сравнительно-исторический и герменевтический методы, а также контент-анализ и использование эвристических возможностей метода экзистенциальной аналитики.

Стиль философствования двух мыслителей во-многом выглядит противоположным: если у Лейбница – философа, математика, логика, преобладают строгость дефиниций, ориентация на обоснованность, стремление к прояснению ключевых категорий, то для хайдеггеровского стиля характерным является философствование в форме «метафизических вопрошаний», никогда не завершаемых и «ускользающих в поэтическое». И в этом, несмотря на декларации отказа от традиции, его можно рассматривать как следование прежней (лейбницевской в том числе) метафизике, которую он стремится преодолеть, а именно: постоянное обращение к наиболее фундаментальным философским вопросам. Вместе с тем, несмотря на отличие стилей и принципиально различных стратегий «искания истины», анализ хайдеггеровской рецепции нигитологии Лейбница, как и его собственных размышлений над проблемой онтологии негативности, особенно в марбургский период, позволяет высветить незамеченные ранее общие аспекты.

Для Хайдеггера размышление о Ничто начинается с обращения к Лейбницу, активно вопрошавшему (вслед за Аристотелем) в свое время: «почему существует нечто, а не

ничто, ибо ничто более просто и более легко, чем нечто?» [\[16, с.408\]](#). Первая точка пересечения: Лейбниц считает этот вопрос «первым вопросом метафизики» [\[16, с.408\]](#) и Хайдеггер вполне с этим солидарен, его формулировка весьма схожа и выглядит так: «Почему вообще есть сущее, а не, наоборот, Ничто?» [\[17, с.27\]](#). Следующий общий момент: также как и Лейбниц, для которого Бог – конечная причина всех вещей, опирается на принцип достаточного основания, Хайдеггер также опирается на этот принцип, названный им «положением об обосновании».

Лейбниц не разделял картезианской стратегии трактовки Ничто как чего-то пустого, как *Ничто сущего*, т.е. отрицания сущего. Первоначально он понимал его как небытие, т.е. *не-сущее*. Соответственно источник бытия всех творений усматривался в Боге, а небытия – в Ничто, которое в этом случае выступает в качестве вспомогательного мирообразующего принципа. Однако в позднем эссе о древнекитайской философии, посвященном двоичной системе, проясняющей, по его мнению, «тайну» возникновения чисел из нуля и единицы, он придаст Ничто иной смысл, проводя аналогию Бога (как высшего существа, создавшего все сущее) с единицей, а Ничто – с нулем. Учение о бесконечно малых (имеющих метафизическую природу) в его знаменитой теории дифференциального исчисления, первенство в создании которой он оспаривал с Ньютоном, имплицитно содержало в себе идею «возникновения и отделения от нуля хоть сколько-нибудь от него отличающихся величин или сущностей» [\[18, с.184-185\]](#). Интересно и показательно, что это перекликается с видением проблемы современными математиками, лишающих «нуль» пустотности, когда он наделяется статусом натурального числа. А с натуральными числами, этими идеальными сущностями, можно обращаться как с реальными предметами. Тем самым, Ничто в этом аспекте предстает в качестве некоторого доступного рациональному познанию *что* (хотя и в бесконечно малом масштабе), а значит и метафизическую интерпретацию проблемы возникновения *ex nihilo*.

Однако помимо этого метафизического обоснования Лейбниц подчеркивал полезность Ничто в качестве объясняющего принципа для Тайны творения, которая обычно трудна для понимания простых людей. Несовершенство брэнного мира объясняется его возникновением из Ничто. «Существуют только эти два первопринципа – Бог и Ничто, – пишет Лейбниц в письме к И. Буве, – Бог, что касается совершенств, и Ничто – относительно несовершенств или субстанциональных пустот (*vuides d'essence*)» [\[19, 92\]](#). Такое понимание Ничто, как недостатка и несовершенства, связывающее его с характеристиками *сущего*, выступит затем методологическим приемом при обосновании философом знаменитого принципа выбора Богом наилучшего из всех возможных миров.

Таким образом, вслед за Августином, Лейбниц трактует Ничто в качестве первопричины несовершенств («зла») мира, т.е. присутствующим в *сущем*, что означает истолкование «понятия *nihil* теистической формулы в положительном смысле» [\[20, с.270\]](#), т.к. по сути дела наделяет эту теистическую идею материальным статусом: «Возведение «ничто» в значении материальной причины мира для всех его несовершенств и ограничений, – отмечает в этой связи известный отечественный исследователь философии Лейбница В.А. Беляев, – есть, конечно, фикция. Но в основе этой фикции лежит верная мысль, что несовершенства и недостатки мира не могут иметь своей причиной непосредственно Бога, а связаны с самою сущностью сотворенного бытия, как именно такого. В идее «ничто», как чего-то положительного, этот принцип ограниченности тварного мира в теистической философии, так сказать и олицетворяется» [\[20, с.271-272\]](#). Тем самым, философом «на место Ничто как бы ставится Божественная сущность и Божественные

свойства» [\[20, с.277\]](#).

Сходная ситуация наблюдается у Хайдеггера, который хотя и выступал против придания Ничто «прискорбного онтического свойства, допускающего возможность преодоления» [\[21, p.220\]](#), тем не менее рассматривает его как нечто, обладающее позитивным содержанием. Тем самым Ничто превращается «в путь, по которому мысль движется герменевтически, открывая с каждым шагом новые жизненные смыслы, а также и старые – по-новому» [\[22, с.18\]](#).

Вместе с тем, если лейбницевский подход можно считать натуралистической версией негативности, то Хайдеггер предлагает антропологическую, используя новые концепты, такие как «присутствие», Dasein и «здесь-бытие», означающие, что «человек будет рассматриваться под совершенно определенным углом зрения: как тот, кто отмечен своим собственным отношением к бытию» [\[22, с.72\]](#), что проявляется в первую очередь в отношении к вещам, в повседневности. Только человек, без которого бытие осталось бы немим (А. Кожев), может ухватить «ускользающее бытие», путем отстранения от него и выхода за собственные пределы, т.е. в сферу Ничто. Эта «выдвинутость» бытия в Ничто, решимость бытия к смерти (отказ от культурных опосредований, оставление сущего в стороне) позволяет обрести подлинное существование, свободу и смысл бытия. Тем самым, философ утверждает возможность непосредственного проникновения в бытие, находя опору в «абсолютно не-сущем» [17. С.18], т.е. в Ничто. Последнее, которое есть и не-сущее и не-бытие, «не есть что-то ничтожное», все равно «имеет место», наличествует, т.е. требует Лица. Ничто предстает двумя способами: либо как интенциональный предмет, чей смысл может быть феноменологически построен, либо через «опыт небытия, который для своего обоснования не нуждается в силлогизмах: он просто есть» [\[23, с.71\]](#). Тем самым, философ вполне в духе древнегреческой метафизической традиции, с ее пониманием философии как «инстанции свободного разума», опирающегося на непосредственную очевидность [\[24, с.14\]](#), признает, что в ходе выявления реального статуса Ничто можно опираться на очевидность, «живой опыт» (чувственный опыт повседневности), а также непосредственное интеллектуальное усмотрение.

В результате мучительной настойчивости в ходе вопрошания о бытии, Хайдеггер приходит к выводу о невозможности считать Ничто формально-логической абстракцией, субстантивацией негативного суждения, «голым отрицанием», над которым мы не задумываемся, будучи «затеряны в том или ином круге сущего» [\[17, с.20\]](#). Философ помещает его в человеческую экзистенцию, где оно обнаруживается в ситуации переживания «изначального ужаса» исчезновения реальности (провала сущего), который нельзя заговорить ни с помощью мифологии, ни с помощью религии или же психологии, т.е. спасительных иллюзий культуры, выступающих для людей «обезболивающим наркотиком» (В.Н. Порус). В этом жутком опыте переживания Ничто, в выходе за пределы, за грань бытия, человек встречается с самим собой. В этом акте трансцендирования, открывающим способ «говорить о сущем, как о целом» [\[12, с.251\]](#), Ничто выступает как «условие возможности раскрытия сущего как такового для человеческого бытия» [\[17, с.25\]](#). В этом опыте, которого нет в скуке обыденной жизни, «оседает» все наносное и человеку приоткрывается *настоящий мир*, представляющий собой «странное нечто, которое не что, и значит по сравнению со всем, с чем мы имеем дело, – ничто, т.е. то, чего нет, но это само нет есть так, с такой полнотой, с такой яркостью жути, что никакое что, известное нам прежде, нам не давало... Ничто, которое

есть, так... нас теснит. Все! Открылся мир как он есть... Мы перед ним – чистая брошенность, одиночество» [\[23, с.32, 344\]](#).

Таким образом, «ничтожащее Ничто» отсылает человека к сущему как таковому. Только в пограничной ситуации, дающей «интимное знание того Ничто, которое подразумевается в старом метафизическом вопросе» [\[12, с.267\]](#), человек, заглянувший в его бездну, может понять ценность бытия: «В светлой ночи ужасающего Ничто впервые происходит простейшее раскрытие сущего как такового: раскрывается, что оно есть сущее, а не Ничто... Без исходной открытости Ничто нет никакой самости и никакой свободы» [\[17, с.22\]](#). Это связывает человека как «седалища Ничто» (заместителя Ничто), с проблемой метафизики, являющейся основным событием в жизни Dasein. Тем самым, философствование у Хайдеггера есть «дерзновенное» вопрошание человека о своём бытии.

Между бытием (трактуемым как не-сущее) и сущим неустраняемая дистанция, своего рода онтологическая пропасть, наличие которой объясняет почему на фоне сущего бытие становится неотличимым от Ничто. Это положение вызвало дискуссии у исследователей раннего Хайдеггера, которые полагали, что в данном случае немецким философом ведется поиск термина, способного заместить понятие бытие, являющееся наследием старой метафизической традиции с ее традиционными коннотациями. К их числу можно отнести оценку лекции «Что такое метафизика?» в качестве документа нигилизма, где Ничто предстает лишь ничтожащей инстанцией (*nihil negativum*), а не как лицо бытия. Также, в частности, это касается и идеи взаимоперехода в духе гегелевской философии, где есть переход бытия в Ничто и наоборот. Однако в гегелевском диалектическом тождестве с Ничто речь идет не о бытии, а о чистом и неразвернутом бытии, т.е. понятии. Причем в философии Гегеля последнее первенствует в силу высшей степени своей абстрактности, тем самым оно сопрягается не с Ничто, выступающим в данном отношении лишь преходящим моментом самоосуществления чистого бытия, а с самим собой, ускользающим затем «в более конкретную реальность становления» [\[25, с.5\]](#).

Иначе у Хайдеггера, где у бытия нет самообращенности, т.к. оно обнаруживает самое себя в сущем, вне которого оно есть Ничто, которое изначально есть одно и то же с бытием. «В любом случае бытие не переходит в Ничто, также как и Ничто в бытие. Им не нужен этот переход. Вне сущего они совпадают» [\[26, с.6\]](#). Другими словами, отношение между ними – прямая тождественность. Ничто подобно бытию, поскольку в обоих нет сущего [\[26, с.123\]](#). Однако в поздний период это отношение описывается Хайдеггером как неравнозначное «Ничто–Со-бытие» (бытие само себя переживаемое посредством человека), где Ничто, как трансцендентность человеческого присутствия, оказывается даже «поважнее»: «В этом "Ничто" метафизики – *само бытие*» [\[10, с.129\]](#). Такая перемена не осталась незамеченной Сартром, находившегося под влиянием Хайдеггера, но подошедшим к проблеме с другой стороны: не со стороны Ничто, а со стороны бытия [\[27, с.61\]](#).

Таким образом, «мы имеем дело с "неприсутствующим присутствием" Ничто, которое есть, заявляя себя в сущем. Такое Ничто, по мнению Р. Барта, может в позитивном смысле занимать место Бога, принимать на себя его функции и выполнять их» [\[28, с.114\]](#). Несмотря на такую явную перекличку с Лейбницем, необходимо задаться вопросом насколько правомерен подобный вывод в отношении скорее все-таки светской, чем религиозной установки Хайдеггера. Хотя есть показательная характеристика его философии как «христианской метафизики без Бога» (Н.А. Бердяев) и он сам писал в

письме теологу Р. Бульману от 31 декабря 1927 года о связи своих рассуждений с религиозной интуицией и интенциях в направлении онтологического обоснования христианской теологии как науки [\[29, с.126\]](#). Так, к примеру, «поиски достоверности, – подчеркивает Хайдеггер, – прежде всего дают о себе знать в области веры как поиски достоверности спасения (Лютер)» [\[26, с.292\]](#). Этот непростой аспект философии Хайдеггера, «германского мастера» из школы мистика Мастера Экхарда, в частности, касающийся перспектив верующего опыта», безусловно, требует отдельного и детального рассмотрения, учитывая, с одной стороны, католический (он начинал как католический философ) [\[12, с.19\]](#), а позднее и протестантский «след» в его творчестве, а с другой – сохраняющуюся неясность в отношении Бога и теологии XX века, проявившуюся в интервью журналу «Шпигель» (1966) в поздний период его творчества, охарактеризовавшийся отходом от категориального анализа («есть более строгое мышление, чем понятийное») и провозглашением невозможности рационального постижения бытия [\[30\]](#).

Таким образом, мысленный диалог через века Хайдеггера с Лейбницем при рассмотрении и постановке проблемы Ничто показывает, что при всем своеобразии этих весьма отличных в своих исходных установках оригинальных немецких мыслителей они практически смотрят в одном направлении, имеют «родственную» онтологическую ориентацию и отправную точку пути. Об их близости свидетельствуют не только частые ссылки Хайдеггера на Лейбница и общность цели – «промысливание Ничто», но и схожесть путей легитимации негативного. Это проявилось как в отношении «Ничто – Бог» Лейбница, так и в отношении «Ничто – Dasein» Хайдеггера. В обоих случаях Ничто приобретает новый смысл, носящий содержательный характер, как для олицетворения несовершенства мира – у Лейбница, или же зла (продолжающем традицию христианско-гностической традиции метафизики) – у Хайдеггера, о чем последний рассуждал в письме к Элизабет Блохман от 12 сентября 1929 года [\[31\]](#).

Также точкой пересечения их систем можно считать поиски нового философского языка (и постижение его сущности), ведь, как признавал Хайдеггер, «в известных границах они вынуждены были еще говорить на языке того, что помогают преодолеть» [\[17, с.36\]](#). Показательно, что Хайдеггер, чей собственный философский язык характеризовался эксцентричностью, восхищался не только оригинальностью интуиций автора «Монадологии», но и его языковой смелостью, проявившейся во введении в философский оборот новых языковых форм, например, термина *existeturiere* – модификации латинского термина, который в контексте его работы приобрел значение «нечто наподобие жажды бытия. Для собственных замыслов Хайдеггера, вынужденного говорить на языке традиционной метафизики, которую он стремился преодолеть, это было сродни призывному кличу» [\[24, с.185\]](#) создавать новые концепты. Последние должны были помочь осуществить задуманную «деструкцию истории онтологии» с ее субъектно-объектным мышлением инструменталистского типа («рассчитывающее мышление») и позволить на путях постижения сущности языка более адекватно выражать свои идеи, часто придавая «морально негативным онтическим словам положительные онтологические значения» [\[10, с.121\]](#). За подобное искажение значений традиционных философских терминов, а также изобретение для преодоления терминологической недостаточности наличного философского словаря новых, оба мыслителя подвергались критике современниками, обвинявшими их в теоретическом высокомерии, экзотизме языка, ведущих к туманности рассуждений [\[32\]](#).

Вместе с тем, несмотря на отличие их оригинальных методов философствования, они все-таки в целом мыслят в русле традиционной стратегии, centered на сущем. В попытке преодолеть лейбницевскую установку на его исследование, Хайдеггер делает его началом нового пути, опорой для прыжка к «истине бытия», тем самым, в определенном смысле продолжает существование традиции своими метафизико-поэтическими вопрошаниями [33, с.38, 40-41]. В. Бимель, бывший студент Хайдеггера, написавший его биографию, отмечал: «Мы стоим в традиции западной метафизики – сознаем мы это или нет, пытаемся ли эту традицию понять, исходя из начала, или мним, будто можем обойтись и без нее. Мы настолько увязли в традиции, что с необходимостью ищем подступов к Хайдеггеру именно с ее позиций. И тогда нам оказывается очень трудно увидеть то, как он сам от этой традиции отодвигался, и то, что здесь значит "отодвигаться". Он ни в коем случае не стряхивает ее с легкомысленной готовностью, он не вычеркивает ее, не выносит за скобки. Скорее он состоит в ней в страстном диалоге» [22, с.235].

Эта основанная на интуиции страстность философского вопрошания является еще одной точкой соприкосновения этих двух немецких мыслителей, каждый из которых в свое время протестовал против причисления его к какому-нибудь «...-изму» или «...-логии». Так Лейбниц резко выступал против причисления его к картезианцам, а Хайдеггер (в письме «О гуманизме», 1947) [34] – к герменевтике, экзистенциализму и феноменологии [35], чьи черты, и не без основания, находят в работах автора трактата «Бытие и время» (1927) многочисленные исследователи [36], большинство из которых, как представляется, согласны с тем, что «многообразие философствования, противоречия и взаимоисключающие притязания на истину не могут помешать тому, что здесь, в сущности, действует нечто единое, что не принадлежит никому и вокруг чего во всякое время кружат все серьезные усилия мыслящих: вечная единая философия, *philosophia perennis*» (К. Ясперс) [15, с.15], сохраняемая и развиваемая великими представителями «незримого колледжа», к числу которых принадлежали такие значимые его представители как Лейбниц и Хайдеггер.

[i] В рамках данной работы категории Ничто и небытие не будут различаться (это выходит за рамки статьи), хотя есть работы, в которых обосновывается их нетождественность («семантическая напряженность»).

Библиография

1. Parmenides. Fragments // Early Greek Philosophy / translated by John Burnet. L.: A & C Black, 1908. Fragment 6. https://lexundria.com/parm_frag/6/b (дата обращения: 10.02.25).
2. Russel B. History of Western Philosophy. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1945. 793p.
3. Gassendi P. Disquisitio metaphysica seu dubitationes et instantiae adversus Renati Cartesii metaphysicam et responsa. Paris: Vrin, 1962. 657p.
4. Чанышев А. Н. Трактат о небытии // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 158–165.
5. Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939. Diamond C. (Ed.). Hassocks: Harvester, 1976. 222p.
6. Derrida J. Vom Geist: Heidegger und die Frage. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988. 158s.
7. Bourdieu P. L'ontologie Politique de Martin Heidegger. Paris: Minuit, 1988. 122p.
8. Adorno T. Negative Dialektik. Frankfurt-na-mayne: Suhrkamp Verlag, 1966. 408p.
9. Horn L.R. Metalinguistic Negation and Pragmatic Ambiguity // Language, 1985. Vol. 61. No.1. P.121-174/
10. Богатов М. А. Обоснование «дефективного» способа быть в творчестве Хайдеггера // Онтология негативности. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С.117-133.

11. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1950. S.69-104.
12. Сафрански Р. Хайдеггер: германский мастер и его время. М.: Молодая гвардия, 2002. 642с/
13. Heidegger M. Was ist metaphysik? Frankfurt a. M.: Klostermann, 1986. 19с.
14. Horn L. R. Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press. 1989. 679p.
15. Ясперс К. Введение в философию. Философская автобиография. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. 304с.
16. Лейбниц Г.В. Начала природы и благодати, основанные на разуме // Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1982. С.404-412.
17. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.16-27.
18. Яковлев В.М. «Тайна творения» Г.В. Лейбница // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1991. С.185-190.
19. Письмо Лейбница – И. Буве (Брауншвейг, 15 февраля 1701 г.) // Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: ИФ РАН, 2005. С.119-141.
20. Беляев В.А. Лейбниц и Спиноза. СПб.: Наука, 2007. 408с.
21. Heidegger M. Time and Being. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 590с.
22. Бимель В. Мартин Хайдеггер, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск: Урал LTD, 1998. 288с.
23. Бибихин В.В. Ранний Хайдеггер: Материалы к семинару. М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы, 2009. 536с.
24. Гадамер Х.Г. Пути Хайдеггера: исследования позднего творчества. Минск: Пропилеи, 2007. 240с.
25. Сапронов П.А. О бытии ничто. СПб.: Изд-во русской христианской гуманитарной академии, 2011. 368с.
26. Heidegger M. Vom Wesen des Grundes // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd.9. Wegmarken. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1976. 340с.
27. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологического анализа. М.: Республика, 2000. 639с.
28. Крючкова С.Е. «Господин Ничто» и Мартин Хайдеггер // Онтология негативности. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. С.99-116.
29. Фалев Е. В. Герменевтика М. Хайдеггера и философия жизни // Вопросы философии, 2014. № 7. С.125-134.
30. Martin Heidegger: philosophical and political writings / Edited by Manfred Strassen. New-York: Continuum International Publishing Group, 2003.
31. Martin Heidegger / Elisabeth Blochmann, Briefwechsel. Herausgegeben von Joachim W. Störck. Marbach, 1989. 168с.
32. Martin Heidegger and the question of literature: Toward a postmodern. lit. hermeneutics / Ed. by Spanos W.V. Bloomington; L., 1979. XXII. 327с.
33. Желнов М.В. «Ничто достоверности сущего» и «Ничто истины бытия» (идеи Г.В. Лейбница и М. Хайдеггера в последнем десятилетии XX века) // Метафизика Г.В. Лейбница: Современные интерпретации. М.: Изд-во РАГС, 1998. С.15-46.
34. Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den Humanismus. Bern, 1947. 119с.
35. Courtine J.-F. Heidegger et la phénoménologie. Paris: Vrin, 1990. С.72-83.
36. Derrida J. Of the humanities and the Philosophical Discipline. The Right the Philosophy from the Cosmopolitical Point of View (the Example of an International Institution). SURFACES. Vol. IV. 310. Folio 1. Montreal, 1994. P.1-9. <http://www.hum.imontreal.ca/revues//surfaces/vo14/derridaf/html> (11.02.2008).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья представляет собой исследование одной из принципиальных проблем истории философии – проблемы «ничто». Заслуживает поддержки то, что автор продумывает методологические основания своего исследования, стремится выработать подход, выходящий за «школьные» границы типологизации философских учений. Конечно, к конкретному изложению материала в статье возникает немало вопросов и замечаний. Например, автор справедливо указывает на Парменида как зачинателя обсуждения проблемы бытия в античной философии (и здесь он не выходит за границы «школьного» видения соотношения идей и учений). Но почему тогда в статье отсутствует упоминание о Демокрите, провозгласившем – в противоположность Пармениду, – что «бытие и небытие существуют в равной мере», и построившем на основании этого подхода атомистическое учение, позволившее объяснить реальность различий и движение в окружающем нас чувственно-воспринимаемом мире? Объяснить подобное «забвение» недостатком объёма отдельной статьи невозможно, дело в том, что в процессе изложения автор упоминает множество имён и фактов, которые непосредственного отношения ни к Лейбницу, ни к Хайдеггеру как раз не имеют. Характер работы автора с литературой вообще трудно определить однозначно, в некоторых случаях (например, заслуженное внимание к «трактату» А.Н. Чанышева) он использует нетривиальные источники, но в некоторых случаях, по-видимому, следует «журнальной моде», называя авторов, просто «переходящих из статьи в статью» независимо от рассматриваемой проблематики (Деррида, Сафрански, Бердяев и т.д.). Думается, избыточные ссылки можно было бы снять, а освободившееся место использовать для заполнения «концептуальных лакун», подобных упомянутому казусу с Демокритом (почему, к примеру, автор игнорирует и аристотелевское различие потенциальности и актуальности, ведь учение Лейбница о предшествовании возможного бытия действительному (творению) разрабатывалось в диалоге со Стагиритом?). Далее, если автор упорядочит привлекаемые в рассмотрении источники, появится возможность и структурировать изложение, пока оно представляет собой трудноразличимую массу реплик, и читателю трудно понять, почему именно в таком порядке выстроены абзац за абзацем, ведь ничего не изменилось бы, если бы их поменяли местами. Хуже всего, что нет внятного заключения, это обязательный элемент научной статьи. Замечания возникают часто и в связи со стилистикой текста, много и пунктуационных ошибок («Лейбница, как представителя классической философии,» – зачем запятые?; напротив, «Соответственно источник бытия...» – почему нет запятой?). Подводя итог, можно констатировать, что в статье присутствует реальное содержание, заслуживающее внимания читателя, однако, публикация статьи в её сегодняшнем виде представляется преждевременной, рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Нигитология: Хайдеггер vs Лейбниц» в широком

смысле выступает история философской мысли, развитие и изменение «плана имманенции» (Делез, Гваттари). В более узком смысле, автор статьи размышляет о философской категории «Ничто»/«Небытие» и его месте в осмыслении и становлении категории «бытие». Еще в более узком плане, предметом исследования выступает переключка идей между философскими системами Лейбница и Хайдеггера в аспекте оценки ими небытия и его места в бытии.

Сам автор, замечает, что методологической основой работы выступают сравнительно-исторический и герменевтический методы, а также контент-анализ. Использование эвристических возможностей метода экзистенциальной аналитики привлекает автора возможностью перейти от анализа конкретных философских текстов в более широкое пространство философского дискурса. Со стороны стоит заметить, что автор, вполне в духе Хайдеггера использует в своем тексте «мышление в предельных вбирающих понятиях, спрашивание, которое не только в конечном итоге, но и в каждом вопросе, спрашивает о целом", то есть, само философствование. Именно это позволяет автору перейти от разговора о трактовке небытия конкретными философами к разговору о понимании и интерпретации истории философии. Следует признать что автор, как кажется, несколько надуманно, вводит в ход своих размышлений ходульную фигуру «учебников по истории философии», упрощенно трактующих развитие философской мысли и воодушевлением Донкихота бросается на низвержение этой «страшилки».

Актуальность своей работы автор связывает с возрождением исследовательского интереса к категории Ничто и возникновением нового проблемного поля под названием «нигитология», «в котором началось новое исследование онтологических лабиринтов негативности».

Научная новизна заключается в установлении параллелей в понимании небытия Лейбницем и Хайдеггером, начиная от определения содержания этого понятия, до осмысления роли и места небытия в понимании бытия.

Стиль статьи близок к философскому эссе. Начало статьи несколько перегружено философскими терминами и абстрактными идеями, однако это логично встроено в общий контекст работы. В целом текст вполне ясен, его чтение облегчается уместным прямым цитированием.

Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме

Библиография статьи включает 36 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных истории философии и онтологической проблематике.

Апелляция к оппонентам присутствует во всем тексте статьи. Автор показывает глубокие знания в области истории философии в целом, ссылаясь на исследования философии Хайдеггера и Лейбница, оценки их систем другими философами. Текст статьи, в согласии с традициями постмодернистской философии, изобилует отсылками к философским высказываниям, концептам, образам. Это помещает размышление автора в широкий философский контекст, превращая его в философствование.

Статья привлечет внимание любителей философии, как с позиции ее истории, так и развития самой философской проблематики

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Поздняков А.В., Орлов А.С. Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам) // Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.71499 EDN: ECKBNK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71499

Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам)

Поздняков Алексей Васильевич

ORCID: 0009-0007-7695-8943

кандидат философских наук

сотрудник Академии ФСО России; Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

302015, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35

✉ pozdneyakovav77@mail.ru

Орлов Андрей Сергеевич

кандидат исторических наук

сотрудник Академии ФСО России; Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации

302015, Россия, Орловская область, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35

✉ orlov-orl@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия религии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.2.71499

EDN:

ECKBNK

Дата направления статьи в редакцию:

16-08-2024

Аннотация: Объектом данного исследования выступает мировоззрение известного дореволюционного публициста, мыслителя и общественного деятеля Михаила Осиповича Меньшикова. Предметом исследования является проблема влияния позитивизма на систему взглядов М. О. Меньшикова о сущности и природе религии. В существующих ныне исследованиях говорится о не стабильности его религиозных взглядов, иногда об

их противоречивости на разных этапах его жизни. Также отмечается существенное влияние на мировоззрение Меньшикова позитивизма, одного из значимых культурных направлений XIX века. Однако этот вопрос не имеет детального рассмотрения: в чем конкретно проявилось это влияние, насколько оно было абсолютным. Соответственно, целью нашего исследования становится рассмотрение взглядов Меньшикова о религии с точки зрения их идейных истоков в позитивизме. Материалом исследования выступают ранние дневниковые записи Меньшикова, которые на данный момент не опубликованы и не изучены в подобном контексте. Методологическая база исследования включает как общенаучные (анализ, синтез, сравнение, обобщение, каузальный и др.), так и частнонаучные методы (герменевтический, биографический и сравнительно-исторический анализ). Их совокупность направлена на объективное изучение преемственности идей с учетом биографии Меньшикова и исторического контекста, в рамках которого писались личные рассуждения Меньшикова. Научная новизна исследования заключается в выявлении и описании непосредственного влияния позитивизма на мировоззрение Меньшикова в целом и на его представление о религии в частности. Сравнение смысловых структур высказываний мыслителя о религии с ключевыми принципами позитивистов XIX века позволяет заключить, что преемственность идей позитивизма имеет частичный характер. Осмысление религии им строится на бинарном пересечении позитивистских и рационалистических принципов. С одной стороны, Меньшиков, как и многие позитивисты, отказывается от метафизического понимания сущности религии. Он призывает перепроверять ее систему взглядов эмпирическими и точными науками. Но с другой – оставляет за дедуктивным методом решающее значение в сущностном познании. Также принцип эволюционизма сопровождается непринятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии. Это ставит его взгляды в данном вопросе в оппозицию позитивизму.

Ключевые слова:

религия, мифология, Меньшиков, христианство, ислам, религиозное чувство, инстинкт, сознание, позитивизм, мировоззрение

Михаил Осипович Меньшиков — одна из важных фигур дореволюционной публицистики. Будучи одаренным и творческим человеком и имея большой кругозор, он освещал в своих многочисленных статьях, очерках и фельетонах злободневные вопросы своего времени. В его работах читателей привлекал прежде всего аналитический разбор важных событий, который отличался доступностью изложения материала, нестандартностью и часто парадоксальностью. Личность Меньшикова воспринималась современниками столь же противоречиво, как и его статьи. В 1918 году он был обвинен большевиками в «черносотенстве» и расстрелян на глазах семьи [\[1, с. 452\]](#).

К анализу творческого наследия М. О. Меньшикова обращались разные специалисты. В их работах в качестве предмета изучения выступали те или иные аспекты его творчества: литературно-критическая деятельность (Крижановский Н. И., Рейтблат А., Санькова С. М., Трофимова В. Б.), политические взгляды (Иванов А. А., Каграманов Ю., Камнев В. М., Крижановский Н. И., Репников А. В., Санькова С. М., Смолин М. Б., Толстенко А. К., Шлемин П. И.), размышления об эстетических и нравственно-духовных ценностях, социальные и экономические взгляды (Вахнина Е. А., Жаворонков Д. В., Зверев Н. В., Орлов А. С., Филаткина Н. А.). В отдельную группу следует выделить

работы о религиозных взглядах публициста. Они анализировались Ивановым А. А., Филаткиной Н. А., Саньковой С. М., Орловым А. С. и другими авторами. Ни один вопрос не вызывал столько дискуссий, как этот. Уже при жизни мировоззрение, которое он демонстрировал в своей публицистике, вызывало у церковных критиков то восторженные отклики (например, у митрополита Антония (Владковского), частично у архиепископа Антония (Храповицкого)), то жесткую негативную оценку (у архиепископов Никона (Рождественского), Николая (Зиорова)) [2, 3]. Современными исследователями также подчеркивается неоднозначность позиции Меньшикова относительно церкви и веры [4-7]. Как было выявлено в ряде недавних работ, Меньшиков на раннем этапе своего творческого пути имел склонность к вольномыслию, критическому отношению к любым социальным явлениям или процессам: политике, экономике, религиозно-духовной жизни [8, 9]. Среди многочисленных исследований также есть те, которые отмечают влияние позитивизма на его творческую деятельность, литературные вкусы и мировоззрение (работы Зверева, Иванова, Трофимовой, Орлова, Саньковой, Крижановского). Несомненно, в XIX столетии идеи позитивизма были широко распространены в России. Имея отличительную черту — критическое отношение к господствующим духовным ценностям, — данная философия часто вступала в конфронтацию с традиционной религиозной доктриной и церковью. На сегодняшний день степень изученности роли позитивизма на взгляды Меньшикова остается недостаточной.

Актуальность исследования обусловлена как отсутствием консенсуса среди исследователей в вопросе о религиозности публициста, так и необходимостью изучения влияния идей позитивистского движения на российскую интеллигенцию и духовные процессы в обществе в целом. Ни мировоззрение Меньшикова, ни его политические идеи, как и сама его личность, не могут быть адекватно поняты без его представлений о религии.

Эта статья имеет своей целью дать анализ взглядам М. О. Меньшикова на сущность религии с позиции влияния на них позитивизма, одного из важнейших научно-философских направлений мысли XIX столетия.

Материалом исследования выступают записные книжки Меньшикова с очерком, которому он дал название «Мирозерцание» (написан между 1884-1885 годами), и другие ранние дневниковые записи (датируются также 1880-ми годами), на данный момент не опубликованные и не изученные в подобном контексте.

Методы исследования включают: герменевтический, каузальный, биографический и сравнительно-исторический анализ.

Понятие религии многогранно. XIX век ознаменован многочисленными попытками преодоления не только религиозно-традиционных формулировок сущности религии, но и классических философских. Возникают новые подходы понимания религии и сверхъестественного: иррациональный, материалистическо-диалектический, позитивистский, спиритуалистический, позднее — феноменологический. Чтобы выявить влияние позитивизма на Меньшикова, нужно рассмотреть, что общего и различного между этой философией и идеями в его ранних дневниковых записях.

В самом начале своего очерка «Мирозерцание» Михаил Осипович пишет два эпиграфа, в которых отражен центральный смысл работы: *«Если это предрассудок, он должен быть опровергнут, если эта истина, она должна быть доказана»*; *«Уславливайтесь в одинаковом понимании терминов, по крайней мере основных»* [10, л.

¹¹. Тем самым он подчеркивает, что главная задача очерка — формулировка четких и разумно обоснованных положений собственного мировоззрения, взглядов на реальность и сущность вещей. Результат систематизации подобных идей Меньшиков называет мирозерцанием. Четкие и обоснованные положения он стремится дать и в отношении религии. Уже в самом начале очерка виден нетрадиционный подход к пониманию ее сущности. Он считает, что любое мирозерцание по своей природе является религией. То есть система идей и ценностей, которая наполняет жизнь каждого из нас, несет в себе долю религиозности, которая проявляется в трепетном отношении к этой системе. Именно данный момент часто оказывается вредным для развития как самого человека, так и обществ, ибо таит в себе вражду к перестройке идей, а значит, и системы в целом. Меньшиков связывает вражду с ограниченностью людей и отсутствием в них «необходимых мозговых сил». Итогом становится застаивание мирозерцания, в то время как работа над усовершенствованием его форм помогает саморазвиваться, находить в области неизвестного новые факты, приближаться к решению мирового вопроса ^[10, л. 2]. В подобном ключе Меньшиков раскрывает свое видение сущности религии.

Осмысление этого вопроса протекает с применением ряда подходов и принципов. Выделим их в результате анализа записей Михаила Осиповича. Первый можно обозначить как эволюционизм, убежденность в медленном и поступательном развитии явлений мира. Этот принцип был визитной карточкой позитивистов. Для Меньшикова очевидно эволюционное становление окружающего мира, вещей и явлений в нем. И религия не исключение из правил. Свою теорию развития религии он строит, как и многие позитивисты, с опорой на социологические и исторические учения. Религия имеет социальную природу: она зарождается в обществе и развивается в нем. Соответственно, Меньшиков отрицает божественность любой религии. Согласно его мнению, они изменяются в условиях социальных перемен, подстраиваясь под культурные, социальные и политические нужды общества. Этим объясняется, например, живучесть христианской религии, несмотря на утопичность идей ее основателя Иисуса Христа. По мнению Меньшикова, понимание одной из центральных заповедей Иисуса — любить ближнего как самого себя — трансформировалось на протяжении истории христианства. И тот возвышенный смысл заповеди, с которым человечество имеет дело сегодня, есть заслуга не самого Христа, а романтиков XVIII–XIX веков, которые переоткрыли ее в духе своего времени. В свою очередь, мировосприятие романтиков было подготовлено культурным прошлым — Ренессансом и псевдоклассицизмом. После мрака Средневековья, которое не может похвастаться человеколюбием, *«эта идея воскресает не из недр самого христианства, а вместе с семенами истинной культуры из забытых развалин язычества: поколения гуманистов, Эразма, Рейхлина и пр.»* ^[10, л. 11]. *«Только с потоком света, хлынувшим из антично-прекрасной старины — сквозь окошко Возрождения, — забился пульс Европейца, возмутилась его даровитая природа, и ему захотелось человеческого счастья, которое в красоте, в мире и нравственном благородстве»* ^[10, л. 11, об.]. Однако для Меньшикова это всего лишь «свежее впечатление в первый раз сознательно прочитанного Евангелия», впечатление людей, еще мистически мыслящих и «влюбленных в своего идола-Бога как ребенок в свою мать» ^[10, л. 11, об.]. Свои же взгляды он относит к новому, зрелому периоду развития человеческой культуры — реализму. Здесь стоит отметить, что понятие «реализм» часто отождествлялось русскими мыслителями-просветителями второй половины XIX века с позитивизмом. Популяризатор реализма Д. Писарев реалистами называл новое поколение образованных людей, которые, опираясь на свой опыт, на факты и естественнонаучную методологию, а не на вымысел, продвигают в обществе

действительно полезные знания [\[11\]](#). Писарев применял данный термин чаще для осмысления истории культуры и эстетических канонов. Например, господствующую в России эстетику он характеризовал как застойное явление русской культуры, указывая на внутренне присущее ей стремление к иллюзорности и фантазерству, пусть и возвышенному. Такая установка отрывает от реальности, не дает практической пользы и не решает социально важных проблем народа как носителя данной культуры. Писаревская трактовка реализма со временем выходит далеко за рамки эстетики и оказывается плодотворной для критики любых форм социокультурной жизни. Этот подход имеет отражение и в критике религии Меньшикова.

В контексте эволюционного понимания развития религии существующие традиционные религиозные системы объявляются им застойными, потерявшими свою актуальность мирозерцаниями. Меньшиков не видит особой онтологической разницы между сакральным и секулярным мировоззрениями. Он отрицает сверхъестественный мир, но считает их этапами одной линии развития мировоззрения человечества. Разница касается только познавательного потенциала этих систем. Здесь видно сильное влияние контизма. Меньшиков убежден в необходимости обновления любого мирозерцания. *«Религия, как и все на свете, постоянно нуждается в развитии, проверке и перестройке»* [\[10, л. 1, об.\]](#). Проблема обновления неизбежно подводит к выработке принципов, тесно связанных с гносеологической проблематикой.

Поэтому следующий принцип, который следует выделить в записях Меньшикова, это антиметафизика. Она, как и эволюционизм, обрела популярность в XIX веке, но широкое применение получила в творчестве позитивистов. О. Конт и Г. Спенсер считали, что эпоха метафизики подошла к концу и что суждения метафизиков не могут адекватно защитить их философскую позицию [\[12, с. 221\]](#). Это критика касалась как спиритуалистических, так и материалистических философских школ.

В мыслях Меньшикова антиметафизика видна прежде всего в онтологических рассуждениях о начале бытия. Так, в разделе «О началах» «Мирозерцания» он пишет о Мировой сущности, которая не отождествляется им ни с Богом, ни с материей. Теологическую модель Бога-Абсолюта как не зависящего от этого мира существа Меньшиков отвергает. Публицист также подвергает критике пантеистические концепции, стремящиеся из-за «малодушия и неряшливости» отождествить Мировую сущность с Богом [\[10, л. 22\]](#). *«Вы скажете: ведь не все вещи доступны органам наших чувств: есть вещи логически-мысленные, и существования их мы не можем отрицать из-за того лишь, что их никто не видел. Совершенно согласен. Вещи мыслимые логически отрицать вовсе нельзя. Но заметьте: и доказывать их существование нельзя. Предположим на минуту, что Бог мыслим логически. Что же из этого? Останется сказать себе: может Бог и существует, а может быть и нет, и пока эта троякость не разрешена, я не смею быть уверенным, что Бог существует»* [\[10, л. 20\]](#). Исходя из этого принципа природа религии кроется в человеческой способности воображать, что проявляется в теоретизировании, оторванном от эмпирических методов познания. На данной основе он критикует и метафизический материализм.

Однако, применяя эти принципы позитивизма, Меньшиков не соглашается с другими установками позитивистской школы. Так, позитивизм говорил о возможности познания только в рамках чувственного опыта, не признавая познания сверхчувственного. Здесь стоит уточнить, что сверхчувственное — необязательно мистическое в религиозном или магическом понимании. Сверхчувственное знание касается той реальности, которая стоит за дихотомией материального и духовного, и сущность ее, согласно философским

школам с гносеологическим оптимизмом, дана в рациональном познании. Невозможность понять и выразить сверхчувственное привела позитивизм к агностицизму. Но позиция Меньшикова кардинально противоположна. Важным пунктом «Миросозерцания» является гносеологический оптимизм автора и отрицание агностицизма. Для него познание есть прежде всего долгосрочный процесс: то, что не познано сегодня, будет познано завтра. *«Процесс Разума состоит в том, чтобы приобретать все большее количество идей, завоевывать территорию природы... Разуму, если не теперь, то в будущем, с развитием и завершением точной науки достижимо т. н. божеское ведение, божеская мудрость»* [10, л. 27, об.]. Идея об условности и ограниченности разума в познании им расценивается как «грубое недоразумение». Эта установка на принципиальную познаваемость ложится и в основу анализа и оценки религии. Здесь чувствуется «оккамовская бритва», отсекающая ненужные категории спиритуализма, такие как Бог, дух, душа и т. д. Так, Меньшиков пишет: *«Слова „Дух“, „духовное“, „трансцендентное“ мне представляются просто игрою и ошибкою мозга»* [10, л. 28]. *«Раз я признаю мир сущностью единою, не требующей ни для происхождения своего, ни для сохранения особого, внемирового существа, та же самая логика пригодна для существования частных организаций: ненужности душ для живых организмов»* [10, л. 28, об.].

Принципиальная познаваемость явлений мира и отрицание божественной природы религии делают сущность последней познаваемой в контексте истории. Божественный элемент не обнаруживает себя в природе, скорее наоборот — религия функционирует по законам естественного отбора и борьбы за существование. Меньшиков специально делает акцент на присутствии насилия в процессе распространения религиозных систем [10, л. 10–11]. При этом он справедливо отмечает, что распространение христианства в XIX веке *«крайне ничтожно, так как распространить его мерами византийских императоров, германских королей или Добрыни Никитича нынче уже совестятся»* [10, л. 10]. Критике подвергаются в первую очередь крестовые походы и религиозные войны христиан, преследование евреев, арабов, еретиков и язычников, конкиста в Америке, приведшая к геноциду местных племен. Данные исторические факты не могут не возмутить Меньшикова. *«Идею любви к ближнему христианское человечество не только перепачкало в окровавленных руках, но и задушило ее этими окровавленными руками»*, — резюмирует он.

Другими причинами распространения религии, согласно Меньшикову, является поиск выгоды или манипуляция необразованными людьми. В первом случае речь идет о добровольной смене родной веры, например евреями и татарами. Данный фактор срабатывает чаще всего там, где перемена веры не считается преступлением. При этом *«наивная легенда окрещении князя Владимира, когда он торговался с хазарами, жидами и греками»* расценивается Меньшиковым именно в подобном меркантильном контексте.

Во втором случае речь идет об использовании религиозных догматов с целью руководить массами. Соглашаясь с идеями Ауэрбаха о роли церкви в закреплении людей, он дополняет их своими размышлениями. В духе волюнтаризма того времени Меньшиков критикует духовенство за то, что оно много сотен лет проповедовало покорность деспотам, обожествляло их, противостояло всякой попытке к освобождению и душило искру здравого человеческого рассудка и протеста. При этом публицист признает такое поведение духовенства естественным ходом вещей. *«Я нимало не осуждаю духовенство за его тлетворную роль в истории. Хищничество вполне естественно и зависит от существования и несуществования пригодной стихии для него»* [10, л. 12, об.]. Подобной стихией для Меньшикова является сознание толпы, раскрываемое им в таких фразах, как

«тупое человеческое стадо», «панургово стадо», внутренне пригодное для рабской доли. Подобная разрозненность видна в идеях и делах церкви. Потому что идеалы христианской церкви нежизнеспособны и не соответствуют ходу вещей. В этом смысле ислам ему видится более приспособленной к исторической реальности системой.

Уже в ранних дневниках Меньшикова видна склонность не идти на компромисс с религией. В этом пункте автор дневника больше созвучен с французским позитивистом Э. Литтре, чем с английскими позитивистами. Литтре также не придерживался нейтралитета в отношении религии и был склонен к материализму [\[13, с. 52\]](#). Напомним, что английские позитивисты, подвергая атакам теологию, признавали религиозное чувство естественным явлением. Так, Томас Гексли, снискавший прозвище «бульдог Дарвина» за свою яркую приверженность дарвинизму, полагал, что религиозный инстинкт присущ каждому человеку. Глубокое осознание этого приходит к нему во время похорон маленького сына, о чем он пишет в письме к Чарльзу Кингсли, английскому проповеднику и писателю. Но при этом Гексли все равно подчеркивает, что «глубокое чувство религии совместимо с полным отсутствием теологии» [\[14, с. 237\]](#).

Другие позитивисты, например, Спенсер и Милль, являясь агностиками, признавали возможность существования чудес и божественного творца. Например, Спенсер полагал, что основа религии заключается не в богословии и догмах, а в чувствах, которые пробуждаются в человеке по отношению к Непостижимой силе. Постижение, анализ, формулировка природы этой Таинственной силы выходят за пределы досягаемости интеллекта, который ограничен пониманием относительного и конечного [\[15, с. 8\]](#). Милль же, считая религию строго научным предметом изучения, в то же время не отрицал возможности чудес. Так, утверждая, что нет ничего невозможного, он рассматривал, с одной стороны, все положения против возможности существования чудес, а с другой – все доводы в их пользу [\[16\]](#). Надо заметить, что Меньшиков восторженно оценивал трактат Милля «О свободе», где были изложены некоторые идеи о религии. Но основной труд Милля по вопросам религии был представлен в сборнике из трех эссе: «Природа», «Польза религии», «Теизм», вышедшем в 1874 году и до сих пор не переведенном на русский язык. Смог ли Меньшиков ознакомиться с данными эссе на языке оригинала или каким-либо иным способом, неизвестно.

Будучи социально активными, позитивисты стремились примирить науку и религию через создание гуманистической религии, основанной на научных знаниях [\[17\]](#). Этой идеей был одержим еще Огюст Конт, однако в авторских интерпретациях Спенсера, Харрисона и Милля идея создания новой религии человечества имела ряд противоречий. Так, известен спор Спенсера и Харрисона. Последний отрицал спенсеровское положение о Непознаваемом первоначале. Он утверждал, что попытка найти что-либо похожее на общий и правдивый элемент в религиозных системах тщетна. Доктрина непознаваемого — это всего лишь тщетная попытка обожествить Абсолютное Ничто. Непознаваемое — бесплодная абстракция, в ней нет ничего религиозного, и поэтому она совершенно бесполезна как основа религии [\[15, с. 9\]](#). Поэтому Харрисон представляет свою доктрину гуманистической религии. Уже к 1877 году назрел раскол среди позитивистов на почве недовольства деятельностью Р. Конгрива, главы философско-религиозного общества позитивистов, который хотел представить учение Конта как новое Откровение.

Однако для Меньшикова никакое примирение совершенно несовместимых, как ему тогда казалось, мирозерцаний (науки и религии) было невозможно. Поэтому он принял более радикальную позицию: стал критиковать не только институт церкви, но и сам

феномен религиозности. Для Меньшикова если и есть религиозный инстинкт, то это инстинкт нездоровый. Самыми настоящими здоровыми инстинктами могут быть только животные инстинкты, как первоначальные и данные человеку самой природой. Интересны его рассуждения на эту тему в одном из ранних дневников: *«Собственно говоря, — пишет он, — человек и теперь живет, когда живет — животными инстинктами: иными инстинктами он только болеет. Все не животное есть не живое: идея о Боге, как о деятеле вне природы, идеи о жизни, как о времени вне нашего реального бытия, идеи об искусстве вне вещей и целей, о религии для религии и прочих абсолютах»* [18, л. 103]. По мнению Меньшикова, естественная логика животного не признает ничего, кроме природы. Поэтому ранние формы религии естественны, ибо бог дикаря есть сама природа, а потому он родственен дикарю с его слабостями и качествами. Появление вопроса о смысле существования мира, с позиции публициста, есть отклонение от нормы, здоровому мозгу никогда не придет вопрос «Зачем?», но он задастся вопросом «От чего?». Стоит сказать, что Меньшиков не всегда последователен в своих позициях. С одной стороны, он имеет тягу к естественному, даже дикому. «Домой! К природе!» — звучит его призыв в дневнике за 1882 год [18, л. 104, об.]. С другой стороны, когда вопрос касается анализа религии, в основу критики им кладется негативное отношение к дикости и восхищение цивилизацией. Это хорошо видно в попытке понять происхождение монотеизма. Применяя эволюционный подход к данной проблеме, он не соглашается с распространенной тогда теорией, что монотеизм более высокая ступень религиозности, чем политеизм. Он своим пытливым и острым умом находит брешь в существующих исследованиях и справедливо указывает на факт зарождения и распространения монотеизма как раз-таки у племен кочевников с низшей культурой (евреев и арабов). В то время как высокоразвитый политеистический мир эллинов и римлян дает человечеству все необходимое для развития: медицину, философию, логику, каноны красоты, учение о добродетелях. Хотя Меньшиков и говорит, что вопрос о происхождении монотеизма довольно темен, он, сам того не замечая, склоняется к идее о его происхождении из политеизма, когда указывает на систематическое отпадение иудеев от веры в единого бога как на что-то естественное.

Критике подвергается также и Г. Спенсер, точнее его суждение, что идея о Боге, будучи достоянием миллионов людей, может служить сильным аргументом в пользу самой идеи. Живучесть идеи о едином Боге объясняется им на примере живучести других предрассудков, которые часто могли сопутствовать ей [10, л. 22].

Однако следует заметить схожесть Меньшикова с Литтре не только в вопросе понимания сущности религии. Меньшиков (специально или нет — неизвестно) повторяет глубокую мудрость Литтре в веротерпимости, которую начинает практиковать в семье после женитьбы. Литтре относился с уважением к религиозному чувству своей жены, которая, по описанию современников, была «очень умной, с преданной душой» женщиной [13, с. 10]. Он сам воспитывал дочь и к ее убеждениям относился так же деликатно и нежно. Подобным же образом Меньшиков не стремится затрагивать религиозных убеждений любимой супруги, не вмешивается в религиозное воспитание детей, осуществляемое с ее стороны, и даже посещает богослужения со всей семьей. Но в душе он мучается поиском нового мирозерцания.

Из подобной жесткой критики религии логичным образом вытекает вопрос: на чем же построится новая система мирозерцания, которая должна прийти на смену религии? Меньшиков М. О., отвечая на него, говорит, что пришедшая на смену система знаний будет опираться не только на чувственный опыт, но и на разум. Меньшиков не

поддерживает позитивистское отрицание дедуктивного метода познания. Соответственно, еще одна отличительная особенность его мирозерцания — признание положительной роли дедуктивного метода в изучении вещей, существующих в мире. В отличие от контовского подхода, который ориентирован больше на индуктивную методологию, Меньшиков признавал полезность дедукции в построении научно-философского обобщения, а значит, и мировоззрения. Любителям абсолютизировать индуктивный метод познания публицист противопоставляет следующие свои суждения: *«Но вы скажете: ведь это противоречит научному, аналитическому методу? Ведь научный метод — „от частного переходить к общему“? Противоречия на самом деле нет: простое изучение мира и свод добытых этим изучением истин должны иметь процессы различного характера: дедукция, как известно, и начинается, и заканчивает мышление»* [10, л. 6]. Дедукция помогает выстроить «общий архитектурный план» постройки собственного взгляда на мир, а частные науки дают для реализации этого плана ценный «строительный» материал. Меньшиков сознается, что на месте запланированного пока что находятся *«грубые, допотопные и вредные постройки, обветшалые мирозерцания иудейско-римско-славянского некультурного склада»*. *«Место завалено мусором и этот мусор необходимо вывезти»* [10, л. 6, об.]. Как видно из этих признаний, Меньшикову нелегко дается избавиться от старых мировоззренческих клише, несмотря на резкую критику религии и ее ценности для человека. Публицист в своем очерке много размышляет о религии, и в этих рассуждениях он одновременно и близок, и далек от позитивизма.

Стоит отметить, что контовская установка на чистый эмпиризм у многих русских мыслителей XIX века вызывала сомнение и критику. Так, Огарев после посещения лекций О. Конта в 1845 году, несмотря на свое восхищение философом, все же не был удовлетворен до конца его системой соотношения эмпирического и рационального знания [19, с. 69]. То же самое можно сказать и о Герцене с Белинским, требовавших рассматривать опыт и разум в единстве [19, с. 70, 74]. Разные идеи позитивизма находили свое отражение в работах Чернышевского, но и этот мыслитель, отец русской школы «разумного эгоизма», был склонен больше к рационализму. В философских рассуждениях Меньшикова о познании чувствуется большое сходство с идеями мыслителя и публициста П. Л. Лаврова. Последний также стремился к построению целостного знания на разуме, критиковал некоторых коллег по перу за слепое поклонение эмпиризму. Те, в свою очередь, отвечали ему весомой критикой. После опубликования статьи «Три беседы о современном значении современной философии» к Лаврову пристало прозвище «метафизик», которую дали ему ярые приверженцы позитивизма Писарев и Антонович [20, с. 28]. Подобное можно объяснить тем, что многие мыслители-западники, впитав в 1850–1860-е годы идеи рационализма, не спешили расставаться с верой в силу человеческого разума.

Отсюда иное интерпретирование Меньшиковым научного подхода изучения и понимания мира или какой-нибудь вещи в нем, в том числе и религии: для этого надо знать не их частности, а общую идею, но общее всегда должно познаваться через изучение частности [10, л. 1]. *«Вне Разума для человека нет и не может быть доступного возможного средства познания»* [10, л. 4]. Таковы установки его философского сциентизма. Согласно убеждению Меньшикова, объективным знанием может считаться только то, которое содержит в себе основу данных научного метода или хотя бы апеллирует к нему. В связи с этим любые другие знания, в том числе религиозно-мистические, отпадают из-за своей отсталости. *«Лучшего, глубочайшего познания, чем*

даст нам наука, не может быть», – пишет автор [10, л. 27]. В своем очерке Меньшиков демонстрирует хорошую осведомленность в последних достижениях разных наук того времени: физики, биологии, физиологии, психологии. Центральной установкой всего «Мирозерцания» является принципиальная познаваемость явлений мира, осуществляемая разумом с помощью науки. Анализ «частностей» религии (способов ее распространения, развития и изменения ключевых ее концепций, личности основателей конкретных форм религиозности, исторического контекста функционирования религии, ее отражения в массовом сознании и др.) подводит Меньшикова к общей идее о сути религии. Для него религия есть комплекс устаревших взглядов на мир, имеющий свой исток как в недостоверных ощущениях, так и в поврежденном инстинкте человека. Тем не менее Меньшиков не причисляет себя к атеистам. Например, в одной из дневниковых записей от 1883 года он высказывает следующее: «Я не атеист, и не все умы столько поработали над исканием Бога, сколько поработал я. Однако я смело говорю, что все религии ничего общего с Богом не имеют и иметь не могут» [21, л. 33].

Согласно анализу более поздних дневниковых заметок, Меньшиков в дальнейшем также остается верен выбранному пути осмысления сути религии, однако радикальная критика конфессиональных форм религиозности заметно утихает, богоискательство объявляется естественной необходимостью человека. *«Создавать Бога, открывать его — не прихоть, а органическая потребность человека»,* заявляет он в одной из своих записей. *«Религия, конечно, есть не то, чему учит церковь с ее богословами и соборами. В действительности церковная религия есть только форма практической религии, ее язык, ее материальное выражение»* [22, л.11]. Близкое знакомство Меньшикова с писателем Л. Н. Толстым и его учением позволяет ему дополнить свое понимание религии в качестве естественного нравственного чувства [22, л. 11 об]. Однако в дальнейшем он порвет с учением Толстого и подвергнет жесткой критике ряд его положений. Также интересны попытки публициста осмыслить природу молитвы с позиции естественных причин, что отражено в его записях от 1890-го года. Он признает действенность молитв, но связывает это не с мистическим влиянием божества, а с важными природными компонентами, присутствующими в ней: *сильной, сосредоточенной волей, сильным желанием, страстной мыслью, возбужденным чувством* [23, л. 27].

Научно ориентированное знание остается в прерогативе и в последующие годы, о чем свидетельствуют дневниковые записи от 1917 года. Согласно Меньшикову, чудеса возможны только в рамках естественных законов. *«Такого Бога, творящего неестественные чудеса, в мире нет. Нет в мире Бога, действующего по своей или по нашей прихоти, склоняющегося к нашим мольбам, курениям и сожжению свечей. Человечество молится в пустое пространство»* [24, с. 294]. Утопичность идеи Христа о всеобщей любви людей друг другу уже не высмеивается им, а переосмысливается в контексте научно-технических достижений его времени. С этой целью Меньшиков сравнивает реализацию заповеди любви Иисуса Христа с развитием воздухоплавания. Призывы проповедников ко всеобщей любви ставятся публицистом в один ряд со сказками про Икара и о «ковре-самолете», которые наполнены порывом мечтаний о невозможном. *«Мечтать подобно Христу и всем вероучителям до Льва Толстого, будто стоит сказать: «Любите друг друга», как это и явится, – просто наивно. Это все равно, что сказать: летайте по воздуху! Целые тысячелетия люди признавали возможность летать по воздуху, создавали сказки об Икаре и Ковре-самолете, – но дальше сказок дело не пошло. Явились братья Райты и построили летательную машину»* [24, с. 295]. Предаваться одним грезам недостаточно, нужно прикладывать волевое и интеллектуальное усилие, чтобы достичь поставленной цели. *«Такой любви Божией,*

такого способа спасения нет, не было и не будет, а есть другая любовь и другой способ, установленный навсегда. Хотите блаженства — достигайте его сами, пользуясь своим разумом и своей любовью» [24, с. 294]. Поэтому становление добродетельного общества возможно только через реализацию социальных программ, а не через ритуалы и обряды.

В своих публичных статьях Меньшиков не озвучивал прямо свои идеи. Более того его ранние книги, а также статьи и фельетоны, написанные им в журнале «Неделя» и в первые годы его работы в газете «Новое время» наполнены христианским смыслом. Например, христианским духом пронизаны такие его работы, как «О любви» (1899), «О здоровье народном» (1902), «Кто ближний мой?» (1902), «О гробе и колыбели» (1902), «Родина и герои. Вербное воскресенье» (1902), «Вечное воскресение» (1904). В них «Священное Писание» предстает как *«нечто священное — по мудрости и красоте»* [25, с. 123], Христос — нравственным идеалом, а христианство — религией света, в противовес мрачному язычеству. При этом публицист примиряет религию и науку, что сильно напоминает позицию позитивистов. *«Для меня неоспоримо, — пишет Меньшиков, — что истинная наука в корне своем религиозна, и, открывая познания в глубине природы, она ведет нас к Отцу светов, куда все мы безотчетно, как цветы к солнцу, обращены душой»* [26, с. 24]. Его статьи вызвали восторженные отклики со стороны некоторого духовенства, в том числе митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Антония (Вадковского), который назвал публициста человеком, понимающим, что такое настоящий христианин [25, с. 10]. Изменяет ли Меньшиков самому себе в подобных статьях? Ответ однозначный: нет. Публицистика для Меньшикова становится своеобразной «кафедрой», с которой он проповедует современникам свои идеи. Он использует те культурные символы, которые понятны и близки среднестатистическому читателю. Это способствовало формированию иллюзии, что Меньшиков был глубоко православным человеком. Но его «религиозность» не церковная, и даже не христианская, она надконфессиональная. Для него божественный закон выражается в определенных положительных качествах людей: *«правдивости, честности, незлобии, бескорыстии и благородства»* [25, с. 128], и он закладывается в людей независимо от их конфессии и исторической эпохи. Меньшиков указывает на то, что многие дикие племена обладают набором подобных качеств. *«В их жизнь и самые души как бы уже вложен вечный закон Христа, — рассуждает Меньшиков в своем очерке «Проповедано ли Евангелие?», — и миссионерам остается не учить, а порою учиться у них».* *«Вполне определенно нравственная правда христианства выразилась еще в язычестве: в учениях Зороастра, Будды, Лао-Цзы, Сократа, стоиков. В глубине масс народных, когда жизнь их слагалась в формы вполне здоровые, неизбежно возникала та самая правда жизни, которую принес Христос»* [25, с. 128].

В ином месте он также пишет: *«Вера народная — бессмертная душа народная, и не все ли равно, что возбуждает жизнь души: букетик цветов, приносимый пред статуей Будды, или вот это пение: «Да исправится молитва моя» в голубом кадильном дыме? Кто к чему привык, кто с чем сросся»* [25, с. 72].

В поздних фельетонах Меньшиков более открыто выражает свои настоящие взгляды. Все ярче в его статьях прослеживаются намеки на естественную религиозность. Используя традиционные символы и понятия русского православия, он по-своему наполняет их смыслом. Это не могло остаться незамеченным консервативными и церковными кругами. Известна сдержанная критика его идей архиепископом Антонием (Храповицким). Иерарх в своей статье «Нравственность черного и белого духовенства» восторженно принимает патриотизм Меньшикова, его рвение преобразовать духовную жизнь России, но при этом

отмечает, что публицист далек от реальной церковной жизни, что ему «чуждарелигиозность, чуждохристианство, чуждыцерковнымолитва» [27, с. 455]. Более жесткая критика в адрес публициста осуществлялась архиепископом Никоном (Рождественским). Никон признается, что Меньшиков напоминает ему «маятник, который качается из стороны в сторону», так как публицист в своих фельетонах дает противоречивые идеи: «то уверяет, что христианство становится пережитком и на смену ему идет язычествующий буддизм; то стоит за веру в Бога, хотя о христианстве прямо не говорит» [28]. Никон тонко подмечает, что религиозные понятия публицист использует, осторожно подменяя их христианское содержание иным, то светским, то «языческим». Так, понятие веры Меньшиков специально сводит к самовнушению, к нравственной вере в себя, воспитанной многовековыми внушениями религии, а под «Священным Писанием» понимает слова любой книги, повлиявшей благотворно на развитие цивилизации. В одном ряду оказываются и Авеста, и Илиада, Коран и Библия. Соответственно, ценность веры, а вместе с ней и религии признается Меньшиковым не столько с позиции истины, сколько с позиции пользы для нравственного целительства общества. В этом пункте он близок к позитивистам, которые, как мы говорили выше, стремились создать гуманистическую религию. Меньшиков придет к подобной идее сравнительно позже позитивистов, когда начнет активно участвовать в общественно-политической жизни страны и сформулирует программу «Всероссийского национального союза».

Итак, из всего выше изложенного мы можем сделать некоторые заключения. Важно отметить, что слово «религия» в ранних дневниковых записях употребляется Меньшиковым в узком и широком смысле. В общепринятом узком смысле религия понимается им как верование в сверхъестественное. В широком — как любая система миросозерцания, имеющая ценность и играющая важную роль в жизни отдельного человека или социальной группы. Влияние позитивизма на формирование взгляда Меньшикова на сущность религии не было абсолютным. Здесь мы видим слияние позитивистских и рационалистических принципов. Осмысление религии им строится на их бинарном пересечении. С одной стороны, Меньшиков отказывается от метафизического понимания сущности религии, перепроверяет ее космологию эмпирическими и точными науками, но с другой — оставляет за дедуктивным методом решающее значение в сущностном познании. Принцип эволюционизма сопровождается непринятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии. На наш взгляд, именно подобное соотношение принципов приводит Меньшикова на раннем творческом этапе к позиции радикального отказа как от любого религиозного (теологического) теоретического знания, так и от религиозного чувства вообще, что ставит его взгляды в данном вопросе в оппозицию позитивизму. Однако в поздний период своего творчества Меньшиков имеет прагматическое отношение к вере и религии, что связано с его общественно-политической деятельностью, с осознанием необходимости создания идеологических основ, способных сплотить разные слои российского общества.

Библиография

1. Начапкин М. Н. «Письма к ближним» консервативного публициста М. О. Меньшикова как источник по истории российской повседневности начала XX века / М. Н. Начапкин // Научный диалог. – 2020. – № 5. – С. 450–464.
2. Иванов А. А. Православный консерватизм архиепископа Никона (Рождественского) против «язычествующего» национализма М. О. Меньшикова // Христианское чтение. – 2019. – № 4. – С. 193–206.
3. Николай (Зиоров), архиеп. Беседа, сказанная в г. Млаве в местной церкви после

- обедни – перед молебном // Варшавские беседы и речи архиепископа Николая (1910 г.). Вып. 3. – СПб : Государственная типография, 1911. – С. 70–75.
4. Каграманов Ю. Меньшиков столетие спустя / Ю. Каграманов // Посев. – 2000. – № 12. – С. 17–20.
5. Пospelов М. Б. Темы Церкви и веры в жизни и смерти М. О. Меньшикова // Меньшиков М. О. Вечное воскресение. (Сборник статей о Церкви и вере).-М.: Русский вестник, 2003. – С. 6–17.
6. Репников А. В, Санькова С. М. Меньшиков Михаил Осипович // Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. – С. 289–295.
7. Санькова С. М. Партия русских националистов и её идеолог М. О. Меньшиков о проблемах Русской Православной Церкви и путях их преодоления // Ортодоксия. – 2021. – № 4. – С. 109–134.
8. Орлов А. С., Поздняков А. В. Эволюция религиозных взглядов публициста Михаила Осиповича Меньшикова // Ученые записки Орловского государственного университета. – № 4. – 2023 г. – С. 100–108.
9. Орлов А. С., Поздняков А. В. Экзистенция и трансцендентное: коммеморация аутентичных взглядов публициста-философа Михаила Осиповича Меньшикова (по материалам неопубликованных записных книжек) // Наука, инновации, образование: актуальные вопросы и современные аспекты. – Пенза, 2023. – С. 37–62.
10. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 50.
11. Писарев Д. И. Литературная критика : в 3 т. / Д. И. Писарев : [сост. Ю. С. Сорокина]. [Электронный ресурс] – Ленинград : Художественная литература. Ленинградское отделение, 1981. Т. 2: Статьи 1864–1865 гг. Т. 2. – 1981. – 456 с. – URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml (дата обращения 12.07.2024).
12. Спенсер, Герберт. Синтетическая философия: Пер. с англ. / Герберт Спенсер. – К.: Ника-Центр, 1997. – 512 с.
13. Каро Эльм Мари. Э. Литтре и позитивизм (Пер. с фр.) – М.: типо-лит. И.Н. Кушнерева и К°, 1884. – 90 с.
14. Huxley, Leonard (ed.) (1900). Life and Letters of Thomas Henry Huxley. Vol. 1, p. 237. New York: D. Appleton & Co.
15. The Nature and Reality of Religion : A Controversy Between Frederic Harrison and Herbert Spencer. New York: D. Appleton and company. 1885.
16. Корсаков А. И. Религиозные аспекты утилитаризма Джона Стюарта Милля // – Мир современной науки. – 2012. – № 2. – С. 48–59.
17. Bryson, Gladys. Early English Positivists and the Religion of Humanity. American Sociological Review. 1936. vol. 1. № 3. 343–362.
18. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 16.
19. Шкуринов П. С. Позитивизм в России XIX века / П. С. Шкуринов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980. – 416 с.
20. Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы [Текст]: в восьми томах / П. Л. Лавров; подгот. к печати, коммент., примеч., биогр. и библиогр. очерки И. С. Книжника-Ветрова. – М.: Всес. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев. Том 1: 1857–1871. – 1934. – 518 с.
21. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 13.
22. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 21.
23. ЦГА Москвы. ОХДЛСМ. Ф. 202. Оп. 1. Д. 24.
24. Орлов А. С. «Христианство не удалось». «Путь спасения». Фрагменты дневников М. О. Меньшикова // Вестник архивиста. 2012. – № 3. – С. 289–298.
25. Меньшиков М.О. Вечное воскресение (Сборник статей о Церкви и вере). – М.:

Русский вестник, 2003. – 174 с.

26. Меньшиков М.О. Из писем к ближним. – М.: Воениздат, 1991. – 224 с.

27. Антоний (Храповицкий), архиеп. Полное собрание сочинений в трех томах. Т. 3. / архиеп. Антоний (Храповицкий). – СПб : Издание И. Л. Тузова. Гостиный двор, 45. – 1911. – 714 с.

28. Никон (Рождественский), архиеп. О религиозных мудрованиях г. Меньшикова // Мои дневники. Выпуск 4 / архиеп. Никон (Рождественский). – Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1914. – 205 с. – URL :

https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Rozhdestvenskij/moi-dnevnik-vypusk-4/2#source (дата обращения 30.08.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предложенная статья значима, прежде всего, своим информационным содержанием. Она дает информацию о неизвестных, неопубликованных работах знаменитого русского публициста М. О. Осипова и могла бы многое объяснить в его творчестве. Но автор упустил, на мой взгляд, один существенный момент, без которого приведенная информация мало о чем говорит. Этот момент – время (год или годы) написания приводимых рассуждений. Если я это пункт не заметил, или где-то это время указано (например, в аннотации, которая мне, как рецензенту, не передана), то я приношу свои извинения. Но без временных дат оценить материал трудно.

Трудность это возникает по следующим причинам.

Во-первых, любопытно понять, сколько лет было тогда автору. Если это пишет пятнадцати-шестнадцатилетний подросток, то это бесценный материал, показывающий становление мировоззрения. Но если это написано «зрелым мужем», то остается только удивится примитивизму его рассуждений. Критика религии в них напоминает атеистическую пропаганду для пятых-шестых классов в советской школе: ненаучно, не доказано, «вредно для развития человека», «таит в себе вражду к перестройке идей», «является поиском выгоды или манипуляцией необразованными людьми» и т.п. Даже если автор статьи считает, что критика религии очень актуальна в наши дни, подобный примитивизм может только ее дискредитировать.

Во-вторых, в начале статьи автор говорит, что отношение Меньшикова к религии было неоднозначно, что оно «вызывало у церковных критиков то восторженные отклики (например, у митрополитов Антония (Владковского), Антония (Храповицкого), то жесткую негативную оценку (у архиепископов Никона (Рождественского), Николая (Зиорова))». Но в приведенных рассуждениях никакой «неоднозначности» нет, они однозначно антирелигиозны, и совершенно не понятно, что могло вызвать «восторг» у митрополитов Антония Владковского и Антония Храповицкого. Наверно, автору стоило сравнить рукописные высказывания Меньшикова о религии с теми, что были опубликованы, и как-то объяснить их различия. То ли публицист изменил свои воззрения, то ли он был т. с. «весьма осторожен»?

В-третьих, хорошо было бы показать, как связаны приведенные рассуждения Меньшикова о религии с его последующими взглядами. М. О. Меньшиков вошел в историю как консерватор, монархист и националист, причем этнического (даже расистского) толка. Наверное, это как-то связано с его т. н. «реализмом». Но связь эту следовало бы раскрыть. Иначе весь материал статьи представляется малоинтересным.

Однако повторю: в статье содержится любопытная информация. Несомненную ценность

содержит анализ позитивистских влияний на взгляды Меньшикова, в частности, проведение дифференциации между английским позитивизмом (Г. Спенсером, Дж. Миллем), допускавшим «религиозные чувства», и более бескомпромиссным по отношению к религии позитивизмом французским (Э. Литтре). Но опять же остается вопрос: как при симпатии к наиболее радикальным направлениям позитивизма Меньшиков сделался столь выраженным консерватором? Консерватизм все-таки обычно тяготеет к традиционализму и, следовательно, к религиозности... Может быть с Михаилом Осиповичем произошел какой-то «религиозный переворот»? Тогда об этом стоило бы упомянуть в статье.

Таким образом, статья может быть опубликована с некоторыми дополнениями и пояснениями.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Влияние позитивизма на понимание сущности религии М. О. Меньшиковым (по неопубликованным записным книжкам)» выступают мировоззренческие основания творчества Меньшикова, восстанавливаемые автором статьи на основании записных книжек, дневниковых записей публициста и автобиографического очерка «Мирозерцание», написанных в 80-е годы 19 века. Особую ценность придает исследованию именно источниковая база, поскольку анализируемые работы не опубликованы, как и значительная часть рукописного наследия Меньшикова.

Методология исследования включает: герменевтический метод, используемый при анализе опубликованных и неопубликованных текстов писателя, каузальный и ретроспективный анализ, биографический и сравнительно-исторический анализ.

Актуальность исследования обусловлена в первую очередь спорностью оценок религиозности публициста, его отношения к религии и Церкви. Ставя целью своей статьи произвести анализ взглядам М. О. Меньшикова на сущность религии с позиции влияния на них позитивизма, автор, тем самым затрагивает более широкую проблему, чем изучение взглядов отдельного исторического лица, а именно – изучение влияния идей позитивистского движения на российскую интеллигенцию и духовные процессы в обществе в целом. При этом следует учесть, что мировоззрение Меньшикова, его философские идеи, остаются недостаточно изученными и представленное исследование способствует осмыслению творчества этого оригинального мыслителя.

Научная новизна заключается в подробном анализе влияния позитивизма на оценку религии Меньшиковым, в установлении общих мест в мировоззрении Меньшикова и «столпов» западного позитивизма: О. Конта, Г. Спенсера, Э. Литтре, Г. Милля, Харрисона.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных исследований, в нем сочетается четкость формулировок ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Автор уместно останавливается на различении понятия «религия» в узком и широком смысле, поскольку эта разница оказывается существенной для позиции Меньшикова. В узком смысле религия понимается им как верование в сверхъестественное, в широком – как любая система мирозерцания. Учитывая это, автор показывает, как меняются взгляды публициста на религию, как различаются его приватные и публичные высказывания на этот счет.

Структура и содержание статьи полностью соответствуют заявленной проблеме. Автор

последовательно демонстрирует, что влияние позитивизма на формирование взгляда Меньшикова на сущность религии не было абсолютным, а дополнялось общерационалистическими принципами. Осмысление религии публицистом, включает его отказ от метафизического понимания ее сущности, и одновременно, признании «естественной религиозности», корнящейся в психологии человека. Принцип эволюционизма, разделяемый Меньшиковым с первым позитивизмом, соседствует у него с неприятием агностицизма, который был тогда свойственен позитивистской философии.

Библиография статьи включает 28 наименований, в которые входят и архивные материалы.

Апелляция к оппонентам присутствует в недостаточной мере. Автор в начале статьи упоминает имена исследователей, образующихся к изучению наследия Меньшикова - Саньковой С. М., Крижановского Н. И., Иванова А. А., Каграманова Ю., Камнева В. М., Репникова А. В., Трофимова В. Б., и т.д., однако в самой работе никаких отсылок к оценкам обсуждаемой темы другими исследователями не присутствует.

Статья вызовет интерес у исследователей и поклонников творчества Меньшикова, будет интересна всем, занимающимся изучением русской общественно-философской мысли.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Жерносенко И.А., Дунилов И.М. Устарел ли постмодернизм? К вопросу об актуальности концепта в начале XXI века // Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.71715 EDN: FTOZDL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71715

Устарел ли постмодернизм? К вопросу об актуальности концепта в начале XXI века

Жерносенко Ирина Александровна

ORCID: 0000-0002-8571-6205

доктор философских наук, кандидат культурологии

профессор; кафедра гуманитарных дисциплин; Алтайский государственный институт культуры

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, ауд. 306

✉ irina.jernosenko@gmail.com

Дунилов Иван Михайлович

ORCID: 0009-0007-6726-5088

независимый исследователь

656055, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Юрина, 277, оф. 310

✉ 2200imd@gmail.com

[Статья из рубрики "Философия постмодернизма"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.2.71715

EDN:

FTOZDL

Дата направления статьи в редакцию:

16-09-2024

Аннотация: На рубеже XX – XXI веков в гуманитарных науках наблюдается определенная «усталость» от термина «постмодерн» / «постмодернизм», появляются различные сочинения, подводящие итоги и предлагающие альтернативные концепции для описания современности. В статье предпринята попытка анализа аргументов в пользу сохранения или замены концепта «постмодерн» / «постмодернизм», приводимых теоретиками, многие из которых участвовали в изначальных дискуссиях о

«постмодерне» / «постмодернизме». С целью выявления сущностных маркеров названного концепта, сформулированного изначально западными исследователями достаточно аморфно и расплывчато, авторами данного исследования проанализированы отдельные тексты как теоретиков-пионеров, к которым, несомненно, можно отнести Ихаба Хассана, Фредрика Джеймисона, Брайана Макхейла, Терри Иглтона, Линду Хатчеон, так и ученых, включившихся в дебаты позднее: Алана Кирби и Стюарта Джеффриса. Концептуальной основой статьи служит теория Ф. Джеймисона, который определяет «постмодернизм» как культурную доминанту капитализма на его «поздней» стадии. В ходе исследования используется компаративистский метод. Выявлены следующие основания критики: изначальная неудачность термина, его семантическая неопределенность (И.Хассан); институализация, отсутствие теории политической агентности (Л. Хатченон, Т. Иглтон), переоценка универсальности (Б. Макхейл, Т. Иглтон); устаревание и несоответствие современным реалиям (А. Кирби). С другой стороны, Ф. Джеймисон сохраняет свою прежнюю аргументацию, отказываясь от самого термина «постмодерн» / «постмодернизм» в пользу «глобализации», и вносит некоторые корректирующие изменения. В защиту постмодернизма как оптики выступает С. Джеффрис, который считает, что новые технологии ускорили распространение постмодернизма и способствовали его возрождению. Подобные продолжающиеся дискуссии позволяют предположить, что концепт «постмодерн» / «постмодернизм» сохраняет определенный эвристический потенциал, действительную угрозу для него представляют, по мнению авторов, радикальные социально-экономические, экологические изменения.

Ключевые слова:

Постмодерн, Постмодернизм, капитализм, Фредрик Джеймисон, Ихаб Хассан, Брайан Макхейл, Терри Иглтон, Линда Хатчеон, Алан Кирби, Стюарт Джеффрис

Прежде, чем начать исследование, необходимо определиться с тем, что мы понимаем под концептом «постмодерн» / «постмодернизм». В XXI веке отечественная гуманитарная наука столкнулась с проблемой выбора языка и инструментария для описания культурных реалий современности. Распространенные концепции постмодернизма, постиндустриализма и т.д., укорененные в XX веке, сегодня теряют свою актуальность. Дополнительные сложности связаны с особенностями переноса на российскую почву западных концепций (достаточно аморфных и расплывчатых изначально), которые, приняв некие конвенциональные для отечественной академической науки формы, практически не подвергались пересмотру или критическому осмыслению до последнего времени. В результате чего споры, проходившие, главным образом, на литературных кафедрах американских университетов в 1970–1990 гг., и сформировавшие общее дискурсивное пространство постмодернизма, достаточно плохо известны в отечественной науке, внутри которой доминирует представление о постмодернизме более как об эстетическом явлении, философской базой которого выступает французский постструктурализм. Известный отечественный исследователь, Илья Ильин даже предложил понятие «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс» [\[1\]](#).

В статье мы используем парное понятие «постмодерн» / «постмодернизм» из-за невозможности выделения четких критериев обоих терминов: «постмодерн» и «постмодернизм». Это связано, в том числе, с непоследовательным их употреблением

разными авторами, а также особенностями перевода с английского на русский язык. При этом в отечественной гуманитарной науке «постмодерном» обычно называют период современной истории, формирующийся после завершения индустриальной эпохи — «после модернизма», а термин «постмодернизм» относится к культуре этого времени, характерным художественным стилям и философским течениям.

Дебаты 1980-х годов обозначили наивысшую степень интереса к «постмодерну» / «постмодернизму», когда авторские версии Фредрика Джеймисона [2] и Дэвида Харви [3], базирующиеся на неортодоксальных экономических теориях, оказались наиболее проработанными и всеобъемлющими. Они связывали культурные изменения с изменениями капитализма (знаменитое джеймисновское «постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма»). Однако на рубеже веков появляется определенная усталость как от самого термина, так и от дискуссий по его поводу. Мы не будем касаться конкурирующих теорий постпостмодернизма, которые, пожалуй, наиболее полно представлены в книге российского социального теоретика Александра Павлова «Постпостмодернизм» [4] и сборнике «Supplanting the Postmodern» [5] под редакцией Дэвида Радрама и Николаса Ставриса, а лишь попытаемся подвести некоторые итоги. Уточним, «постпостмодернизм» — это собирательный термин, используемый А. Павловым для теорий, авторы которых стремятся отразить особенности новейшей современности, имеющей отличия от постмодернизма конца XX века.

Как уже было отмечено, многие ведущие философы и теоретики, среди которых Фредрик Джеймисон, Дэвид Харви, Ихаб Хассан, Линда Хатчеон, Зигмунд Бауман, позже отошли от разработок в рамках парадигмы постмодернизма. Книга Перри Андерсона «Истоки постмодерна» [6] также стала неким финалом, предполагающим окончание проекта теоретизации «постмодерна» / «постмодернизма», что связано с самой конечностью периода, если, конечно, рассматривать постмодернизм как хронологически ограниченный период (а постмодерн культуру этого периода), а не как метаисторическое циклическое явление.

Приведем лишь несколько примеров того, почему различные авторы считают термин «постмодернизм» устаревшим, отжившим и подлежащим замене, или, наоборот, вполне рабочим даже сегодня.

«Отец» теоретического постмодернизма, литературный критик Ихаб Хассан в эссе 2001 года «From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context» [7] сначала приводит примеры употребления слова «постмодернизм», прежде чем привести аргументы в пользу отказа от понятия. Итак, по Хассану, «постмодернизм» употребляется для обозначения: эклектичного архитектурного стиля, смешивающего исторические, эстетические элементы (например, Музей Гуггенхайма в Бильбао архитектора Фрэнка Гери, Космический центр Цукуба архитектора Араты Исодзак и т.д.; крайней степени релятивизма в области ценностей и убеждений, отрицания любой возможности истины; аполитичный и даже неpolitкорректный двойник неокOLONиализма; набор самых различных явлений популярной культуры от певицы Мадонны и художника Энди Уорхола до японских игровых автоматов-пачинко.

Что общего у всего этого? Фрагментированность, гибридность, релятивизм, игра, пародия, стилизация, ироничная, антиидеологическая позиция, граничащая с китчем и кэмпом. Почему же термин неудачный изначально? Он не просто мешает, это устаревшая оптика. Постмодернизм невозможно отделить от модернизма. Постмодернизм очень «модернистский», а не «постмодернистский», так как предполагает линейную шкалу

времени, тогда как, например, постструктурализм отвергает подобную трактовку. Постмодернизм не имеет четких хронологических рамок. Например, некоторые старые писатели (И. Хассан приводит Набокова и Беккета в качестве примеров) относятся к постмодернизму, а некоторые современные (например, Апдайк) не относятся. Причем знаковые для постмодерна приемы саморефлексии, черного юмора можно найти хоть у писателя XVIII века Лоренца Стерна («Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена»), хоть у Эврипида. То есть условные 1960-е гг. не могут служить хронологической границей. Наконец, постмодернизм относится только к богатым обществам.

Что же предлагает Ихаб Хассан, кроме повторения своих старых идей про имманентность и неопределенность, упования на прагматизм? Он предлагает заменить устаревшую концепцию постмодернизма на постмодерн/постсовременность (postmodernity), которая становится глобальным (или локальным) явлением. Хассан предлагает развивать чувство самости, предполагающее сосуществование с другими культурами и самой вселенной. Теоретик предполагает, что это непростой путь для разделенного человечества, для которого групповые идентичности имеют первостепенное значение. В любом случае, от способности к диалогу и выработки нового экологического самосознания зависит выживание человечества. Ихаб Хассан проделал путь от достаточно позитивного отношения к постмодернизму до его отторжения и переходу на позиции постгуманизма.

Как бы то ни было, возврат к теме постмодернизма и показательный отказ от данного термина создателя одной из самых первых попыток его систематизации весьма симптоматичен.

Американский теоретик литературы Брайан Макхейл, посвятивший немало страниц постмодернизму вообще [\[8\]](#) и постмодернизму в литературе в частности [\[9\]](#), в своей статье [\[10\]](#) признает, что переоценил однородность культурного ландшафта и наоборот недооценил культурные различия. Например, южноамериканский магический реализм по времени предшествовал американскому постмодернизму, а российский и восточноевропейский постмодернизм(ы) значительно отличаются от западного. В результате Макхейл был вынужден признать, что переоценил уровень культурной однородности, объединив под этим собирательным понятием достаточно разнородные явления. Сам Брайан Макхейл изначально склонялся к версии о зарождении постмодернизма (в первую очередь в литературе), связанной с самой внутренней логикой развития этой творческой области. Другие теории находили внешние причины: кризис метанарративов у Ж.-Ф. Лиотара, особенности эволюции капитализма у Ф. Джеймисона и Д. Харви. Однако, ныне Брайан Макхейл придерживается мнения, что одних внешних или внутренних причин недостаточно, а постмодернизм был более сложно устроенным явлением. Именно переоценка значения внутренних законов жанра привела Макхейла к ложной универсализации [\[10, с. 53-54\]](#).

Но вот ситуация стала изменяться, и то, что существовало более как механистичное объединение в построениях теоретиков, стало обретать плоть.

Б. Макхейл выделяет следующие механизмы распространения постмодернизма: экономическая глобализация, собственно циркуляция и экспорт идей и текстов; истинный диалог культур, хаотичные контакты, не укладывающиеся в логику распространения от центра к периферии, и способствующий появлению глобальной эстетики [\[10, с. 58\]](#).

Ученый, находящийся под влиянием идей Кристиана Морару (профессора гуманитарных

наук и английской литературы из Гринсборо, США), предлагает отказаться от термина «постмодернизм», когда постмодернизм «победил», то есть действительно стал глобальным, заменив его на «пост-постмодернизм», «космодернизм», «планетарность» [\[10, с.59\]](#).

Знаменитый британский литературовед и философ марксистского толка Терри Иглтон в своей острополюемической статье «Where do postmodernists come from?» [\[11\]](#) анализирует социальные основы постмодернизма. По мнению Т. Иглтона, постмодернизм стал итогом не столько поразительного разгрома левых альтернатив, но и «успеха» капитализма, утвердившегося в качестве безальтернативной реальности, включая речь, что превратило старые формы сопротивления в анахронизм. Появились новые адаптированные стратегии сопротивления, учитывающие, что борьба возможна, но только на периферии системы, в различных разломах и на отдельных локальных участках. Отсюда внимание к инаковости, телесности, сексуальности, бессознательному, маргинальному, то есть своеобразная неполитическая радикализация, сочетающаяся с повышенным интересом к культуре и языку. Более того, повлияла смена поколений: ведь более молодые левые интеллектуалы не имеют опыта политического активизма и участия в массовых движениях, которые угасли к нашему времени. Таким образом, Иглтон подтверждает, что философия постмодернизма имеет некую изначальную политическую ориентацию. Противопоставление внутреннего и внешнего блокирует действие, так как нахождение внутри системы означает соучастие, а снаружи — бессилие.

Анархический ответ на вызов тотальности капитализма не стал альтернативой, потому что сама тотальность была поставлена под сомнение как некий культурный конструкт. Культурный детерминизм также ограничен, как биологический и экономический. Типичным стилем мышления для подобной ситуации, считает Т. Иглтон, был бы либертарианский пессимизм, то есть сочетание мечты о чем-то ином, чем сегодняшняя реальность, и одновременный пессимизм по поводу возможности изменений. Если нет традиционных политических агентов, то можно представить, что система могла бы деконструировать себя. Если нет возможности познать реальность, а есть только варианты интерпретации, остаются лишь релятивизм и прагматизм. Но прагматизм, плюрализм, гетерогенность и мобильность изначально свойственны капитализму. Прежняя логика воспроизводится, но на новом уровне. Постулирование случайности истории и невозможности коллективного действия означает бессилие, невозможность его организации в новых условиях.

Хотя постмодернизм можно назвать опытом политического поражения левых сил, его истоки лежат в модернизме, культурном авангарде, реакции на коммодификацию культуры, подъеме новых политических сил (например, феминизма, локальных и региональных движений) и т.д. Не является постмодернизм и провалом в области культуры. Постмодернизм внутренне противоречив: антагонистичные установки, предписывающие одновременно плюрализм и утверждение определенных ценностей в качестве универсальных (например, предпочтение инаковости и различия единообразию) подрывают постмодернизм, как и отказ от исторических корней и собственной истории.

Рефрен «превращение необходимости в добродетель» достаточно хорошо характеризует весь текст. Ученый описывает постмодернизм как своеобразный проект леволиберальных интеллектуалов, призванный как-то компенсировать политическое поражение и обосновать свое собственное отступление в область культуры и текста. Почему же Терри Иглтон считает постмодернизм символом «успеха» капитализма? Потому что

постмодернизм придает универсальную ценность проблемам определенной части интеллектуалов наиболее богатых регионов мира, т.н. глобального Запада / Севера.

В своей лекции «The Aesthetics of Singularity» 2012 г. (одноименное эссе [\[12\]](#) опубликовано в 2015 г.) Фредрик Джеймисон обращается к глобальному контексту (его достаточно часто критиковали за сосредоточенность на странах Запада), внося некоторые коррективы в свои прежние построения, но оставляет основу без особых изменений. Джеймисон отмечает, что культурный стиль, названный им постмодернизмом, за прошедшее время, вышел из моды, тогда как эпоха (постмодерн) продолжается, тогда как Линда Хатчеон считает ровно наоборот [\[4, с. 155\]](#). Таким образом, третий этап капитализма, поздний капитализм (Джеймисон опирается на периодизацию бельгийского экономиста Эрнеста Манделя [\[13\]](#)) можно обозначить термином «глобализация», а «постмодерн» выступает как описание новой глобальной культуры в широком смысле. За прошедшее время советская система перестала существовать, старая модель индустриализации устарела, появились новые информационные технологии, но это не меняет сущность системы.

Джеймисон описывает изменения, произошедшие за 30 лет в культуре, экономике и политике. В искусстве это уменьшение различия между формами, появление неклассифицируемых объектов: сочетаний видео, скульптуры, фотографии, перформанса и т.д. Утратила позиции масляная живопись. Фотография, ставшая настоящим открытием, переживает подъем. Возросла роль институций и кураторов. Экспонируемый объект превращается в произведение благодаря помещению в пространство музея [\[12, с. 116\]](#).

Финансиализация экономики — главный тренд этого этапа. Философ обращается к теории циклов Джованни Арриги [\[14\]](#) и описывает её следующим образом: распространение капитализма на новые регионы, развитие и насыщение регионального рынка; этап финансовых спекуляций, когда капитал больше не находит достаточно целей для инвестиций в реальный сектор. При этом история сопровождается сменой центра, лидерство переходит от Генуи к Нидерландам, от Нидерландов к Великобритании, и, наконец, от Великобритании к США. Но новые территории, на которые может распространяться капитализм, закончились, что приводит к коллапсу [\[12, с. 123\]](#).

В предыдущие этапы капиталистического развития национальная идентичность строилась на противопоставлении другому, ксенофобии. Но вскоре уже внутри больших наций различные национальные меньшинства начали строить свои национальные и этнические проекты. Во времена империализма инаковость распространилась на покоренных, колонизируемых, «слаборазвитых». Деколонизация открыла путь к культурной унификации. Травматический опыт потери идентичности может компенсироваться регрессией к более старым формам групповой идентичности. Возвращаются и споры об универсалиях, наиболее остро проявляющиеся в проблеме феминизма и национальных, этнических культур. Эссенциализм универсальных прав человека против гендерного эссенциализма на фоне американского империализма.

По мнению Джеймисона, политика постмодерна сводится к захвату пространств, идет ли речь о Палестине или о джентрификации в американских городках. Капитализм начался с огораживания и захвата земель империй ацтеков и инков. Речь всегда идет об одном — о частной собственности на землю [\[12, с.126-129\]](#).

По-другому видит причины заката постмодернизма Линда Хатчеон [\[15,16\]](#), которая не использует марксистскую оптику. Л. Хатчеон изначально была сторонницей союза

постмодернистского подхода (а в её понимании постмодернизм неразрывно связан с постструктурализмом) с феминизмом. Проблема разрушения агентности, то есть способности к самостоятельному выбору и действию, компенсировалась наличием позитивной программы у феминизма. Однако она считает, что в XXI веке постмодерн остался позади. И причина этого лежит в том, что с ним произошло то же, что и с модернизмом — он подвергся институализации в науке, искусстве, архитектуре, книгоиздательстве, киноиндустрии и т.д. Об этом свидетельствует наличие канонических текстов, антологий, различных толкований и введений, словарей и даже издательств. За время своего существования постмодерн превратился, по выражению Линды Хатчеон, в «своего рода общий контрдискурс» [\[16\]](#), пересекающийся, но не совпадающий с феминизмом, постколониальной теорией и т.д. В результате он превращается уже в доксу. Теоретики не могут выйти за пределы репрезентаций, поэтому гендерные, классовые, религиозные, профессиональные и иные различия формируют достаточно пеструю картину постмодерна как дискурсивного пространства. При этом границы более общего понятия «постмодерн» / «постмодернизм», как описания явлений в искусстве, достаточно размыты. Из-за взаимопроникновения и общего акцента на культуре эти понятия смешиваются.

Тем не менее Линда Хатчеон все ещё считает, что деконструкция, демистификация казавшихся незыблемыми категорий, признание различий являются первым шагом, поэтому постмодерн все ещё актуален в политике.

А может быть, постмодернизм просто устарел? Именно так считает британский литературовед и культурный критик Алан Кирби. В своей статье «Смерть постмодернизма и то, что после» [\[17\]](#), опубликованной впервые в 2006 году в журнале «Philosophy Now», А. Кирби пишет о том, что ключевые тексты и постмодернистские художественные произведения созданы десятилетия назад, а создатели этих работ даже не могли предполагать, каким станет будущее, т.е. наше настоящее. Ученый не видит заметных признаков постмодернизма ни в современной массовой культуре, ни в академии. Постмодернизм, по мнению Кирби, стал «источником ориентированных на дошкольников маргинальных обывательских гэгов, собранных в поп-культуре» [\[17\]](#).

Современная массовая культура совершенно иначе взаимодействует со зрителями-соавторами: она действительно интерактивна. Это относится и к телевизионным и радио шоу, где зрители и слушатели могут различными способами вмешиваться в происходящее; и, конечно же, к компьютерным играм в сети Интернет. Даже способ взаимодействия с музыкой изменился: теперь слушатели не привязаны к физическим носителям, а вольны составлять свои списки прослушивания, смешивая самые разные треки.

Именно современная культура, которую Кирби именует «псевдомодернизмом» (позже этот концепт стал основой теории одного из видов постпостмодернизмов — «диджимодернизма» [\[18\]](#)) покончила с автором произведения, а не постмодернизм. Теперь текст, культурный продукт не выходит готовым, а буквально создается потребителем, который и становится истинным автором. Прежнее разделение, когда автор определял содержание и форму, а читателю или зрителю оставалась лишь интерпретация, утрачено. Теперь без потребителя текст или шоу просто не может существовать.

Однако не стоит думать, что Алан Кирби является апологетом «псевдомодернизма», его позиция, скорее, морализаторская. Демократизация и диктат рынка привели к

тотальному снижению качества, интеллектуальному обеднению, а активность потребителей эфемерна, виртуальна, как и сами тексты, фильмы, шоу, которые постоянно появляются и исчезают. И здесь А. Кирби заимствует лексику Джеймисона и Бодрийяра, говоря о потере чувства истории, замене сомнения в реальности, характерного для постмодернизма, и переходе к самоцитированию и сиюминутности псевдомодернизма. Например, в кино современные эффекты не создают реалистичную картину, наоборот, они превращают фильм в подобие компьютерной игры. Характерным кажется и жанр псевдодокументального кино. Сами основы этих изменений были заложены в прошлом. По отношению к псевдомодернизму уже постмодернизм выступает в качестве высокой культуры, а связанные с ним феминизм, постколониализм и другие критические течения, как полагает Ален Кирби, «изолированы» в академической среде [\[17\]](#).

Кирби значительно переоценивает демократизацию современной массовой культуры. Ведь именно формат передачи и сценарий, возможности, заложенные разработчиками компьютерных игр, программ, определяют, как может или не может взаимодействовать пользователь/потребитель с контентом. Отменяет ли описание современных культурных явлений анализ, предложенный Ф. Джеймисоном, Д. Харви и другими учеными, действительно ли техническое развитие настолько изменило культурную ситуацию, что требуется введение нового термина для её корректного описания?

Конечно, Кирби пытается увязать изменения с капитализмом, но не рассматривает изменения, произошедшие с капитализмом. Да и сам анализ достаточно поверхностный.

Но далеко не все согласны с тем, что постмодернизм устарел. В 2021 г. в знаменитом левом англоязычном издательстве «Verso» вышла книга британского журналиста Стюарта Джеффриса «Все, всегда, везде. Как мы стали постмодернистами» [\[19\]](#). До этого Джеффрис успел написать книгу, посвященную Франкфуртской школе [\[20\]](#).

Стюарт Джеффрис пытается связать разнородные явления в области высокой и массовой культуры, философии с политическими и экономическими трендами современности. Текст Джеффриса объединяет самые разные имена и явления: от Ж. Делёза и Ж.-Ф. Лиотара (который в интерпретации Джеффриса является критиком постмодернизма), творчества художников Сидни Шерман, Софи Калль, Дженни Хольцер, Джеффа Кунса до строительных проектов под патронажем принца Чарльза (ныне короля Карла III), от панк-группы Sex Pistols и Дэвида Боуи, певицы Мадонны, до Маргарет Тэтчер, от Netflix и Apple до фетвы Салмана Рушди, и от теракта 9/11 до серии компьютерных игр GTA. Но все эти кусочки, собранные по 3 эпизода в 10 глав, составляют единый пазл. Книга Стюарта Джеффриса имеет волне основательный концептуальный скелет.

Можно сказать, что для Джеффриса постмодернизм — это культурная логика неолиберализма, а Маргарет Тэтчер, Дэн Сяопин, Аугусто Пиночет и Рональд Рейган вполне могут считаться постмодернистскими политиками.

В мире Стюарта Джеффриса ризома Делеза вполне может быть бинарна демонтажу социальных гарантий и вставшим социальным лифтам. В таком сочетании анализа социально-экономических, художественных и философских явлений сила Джеффриса.

Журналист предлагает различные трактовки постмодернизма. Это и то, что пришло после модернизма, и бунт против его «дегуманизирующего» влияния, и «семиотическая черная дыра». Но и «более или менее циничная форма капитуляции и примирения с новой мутацией капитализма». У постмодернизма двойственная природа: «он сразу и улика против неолиберального порядка, и его алиби. Что еще хуже, алиби могут служить

обвинительные заключения» [\[19, с. 8\]](#).

Вот лишь несколько примеров того, как работает постмодернизм из книги. Возьмём хоть «Трюизмы» — серию работ Дженни Хольцер в стиле паблик-арт. Она размещала короткие надписи на различных поверхностях в городе. Содержание этих сентенций варьировало от философского до расхожей жизненной мудрости. Например, светящаяся композиция «Защити меня от моих желаний», которая, казалось бы, несет какой-то подрывной смысл и вступает в заочный спор с философией Делёза (при известном усилии интерпретаторов), или же надпись «Наслаждайтесь, потому что вы все равно ничего не можете изменить», от которой веет безнадежностью. Эти надписи повторялись на принтах одежды (их можно было приобрести на персональном сайте художницы) и даже были размещены на болиде BMW. Разумеется, статусная художница (Хольцер, например, была первой женщиной, представлявшей США на Венецианской биеннале [\[21, с. 145-146\]](#)) не носит футболки со своими лозунгами. Стоит ли за всем этим хоть какая-то политическая или общественная позиция?

По мнению С. Джеффриса, поп-арт Энди Уорхолла ещё обладал какой-то подрывной силой (с этим утверждением солидарен А. Хюссен, но не Ф. Джеймисон), тогда как постмодернистская ирония является самым беззубым видом критики, если это вообще критика.

В качестве другого примера можно привести деятельность компании Apple, точнее абсолютное расхождение между образом и реальным бизнесом. В 1984 г. Apple громко заявила о себе в одном из самых известных рекламных роликов за всю историю видеорекламы, который был показан во время трансляции Супербоула [\[22\]](#). Это рекламное видео, отсылающее к «1984» Джорджа Оруэлла и заложившее основы имиджа Apple, которые остались неизменными до сих пор. Броском молота молодая атлетка разбивает экран, с которого вещает «большой брат» перед толпой бритых и одетых в робы людей. Компания и её продукт компьютер — Macintosh (Mac) выступали в качестве спасителей от удушающего корпоративного мира, который ассоциировался с такой «скучной» компанией как IBM.

Ролик снял очень значимый для понимания постмодернизма в кинематографе режиссер — Ридли Скотт. Его классический фильм в жанре киберпанк «Бегущий по лезвию бритвы» 1982 г. по книге Филипа Дика «Мечтают ли андроиды об электроовцах» — один из самых излюбленных объектов культурного анализа различного рода ученых, включая географа и социального теоретика Дэвида Харви [\[3, с. 491-501\]](#) и мэтра отечественной социологии Александра Филиппова [\[23\]](#). Почти не отстаёт по популярности среди исследователей и другой фантастический фильм Скотта — «Чужой» 1979 г.

Как бы то ни было, с тех пор компания Apple произвела ещё несколько революций в сфере потребительской электроники: успела к цифровой революции в музыке, которая изменила не только рынок носителей, но и пользовательские практики, связанные с прослушиванием музыки, которые сегодня никак не напоминают то, что было в начале или даже середине века XX века. Однако, компания проморгала очередную революцию, когда владение записями в цифровом виде стало вытесняться потоковым вещанием с подпиской на сервис. Джеффрис утверждает, что у компании Netflix на данный момент самые совершенные алгоритмы подбора контента, учитывающие вкусы потребителя, иначе говоря, историю поиска и потребления [\[19, с. 291-295\]](#). Она же продюсирует телевизионные шоу, конечно, пользуясь этими знаниями. Впору поверить, что многие казавшиеся слишком смелыми и скандальными заявления Жана Бодрийяра

оказались пророческими. Антиутопия тотальной слежки была реализована, но совсем не так, как предполагал Дж. Оруэлл. И персональные удобные устройства от Apple сыграли в этом не самую последнюю роль.

Так устарел ли постмодернизм? Если принять точку зрения британского журналиста, то новые технологии отнюдь не похоронили постмодернизм, а наоборот продлили его существование: «Постмодернизм — это не просто один из стилей архитектуры, служивший неолиберальному бизнесу, пока не был выброшен за ненадобностью только для того, чтобы быть снова извлеченным ради колонизации индустрией исторического наследия — хотя он и включает в себя всё это. Постмодернизм — не только призрачный модернизм, преследующий нас выцветшими яркими красками и жалкой ныне детской игривостью. Его дух всё ещё жив и не подает никаких признаков умирания. Он живет среди нас, выражая себя в политике постправды, в гендерной теории, в ниспровержении ценностей высокого искусства. Цифровые технологии и социальные сети вряд ли сделали постмодернизм устаревшим, скорее они вдохнули в него новую жизнь» [\[19, с. 355\]](#).

На наш взгляд, затихание интереса к постмодернизму в конце прошлого и начале этого столетия в большей степени связано не с потерей эвристического потенциала в изменившихся условиях или его общей изначальной расплывчатостью, а с «усталостью» от термина, вызванной как его институализацией, так и ассоциацией с политической пассивностью. Постмодерн стал распространенным или даже общепризнанным «контрдискурсом», если принять точку зрения Л. Хатчеон, что лишает его остроты и оппозиционного потенциала. Свою роль сыграло и отсутствие позитивной программы, выходящей за рамки критики репрезентаций, продвижения «подрывных» дискурсивных практик и т.п. Новейшие технологические сдвиги вряд ли могут подорвать потенциал теоретического ядра постмодернизма, ведь и сами основы сегодняшних технологических изменений заложены десятилетия назад, а для их анализа различные авторы вынуждены обращаться к интуициям ведущих теоретиков постмодернизма. Таким образом «постмодерн» / «постмодернизм» оказывается включенным в теории, которые призваны его отменить и заместить как в качестве присутствующей негативности, так и на уровне методологии. Такой апгрейд и переименование постмодернизма (например, замена на «глобализацию» у Джеймисона с сохранением аргументации) наглядно показывает, что только значительные социально-экономические, экологические сдвиги смогут изменить в достаточной степени «современность», для описания которой очередные версии (пост)постмодернизма будут нерелевантными.

Библиография

1. Ильин И. П. Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс // Современное зарубежное литературоведение. Страны западной Европы и США: концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. Изд. 2-е, исправленное и дополненное / Под ред. Ильина И. П., Цургановой Е. А. М.: Интрада, 1999. С. 114-117.
2. Джеймисон Ф. Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
3. Харви Д. Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2021.
4. Павлов А. В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. Изд. 3-е, дополненное. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.
5. Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Ed. by Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015.

6. Андерсон П. Истоки постмодерна. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011.
7. Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context // Philosophy and Literature. 2001. № 1. P. 1-13.
8. McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. New York: Cambridge University Press, 2015.
9. McHale B. Postmodernist Fiction. London; New York: Routledge, 1987.
10. Макхейл Б. Послесловие: реконструкция постмодернизма // KANT: Social science & Humanities. 2020. № 1 (3). С. 52-59.
11. Eagleton T. Where do postmodernists come from? // Marx Today: Selected Works and Recent Debates / Ed. by Sitton J. F. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 177-183.
12. Jameson F. The Aesthetics of Singularity // New Left Review. 2015. № 92. P. 101-132.
13. Mandel E. Late Capitalism. London: NLB, 1976.
14. Арриги Д. Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.
15. Hutcheon L. The Postmodern ... in Retrospect // Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Ed. by Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015. P. 5-9.
16. Hutcheon L. Gone Forever, But Here to Stay: The Legacy of the Postmodern // Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Ed. By Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015. P. 10-12.
17. Кирби А. Смерть постмодернизма и то, что после // METAMODERN. 26.01.2017. URL: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/> (дата обращения: 22.06.2024).
18. Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York; London: Continuum, 2009.
19. Джеффрис С. Все, всегда, везде. Как мы стали постмодернистами. М.: Ад Маргинем Пресс, 2023.
20. Джеффрис С. Гранд-отель Бездна. Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
21. Тэйлор Б. Art Today. Актуальное искусство 1970–2005. М.: Слово/Slovo, 2006.
22. Mac History. 2012. 1984 Apple's Macintosh Commercial. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VtvjbmoDx-I> (дата обращения: 26.07.2024).
23. Филиппов А. Ф. Восстание картезианцев: к социологической характеристике фильма «Бегущий по лезвию» // Фантастическое кино. Эпизод первый / Под ред. Самутиной Н. В. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 124-152.
24. Павлов А. В. Что нового в новом капитализме? // Социология власти, 2021. Т. 33, № 1. С. 39-63.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования в явном виде не сформулирован, но статья посвящена рассмотрению вопроса о применимости понятия «постмодернизм» в современной философии, изучению смыслов, которые вкладывают в этот термин различные авторы. Методология исследования также в явном виде не прописана, но статья представляет собой классическое сравнение различных философских позиций и написана на основе анализа значительного объёма философских текстов.

Актуальность темы определяется тем, что понятие «постмодернизм» уже несколько десятилетий является очень употребительным в научной, философской и публицистической литературе, но при этом весьма сложно найти некий «общий знаменатель», который подытоживал бы различные оттенки смыслов этого крайне размытого определения.

Научная новизна автором не формулируется, но тем не менее статья представляется содержательным разбором существующих позиций, определяющих отношение многих авторов к понятию «постмодернизм».

Стиль и структура представленного текста вполне типична для жанра научной статьи. Содержание излагается логично, понятно. Автор не злоупотребляет сложной терминологией (тем более, сама статья призвана разобраться с одним из неясных философских терминов, который не столько помогает анализировать происходящее, сколько ещё более его запутывает). В качестве некоторого замечания стоит отметить, что текст перед отправкой в редакцию был вычитан не идеально и содержит некоторые опечатки: нет закрывающей скобки после слов «японских игровых автоматов-пачинко», в предложении «Книга Стюарта Джеффриса имеет волне основательный концептуальный скелет» неверно написано слово «вполне», в словах «(а постмодерн культуру этого периода)» явно пропущено слово «как».

Библиографический список насчитывает 24 источника. Большой частью это специализированная литература, хотя один из источников – это видео, которое автор приводит в качестве примера в тексте.

Апелляция к оппонентам выражена, в частности, возражениями в адрес позиции Алена Кирби, который, по мнению автора статьи, «значительно переоценивает демократизацию современной массовой культуры», «пытается увязать изменения с капитализмом, но не рассматривает изменения, произошедшие с капитализмом», и сам анализ которого «достаточно поверхностный».

Автор делает вывод, что «затихание интереса к постмодернизму в конце прошлого и начале этого столетия в большей степени связано не с потерей эвристического потенциала в изменившихся условиях или его общей изначальной расплывчатостью, а с «усталостью» от термина...». Этот вывод, с одной стороны, может показаться довольно банальным, с другой стороны, автор не претендует на собственное авторское переосмысление того, что такое постмодернизм и всего лишь старается описать имеющуюся ситуацию с использованием данного термина, что по ходу изложения материала ему неплохо удаётся.

Статья способна привлечь интерес довольно широкой читательской аудитории, так как понятие «постмодернизм» часто используется, но мало кто в достаточной степени понимает, что это такое. Статья соответствует требованиям журнала и может быть рекомендована к печати.

Философия и культура

Правильная ссылка на статью:

Пашенцев И.Д. Вклад Э. Х. Гомбриха в изучение примитивизма // Философия и культура. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.2.73366 EDN: FUEGUH URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73366

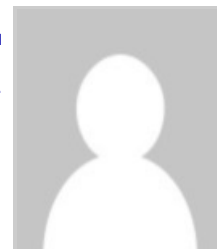
Вклад Э. Х. Гомбриха в изучение примитивизма

Пашенцев Иван Дмитриевич

магистр; кафедра всеобщей истории искусств; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, Ломоносовский пр-т, дом 27, корпус 4, каб. Г-420

✉ pashentsev_i@mail.ru

[Статья из рубрики "Философия и искусство"](#)

DOI:

10.7256/2454-0757.2025.2.73366

EDN:

FUEGUH

Дата направления статьи в редакцию:

15-02-2025

Аннотация: Статья посвящена исследованиям известного искусствоведа XX века Э.Х. Гомбриха (1909–2001) такого явления как примитивизм. Предметом данной работы является указанный феномен «примитивного» в трудах ученого второй половины XX столетия. Цель статьи – представить эволюцию воззрений Гомбриха на примитивизм в теории и истории европейского искусства на протяжении всей его научной карьеры: от работ 1950-х годов до последней монографии «Предпочтение примитива: эпизоды из истории западного вкуса и искусства» 2002 года. Более того, важной целью при исследовании концепции примитивизма Э. Гомбриха станет определение того, как он объяснял эстетическую тягу к "примитивным" темам в искусстве и культуре на протяжении XIX–XX веков. Для достижения поставленной цели применяется источниковедческий, сравнительно-диахронический, герменевтический методы. На данной методологической основе стало возможно проанализировать работы Гомбриха и их контекст, сопоставить тексты различных периодов его научной деятельности и проинтерпретировать их. При помощи вышеописанных методов удалось проследить развитие взглядов исследователя и установить определенные хронологические этапы изучения примитивизма, а также выявить связи работ Э. Гомбриха с предыдущей историографической традицией анализа данного явления. Важнейшим выводом этой

статьи стало определение значимости монографий и статей ученого в исследовании «примитивного» в искусстве: во-первых, он фактически описал историю данного культурного понятия от его истоков в европейской мысли античных времен до его расцвета в начале-середине XX столетия как полноценного художественного направления; во-вторых, Гомбрих вывел эстетическое и одновременно психологическое объяснение предпочтения «примитивных» черт на протяжении практически всей истории европейского искусства. Таким образом, Э.Х. Гомбрих произвел неоценимый вклад в изучение примитивизма в рамках истории искусства.

Ключевые слова:

примитивизм, историография, искусствоведение, история идей, прогресс, предпочтение, ценность, вкус, закон Цицерона, паттерн

Искусствоведы, историки, культурологи в XX столетии посвятили немало трудов, рассматривающих такое многогранное явление как примитивизм. Данный феномен привлекал внимание ученых, поскольку «примитивное» явило свой апогей в качестве одной из главной художественных тенденций и весомого историко-философского принципа именно в XX веке. Исследователей при анализе этого феномена интересовали такие вопросы как причина расцвета «примитивного» в европейских визуальных искусствах именно в обозначенное время, как следует понимать неоднозначность термина и как примирить различные его трактовки между собой, а также где находятся истоки примитивизма в европейской мысли и культуре. Одним из тех, кто исследовал подобные проблемы, и стал теоретик искусства Э. Х. Гомбрих. Следует отметить, что в отечественной историографии изучение концепции примитивизма Гомбриха практически отсутствует, в отличие от зарубежных исследований, где так или иначе анализируются взгляды искусствоведа на «примитивное» (надо сказать, несмотря на подобное наличие, их количество не так и многочисленно. Стоит учитывать, что эти исследования опубликованы в виде статей в сборниках или разделов, глав монографий, но пока что нет полноценных монографий и даже диссертаций, целиком рассматривающих эту проблематику). Поэтому проблема выявления ключевых черт «примитивного» искусства у данного историка искусств представляется востребованным и актуальным.

Предметом исследования является сочинения Э. Х. Гомбриха, посвященные феномену примитивизма. Цель данной работы – обоснование вклада искусствоведа в разработку этого явления в европейском искусстве. Методологической основой для достижения этой цели станет источниковедческий, сравнительно-диахронический, герменевтический методы. Данные методы способствовали возникновению научной новизны статьи; благодаря им удалось впервые в отечественной историографии представить концепцию примитивизма Гомбриха комплексно и полноценно, с выявлением ее ключевых черт и с выделением хронологических этапов эволюции взглядов историка искусства на этот вопрос.

Историографическая традиция анализа примитивизма до Гомбриха.

Прежде всего следует сказать о некоторых значительных предшественниках Э. Гомбриха по изучению примитивизма в европейской культуре, преимущественно в изобразительном искусстве. Исследования на данную тематику возникли в виду действия нескольких факторов: осмысления опыта увлечения европейцев своим прошлым в виде так называемых «примитивов» (под этим понятием подразумевались произведения

средневекового искусства вплоть до эпохи Высокого Возрождения и искусство Древней Греции до ее классического периода (V век до н.э.) [\[25, s. 358\]](#), определенного краха "историзма", "прогресса" и других концепций, ведущих европейскую мысль только вперед, по линейному отрезку времени. Кроме того, большую роль сыграло возникновение и развитие такой науки как антропология, благодаря достижениям которой Европа как цивилизация стала узнавать о других народах и цивилизациях, будь то восточные цивилизации (Китай и Япония), африканские и другие племенные народности, или же вовсе племена доисторических, дописьменных времен. И, несомненно, для историков искусства самым важным фактором является рост влияния примитивизма как художественной тенденции и направления в визуальных искусствах с конца XIX столетия. Пожалуй, первым искусствоведом, вплотную подошедшим к проблеме «примитивного», стал Лионелло Вентури (1885-1961). В своей работе «Вкус примитивов» (1926 год [\[37\]](#)) историк искусства предпринял попытку объяснения предпочтения «примитивов» европейцами в XIX столетии, понимая под «примитивами» прежде всего произведения итальянского Средневековья и Раннего Возрождения XIII-XV веков, вплоть до Леонардо да Винчи, а также византийское и китайское искусство [\[38, p. 78, 222-226\]](#). Примитивизм как феномен Вентури рассматривал в связи с формалистическими понятиями «художественной формы» и «внутреннего глаза» [\[30, p. 78\]](#). Данные свойства определенных произведений помогают делать эстетический выбор между классическим и неклассическим вкусом в пользу последнего [\[30, p. 15\]](#). Именно этот дуализм — и есть стержень истории и теории «примитивов», освещаемой автором от античного искусства, потом средневекового искусства к XIX веку, где особое внимание уделяется восприятию произведений «романского стиля» в XIX веке и взглядам Джона Рескина [\[38, p. 19-33, 52-81, 102-139, 140-168\]](#). Таким образом, Л. Вентури заложил основы дискурса о примитивизме, наметил перспективу для анализа данного многомерного понятия [\[30, p. 16, 22\]](#), ввел в теорию примитивизма эстетическую категорию «вкуса» не в качестве рационального предпочтения, а как инстинкт или естественную склонность [\[4, p. XXI\]](#). Со «Вкуса примитивов» стало возможно рассматривать «примитивное» как эстетическую и психологическую закономерность.

Следующим этапом, заложенным уже американской историографией, можно назвать труд ученых, основоположников исторической дисциплины «история идей» Артура Лавджоя (1873-1962) и Джорджа Боаса (1881-1980) «Примитивизм и родственные ему идеи в античности» 1935 года [\[29\]](#). В этой фундаментальной монографии впервые был осуществлен анализ примитивизма как историко-философского принципа, возникшего в философской и художественной мысли Древней Греции. Более того, Лавджой и Боас ввели терминологию, позволяющую представить примитивизм как комплекс идей с множеством аспектов и их вариативной коннотации, — «культурный» и «хронологический» с собственными им подвидами: «мягким» и «жестким». «Хронологический» примитивизм основывается на убеждении, что более ранние времена существования человечества в целом или европейской цивилизации в частности были более благостными, светлыми, в какой-то степени даже непорочными (классическими примерами данной «веры» в прошлое стали миф о Золотом Веке, христианский нарратив об Эдеме до грехопадения Адама и Евы, знаменитый миф о «благородном дикаре» и другие подобные идеи). «Культурный» примитивизм предполагает, что цивилизация несет в себе угрозу утраты всего добродетельного, что природа заложила в людях, поэтому происходит противопоставление природы и цивилизации в пользу первой (данная дихотомия была заложена в философии кинизма, где ряд мыслителей,

например, Антисфен и знаменитый Диоген Синопский, призывал отказываться от гнета цивилизации, обращаясь к образу жизни, свойственному животным) [29, p. 1, 7, 11]. Подвиды же примитивизма зависят от степени радикальности убеждений: чем сильнее отрицание цивилизационного, установленного обществом уклада, превозношение прошлого, тем больше данное мировоззрение можно назвать «жестким» примитивизмом; менее радикальной версией этого взгляда, соответственно, является «мягкий» примитивизм [29, p.10]. К сожалению, после тома, посвященного античному примитивизму, в свет вышел лишь книга, освещающая идеи «примитивного» в средневековой мысли и написанная одним Боасом (1948 год [6]). Тем не менее, как мы увидим, влияние концепции примитивизма как части истории идей будет проявляться в монографиях многих историков и теоретиков искусства, в том числе, и Э. Гомбриха.

В то же десятилетие была написана знаменитая работа искусствоведа Роберта Голдвотера (1907-1973) «Примитивизм в современной живописи» (1938 года [7]), основанная на его диссертации. Данная книга носила поистине прорывной для науки характер, ибо это была первая монография, прослеживающая связь между примитивизмом как тенденцией европейского искусства конца XIX- первой половины XX столетия и «примитивным» искусством туземцев и доисторических народностей. Помимо этого, Голдвотер как теоретик искусства проводит классификацию видов примитивизма, представляя его в качестве определенной идеи (думается, не без влияния труда Лавджоя и Боаса), выраженную в ряде художественных направлений конца XIX- начала XX века: 1) «романтический» примитивизм, представленных в произведениях Поля Гогена и других художников Понт-Авенской школы, фовистов; 2) «эмоциональный» примитивизм немецкого экспрессионизма (группы «Мост» и «Синий всадник»); 3) «интеллектуальный» примитивизм, характерный для «примитивистской» живописи и скульптуры Модильяни, Пикассо и для абстрактной живописи; 4) примитивизм «бессознательного», проявляющийся в творчестве дадаистов, сюрреалистов, а также у художников, ориентирующихся на детский рисунок (например, Пауль Клее), или у «примитивов» – живописцев без навыков академического построения композиции, анатомически верного написания фигур и т.д. [7, p. 57-86, 87-116, 117-142, 143-170]. Данная классификация, равно как и общая интерпретация неоднозначной дефиниции примитивизма, впоследствии неизменно рассматривалась в работах искусствоведов; можно констатировать, что обращение к Голдвотеру является непрямым условием при изучении этого феномена, особенно его вариации в художественном мире XX века.

Примитивизм как эстетическая и психологическая категория в трудах Гомбриха.

Представитель "младовенского" поколения Венской школы искусствознания, учеников Ю. фон Шлоссера, Эрнст Ханс Йозеф Гомбрих исследовал различные грани данного явления на протяжении практически всей научной деятельности и жизни: первое его сочинение о теории искусства – выпускное сочинение в школе – было посвящено идее прогресса (концепция, противоположная примитивизму и одновременно обусловившая его существование) в наследии «отца искусствознания» Иоганна Иоахима Винкельмана [1, с. 8], и последнее было охвачено стремлением постичь суть «примитивного» – «Предпочтение примитива: эпизоды в истории западного вкуса и искусства» 2002 года (книга вышла уже после смерти автора) [18]. Благодаря многочисленным трудам, где так или иначе рассматривается проблема примитивизма, возможно выстроить определенную эволюцию взглядов Гомбриха на данную проблематику и установить, какие аспекты его интересовали в тот или иной период его научного пути. В 1950 году вышла знаменитая книга «История искусства» [20], пожалуй, единственная работа искусствоведа, которая

известна не только специалистам по истории и теории искусства, но и широким массам читателей. В «Истории искусства», что закономерно, говорится о примитивизме не как об автономном философско-художественном принципе, мировоззрении, а как о части художественных тенденций первобытного (примитивного как близкого к первоначальному состоянию человечества) искусства (глава 1 «Загадочные истоки» [\[2, с.39-54\]](#)), и как о черте искусства конца XIX-первой половины XX века (глава 27 «Экспериментальное искусство») [\[2, с.557-598\]](#). Надо сказать, что в данной монографии Э. Гомбрих скупно и не развернуто говорит о «примитивном» (во всех коннотациях) искусстве, прежде всего, в случае с искусством модерна, но стоит отметить, что в первой главе, на первой же странице историк искусства закладывает почву для последующих своих размышлений о сути феномена примитивизма. В частности, в указанном месте встречается рассуждение о том, что первобытное искусство, его произведения создавались с определенной целью и функцией, и для первобытного сознания эстетика и утилитарность были крепко связаны между собой («первобытные народы не знают различия между постройкой и ее изображением в отношении их полезности» [\[2, с. 39\]](#)). Подобный ход мыслей стали подспорьем для изучения примитивизма как эстетических и психологических особенностей в истории визуального искусства Европы в труде «Искусство и иллюзия: изучение психологии живописного изображения» 1960 года [\[9\]](#). Одной из задач, которую поставил перед собой исследователь, стало сравнение построения образа в академическом европейском искусстве и искусстве, в различные времена называвшееся «примитивным», – первобытным, древнеегипетском, греческом до Фидия, средневековом и искусстве Возрождения до Рафаэля, китайском, японском и т.п.; с другой стороны, в детском рисунке и живописи лиц без профессионального обучения рисованию. Ключевым понятием, выведенным Гомбрихом в отношении «примитивного» искусства, становится «концептуальный» или «схематический» образ. Суть данного термина заключается в том, что история искусства, начиная с первобытности и вплоть до V века до н.э., основывалась не на имитации окружающего мира (как произошло в искусстве Эллады в указанное столетие), склонности к точному отображению природы, а на изображении «концептуальных схем» предмета, представленных в качестве ярких и простых символов. Важной составляющей любого «примитивного» образа является связь с магическим мышлением, испытывающее тревогу перед явлениями этого мира и фиксировавшее свое волнение в определенные рамки [\[9, p. 87, 97, 111\]](#). Последнее положение, как позднее покажет другой труд Э. Гомбриха («Примитив и его ценность в искусстве»), было взято из книги Г. Земпера (1803-1879) «Стиль в технических и тектонических искусствах, или Практическая эстетика» [\[19, p. 315\]](#). Однако искусствовед старается не связывать «примитивные» способы видения и представления [\[9, p. 293\]](#) только с первобытным миром; к данному эстетическому и даже психологическому взгляду на мир относится, по мнению ученого, и древнеегипетское иератическое искусство, и древнегреческое искусство до V столетия до н.э., и средневековое искусство и т.д. [\[9, p. 121-25, 128-129, 294-295\]](#). Таким образом, Гомбрих под «зонтичный» термин «примитивизм»/ «примитивное» искусство подводит многие эпохи и периоды европейского и всемирного искусства. Данная тенденция перейдет и в последующие книги и сборники по теории искусства, например, в сборник эссе «Размышления верхом на деревянном коне и другие эссе о теории искусства» 1963 года [\[13\]](#). В нем в качестве «примитивного» искусства рассматриваются сюжеты и темы из искусства начала XX века (эссе «Психоанализ и история искусства», прежде всего анализ творчества Пикассо [\[14\]](#)), средневекового искусства («Достижение в средневековом искусстве» [\[8\]](#)) и т.д. Стоит отдельно выделить статью «Визуальные метафоры ценности в искусстве» 1952

года, напечатанную в том же сборнике [\[24\]](#). Дело в том, что именно в ней Гомбрих формулирует для себя главный вопрос к примитивизму не столько как к философскому принципу, сколько как к эстетической и психологической тенденции. Иными словами, мы можем говорить о поиске ответа на вопрос, крайне волновавшего Э. Гомбриха: почему происходило на протяжении всей европейской истории искусства предпочтение «примитивных» тем, мотивов, стилей? Отчасти ответ уже был дан: предпочтение возникало в результате отторжения существующего искусства благодаря «усложнению» вкуса, его «изоощренным регрессиям» [\[24, p.18, 21\]](#). Данный вывод можно наблюдать практически во всех последующих монографиях и статьях теоретика искусства о примитивизме.

Поиск историко-культурных истоков примитивизма и его рассмотрение в качестве идеи.

Помимо постановки вышеуказанного вопроса, в те же 1960-е годы наметилась другая характерная черта трудов Гомбриха: он старается проследить генеалогию увлечения «примитивом», углубляясь в его историю. Корни данного феномена искусствовед обнаруживает в позднеантичной риторике – в речах Цицерона, Квинтилиана и в трактате Псевдо-Лонгина «О возвышенном». Анализ произведений данных ораторов был произведен в двух статьях 1960-х годов – «"Жизнеописания" Вазари и "Брут" Цицерона» и «Обсуждение примитивизма в античной риторике» [\[17; 23\]](#). Рассмотрение такой темы как уважение искусства и культуры прошлого за счет отрицания настоящего положения дел в искусстве позволило вывести Гомбриху определенную эстетическую формулу – «закон Цицерона». Согласно этой своеобразной художественной закономерности, предпочтение архаичного по сравнению с актуальным в культуре происходит в виду того, что древние произведения, по мнению критиков и зрителей, ценителей искусства, — более «зрелые, уточненные», нежели новые, которые вызывают отвращение из-за своей чувствительности, яркости. Поэтому происходит «отказ от непосредственного удовольствия» созерцания часто выверенных, близких к идеалу картин; проходит это пресыщение искусством через предпочтение и рассматривание прошлого, древнего. Немалую роль в порождении данных чувств играет и восприятие исконного, изначального как возвышенного, чистого, непорочного, согласно одноименному трактату Псевдо-Лонгина [\[23, p. 33, 34\]](#). Данная эстетическая реакция, основанная на психологической реакции «отрицания», может возникать и повторяться вновь и вновь, имея, тем самым, циклический характер. Все явления разных культур и эпох, которые когда-либо назывались «примитивными», проходили этот путь "регресса", и он, по мнению Э. Гомбриха, все описанные феномены в себя вбирает [\[27, p. 292\]](#). Статья «"Жизнеописания" Вазари и "Брут" Цицерона» наглядно демонстрирует, как «закон Цицерона» повлиял на органический закон развития искусства (кроме того, здесь стоит учитывать и роль аристотелевской «Поэтики» в построении данной «органической метафоры»), описанный Вазари в его «Жизнеописаниях» на примере искусства Возрождения: от начального этапа, для которого характерна техническая «незрелость» произведения, до Высокого Ренессанса, когда произведения достигли и «технического совершенства», и «высокой степени зрелости». После данного развития происходит упадок; тогда, согласно Гомбриху, и вступает в силу эстетический феномен отказа от, казалось бы, совершенного искусства [\[27, p. 292\]](#). Так, в данной статье 1960 года историк искусства углубил ранее подготовленный ответ на вопрос о предпочтении «примитива», расширив свои утверждения об «усложнении» вкуса, его «изоощренных регрессий» (о которых мы говорили выше, обсудив эссе «Визуальные метафоры ценности в искусстве»). Закон Цицерона, действительно, стал тем рациональным инструментом

анализа «примитивного» в европейском искусстве во всех последующих трудах Э. Гомбриха, включая «Предпочтение примитива», где в введении он подробно раскрывается исследователем [\[18, p. 7-8\]](#). Более того, значительным итогом методологических исканий 1960-х годов стало обращение к истории идей, точнее к ее методологическому аппарату изучения примитивизма [\[5, p.199\]](#), в статье «Спор о примитивизме в античной риторике» 1966 года. В статье о сопоставлении идей Цицерона и Вазари Гомбрих использует терминологию из знаменитой монографии представителей дисциплины «история идей» Артура Лавджоя и Джорджа Боаса «Примитивизм и родственные ему идеи в античности» 1935 года: два вида примитивизма – «культурный» («Когда мы больше всего беспокоимся о мягкости и изнеженности нашей цивилизации, нас больше всего привлекает сила и незыблемость прошлого») и «хронологический» («мечта о золотом веке мира и изобилия») и два его типа – «мягкий» и «жесткий» («Джордж Боас и Артур О. Лавджой остроумно и уместно провели различие между тем, что они называли "мягким" и "жестким" примитивизмом. Мечта о золотом веке мира и изобилия представляет собой мягкую разновидность мифа о героической эпохе; когда человек вступил в борьбу с чудовищами, – жесткую разновидность») [\[17, p. 34-35\]](#). Тем самым, искусствовед отождествляет примитивизм с утопией и ностальгией, что является ключевой чертой концепции примитивизма в рамках истории идей [\[3, с. 126\]](#). Апелляция к этой монографии обусловила стремление Гомбриха представить историю примитивизма прежде всего как историко-культурную идею, а не как определенную форму и стилистику. Размышления над методологией истории идей и личное общение с Боасом (тот был его другом) подтолкнуло к тому, что искусствовед стал рассматривать примитивизм в связке с другим аспектом – концепцией прогресса.

Исследование взаимосвязи концепций примитивизма и прогресса; разрешение основных вопросов Гомбрихом относительно феномена "примитивного".

1970-е года стали десятилетием, когда Э. Гомбрих продолжал обращаться к примитивизму как идее, существовавшей на протяжении различных исторических стадий искусства. В лекциях 1971 года «Идеи прогресса и их воздействие на искусство», прочитанных в Школе искусства и архитектуры Купер Юнион в Нью-Йорке, и в книге «Искусство и прогресс: воздействие и преобразование идеи» 1978 года, созданной по мотивам данных лекций [\[11\]](#), искусствовед рассматривает кризис европейской теории прогресса в искусстве и зарождение увлечением «примитивами» на рубеже XVIII-XIX веков. Немалую роль в этом сыграл И. Винкельман. В своей периодизации древнегреческого искусства по принципу эволюции технических средств на пути к достижению совершенного идеала (вторя, тем самым, описанию эволюции древнегреческой трагедии по «Поэтике» Аристотеля и периодизации искусства Ренессанса, произведенной Вазари) немецкий мыслитель, восхваляя произведения «древнего стиля» («благородная простота и спокойное величие»), невольно дал повод к критике восприятия истории европейского искусства как изменения от лучшего к худшему и восхищению древними памятниками Древней Греции [\[11, s.33\]](#). Его размышления, равно как и идентичные рассуждения философов-просветителей – Дидро, Руссо – о «моральном разложении» современной культуры с ее излишней «чувственностью», подтолкнули учеников Жака-Луи Давида восстать против учителя (в результате разочарования в картине «Похищение сабинянок») и создать группу «примитивов» [\[11, s. 28-29, 67\]](#). Так, феномен предпочтения «примитивного», а именно почет древнегреческого искусства до Фидия и средневекового искусства до Рафаэля был «узаконен» в художественном мире Европы XIX –XX веков, который можно проследить и у «бородачей» (другое наименование художественной группы

«примитивов»), и у «назареев» и других последующих течений и направлений указанных временных рамок [\[11, s. 73\]](#). Главным выводом данной работы стал следующий парадокс – прогресс и примитивизм неразрывно связаны; прогресс приоткрывает дорогу «примитивному» [\[5, p. 204\]](#). Другим значимым трудом Э. Гомбриха того периода стал цикл радиопередач BBC «Примитив и его ценность в искусстве», позднее опубликованных в сборнике «Essential Gombrich» [\[19\]](#). Впервые за всю научную деятельность историка искусства дано определение «примитивизму», хотя и достаточно расплывчатое: «Примитивное искусство – то искусство, которое включает в себя любой вид искусства, который когда-либо назывался примитивным, в частности, когда термин использовался в качестве похвалы» [\[19, p. 321\]](#). Данное многогранное определение позволяет вновь соединить под обширным термином различное понимание «примитивного»: от античных и средневековых «примитивов» до формальных заимствований приемов племенного и восточного искусства (например, «японизм» как феномен искусства модерна). Также Гомбрих использовал выводы своей знаменитой работы «Искусство и иллюзия» относительно роли «паттерна», его суггестии на зрительское восприятие, чтобы проиллюстрировать, как в XIX веке зарождался интерес к племенным и первобытным народам [\[35, p. 90, 91\]](#). Как отмечают исследователи, это неоднозначное обозначение «примитивного» искусства создает определенные трудности [\[35, p. 91\]](#); кроме того, в условиях постколониального поворота в гуманитарных науках говорить о примитивизме только как о феномене восприятия лишь неевропейских (даже племенных) культур стало некорректно, особенно в 1980-е года [\[5, p. 197\]](#), когда была проведена выставка 1984 года и по ней была выпущена монография В. Рубина (1927-2006) [\[33\]](#). Однако, в отличие от того же Рубина и других ученых (А. Соломон-Годо, К. Родс, М. Торговник [\[34, 32, 36\]](#)), Гомбрих смог вывести историю идеи примитивизма как сквозной идеи от античности до первой половины – середины XX века, сосредотачиваясь на «примитивном» не только как на художественной тенденции двадцатого столетия. Цикл «Примитив и его ценность в искусстве» 1979 года как раз и демонстрирует данное стремление искусствоведа. Фактически данные речи – предтеча его будущей монографии «Предпочтения примитива: эпизоды из истории западного вкуса и искусства». Единственное существенное отличие этих двух работ заключается в объеме материала: в подкасте примитивизму XX века уделяется скромное внимание, на контрасте с истоками идеи «примитивного» и ее развитию, а в монографии художникам и скульптурам, работавших в «примитивном» ключе, уделяется полноценная глава [\[18, p. 201-268\]](#). Таким образом, уже в конце 1970-х годов у Э. Гомбриха окончательно сложилось самостоятельное представление о примитивизме.

Собирание и синтезирование эпизодов примитивизма из истории западного вкуса и искусства.

Теперь, чтобы подготовить более масштабный труд по осмыслению «примитивного» в теории и истории искусства, оставалось лишь прояснить отдельные сюжеты и темы для включения в будущую монографию. На эти размышления ушло фактически два десятилетия. За это время Гомбрих успел подготовить несколько статей и пару сборников [\[15\]](#), где «примитивное» в искусстве по-прежнему представало в виде многих эпизодов истории искусства: племенное искусство [\[22\]](#), античное искусство [\[16\]](#), средневековое искусство [\[21, 10\]](#) и т.п. Самой знаменательной работой стала статья «Вкус примитивов: корни восстания» 1985 года [\[12\]](#). Данная статья крайне важна в интеллектуальной биографии Э. Гомбриха. Название труда отсылает к одноименной монографии Л. Вентури

1926 года. Сделано это намеренно, поскольку искусствовед в определенной мере спорит с Вентури и Джованни Превитали (1934-1988) (ученик Л. Вентури и Р. Лонги, автор книги «Судьба примитивов: от Вазари до неоклассиков» 1964 года, посвященной средневековым «примитивам» [\[31\]](#)), свидетельствуя о том, что они оказались заложниками концепции эволюции искусства Джорджо Вазари, что их «вкус к примитивам» сформирован не без влияния его теории «органического» прогресса. Это заявление – весьма парадоксально, по мнению Гомбриха, поскольку Л. Вентури крайне высоко ценил итальянские средневековые «примитивы», в отличие от автора «Жизнеописаний», которому было важно продемонстрировать развитие Ренессанса от низкого исполнения произведений к практически совершенным выполненным [\[12, p. 11. 12\]](#). Помимо этого, Э.Х. Гомбрих, как и в предыдущих работах («Искусство и прогресс: воздействие и преобразование идеи» и «Примитив и его ценность в искусстве»), подчеркивает, что переломным моментом в зарождении интереса к «примитивам» в контексте XIX века стало образование группы «бородачей» (они же «примитивы») во главе с учеником Жака-Луи Давида М. Куэ, повлиявшее на дальнейшее предпочтение произведений европейского прошлого и произведений культур иных цивилизаций и народов, племен, формирование вкуса к ним [\[12, p. 33\]](#). Таким образом, важной тенденцией этого периода изучения примитивизма стала его интерпретация не только как эпизодов европейского истории искусства, но и развития эстетического вкуса и ценности. Именно эта трактовка и позволила создать концептуальную основу для последней монографии «Предпочтение примитива: эпизоды из истории западного вкуса и искусства». Как было сказано ранее, данная работа Э. Гомбриха не делает новых умозаключений по сравнению с вышеперечисленными работами. Тем не менее, стоит отметить ее место в историографии примитивизма XX века. С одной стороны, искусствовед следует работам, написанным уже во второй половине столетия в духе постмодернизма, где упор делается на изучение формальных заимствований европейских художников элементов африканских и других племенных культур (в частности, упоминаемая книга В. Рубина сосредоточена на «схождении племенного и современного» [\[5, p. 198\]](#)). В частности, это демонстрирует глава 5 («Освобождение формальных ценностей» [\[18, p.177-195\]](#)). С другой стороны, Гомбрих превосходит своих коллег-исследователей в том, что даже формальные основания вписываются и в эстетические и психологические закономерности. В «Предпочтении примитиву» он вновь повторяет один из значимых признаков примитивизма как общего принципа различных произведений разнообразных культур: «негативная реакция» против «натурализма» и «мимезиса», обращенная в сторону недооценки или даже пренебрежения техническими сторонами произведения. Данный критерий и позволяет объединить под одним термином многие другие схожие понятия и явления [\[26, s. 143-147\]](#). Определенное достоинство книги заключается в раскрытии историко-культурных особенностей примитивизма как широкого, сложного спектра многообразных художественных, культурных идей, свойственных различным периодам европейской истории и искусства. В этом смысле историк искусства следует одновременно и монографии Голдвотера, и исследованию историков идей, которыми он крайне часто пользовался. Тем самым, в какой-то степени можно согласиться с утверждением, что для Гомбриха идея стояла выше проблематики формы и стиля при изучении «примитивного» [\[28, p. 187\]](#). Последняя его работа ярко продемонстрировала это, равно как и стремление проследить исторические корни предпочтения примитивизма.

Выводы

Подводя итоги, можно констатировать, что многочисленные труды Э.Х. Гомбриха второй половины XX века привнесли весомый вклад в изучение примитивизма как историко-философского и, безусловно, художественно-эстетического феномена. Гомбрих продолжал исследование примитивизма в эстетическо-психологическом ключе, вслед за Л. Вентури, делая больший акцент на психологическом восприятии «примитива», начиная с 1950-х годов. Подобно Р. Голдвотеру и основателям истории идей, искусствовед использовал понятие «примитивизм» в качестве многомерного кластера идей, развивавшегося в истории европейского искусства; данный подход возник в работах 1960-х годов благодаря поиску истоков понятия в европейской истории мысли. Более того, в 1970-е году он проанализировал взаимозависимость теории прогресса и идеи "примитивного" в истории в теории европейского искусства, что является важной заслугой и достижением ученого. К концу 1970-х - началу 1980-х годов Э. Гомбриху удалось построить целостную историю данного определения от античности до практически середины XX века, что позволило с середины 1980-х по конец 1990-х годов систематизировать материалы для создания полноценной монографии, последней работы историка искусства. Если посмотреть на его интеллектуальный путь постижения "примитивного", то фактически все его труды можно считать не столько искусствоведческими, сколько культурологическими и философскими работами, что позволяет рассматривать примитивизм в историко-культурном контексте. Несмотря на то, что во многом подходы Э. Гомбриха противоречивы, если смотреть с позиций постколониальной историографии (новой историографической традиции примитивизма), само определение центрального понятия "примитивизм" расплывчато и неоднозначно, тем не менее, стоит признавать существенный вклад, который искусствовед внес в изучение данного яркого и важного феномена в истории современного искусства.

Библиография

1. Ванеян С.С. Гомбрих, или Наука и иллюзия. Очерки текстуальной прагматики. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2015.
2. Гомбрих Э. История искусства – М: «Искусство-XXI век», 2021.
3. Козулин В.Н. Концепция примитивизма в работах американских ученых А.О. Лавджоя и Дж. Боаса // Американские исследования в Сибири. Вып. 4. Материалы региональной научной конференции 10-11 декабря 1999 г. – Томск: Изд-во Том ун-та, 2000. С. 123-128.
4. Argan G.C. Prefazione // Venturi L. Il gusto dei primitive – Torino: Einaudi, 1972. P. XV-XXVIII.
5. Birtwistle G. When skills become obtrusive: on E.H. Gombrich's contribution to the study of primitivism in art. // Woodfield R. (ed.). Gombrich on Art and Psychology. – Manchester: Manchester University Press, 1996. P. 196-215.
6. Boas G. Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. – Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 1948.
7. Goldwater R. Primitivism in modern painting. – N.Y. and L.: Harpers & Brothers Publishers, 1938.
8. Gombrich E. Achievement in medieval art // Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1971. P. 70-77.
9. Gombrich E. Art and Illusion. A study in the Psychology of Pictorial Representation – L: Phaidon, 1960.
10. Gombrich E. From Archaeology to Art History: Some Stages in the Rediscovery of the Romanesque // Icon to Cartoon: A Tribute to Sixten Ringbom (ed. M T Knapas & A Ringbom) /Konsthistorika Studier. 1990.Vol. 16, 1990. P. 91-108.
11. Gombrich E. Kunst und Fortschritt: Wirkung und Wandlung einer idee. – Koln: DuMont,

1978.

12. Gombrich E. Il gusto dei primitivi. Le radici della ribellione // Istituto Italiano per gli Studi Filosofici. Quaderni del trentennale 1975–2005. Vol. 2. 1985 – Napoli.: Nella sede dell'Istituto, 2005.

13. Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1963.

14. Gombrich E. Psycho-Analysis and the history of art//Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1971. P. 30-44.

15. Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987.

16. Gombrich E. The art of Greeks // Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987. P. 11-17.

17. Gombrich E. The Debate on Primitivism in Ancient Rhetoric //Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. Vol. 29. P. 24-38.

18. Gombrich E. The preference for the primitive: episodes in the Western history of taste and art – L: Phaidon, 2002.

19. Gombrich E. The primitive and its value in art (Four radio talks, 1979) // Gombrich E. The essential Gombrich: selected writings on art and culture – L.: Phaidon Press, 1996. P. 295-330.

20. Gombrich E. The Story of Art. – L: Phaidon, 1950.

21. Gombrich E. The values of the Byzantine Tradition: A Documentary History of Goethe's Response to the Boisserée Collection // The Documentary Image (ed. G. P. Weisberg, L. S. Dixon). Rome, 1987. P. 291-308.

22. Gombrich E. Tribal styles // Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987. P. 23-32.

23. Gombrich E. Vasari's Lives and Cicero's Brutus //Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1960. Vol. 23. P. 309-311.

24. Gombrich E. Visual metaphors of value in art // Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1971. P. 12-29.

25. Hackenschmidt S. Primitivismus // Pfisterer U. (ed.) Metzler-Lexikon Kunstwissenschaft. Ideen, Methoden, Begriffe..., erweiterte und aktualisierte Auflage. – Stuttgart: Metzler, 2011.

26. Hribek T. Proti primitivismu: Gombrichova kritika moderního umění//Ladislav Kesner L. & Mikš F. (eds.) Gombrich: porozumět umění a jeho dějinám: K stému výročí narození E. H. Gombricha. – Brno: Barrister & Principal, Masarykova univerzita, 2009. P. 117-163.

27. Llorens N. Qu'est-ce que «le primitif»? Gombrich y La preferencia por lo primitivo // Locus amoenus. 2004. № 7. P. 291-300.

28. Lorda J. Primitivism // Gombrich: A theory of art (ed. By Lorda J., Mitter P., Alemany R. etc) – Edinburgh University Press, 2023. P. 186-222.

29. Lovejoy A. and Boas G. Primitivism and Related Ideas in Antiquity. – Baltimore: John Hopkins Press, 1935.

30. Perna A. Lionello Venturi and The Taste of the Primitives: From Text to Context (1918–1931). The Concept of the Primitive as a Perspective for Analysis. Doctoral dissertation // Annales Universitatis Turkuensis. Sarja – Ser. B Osa – Tom 502. Humaniora. Turku, 2020.

31. Previtali G. La fortuna dei primitivi. Dal Vasari ai neoclassici – Torino: Einaudi, 1964.

32. Rhodes C. Primitivism and Modern Art. – L: Thames and Hudson, 1994.

33. Rubin W. et al. (eds.) "Primitivism" in 20th Century Art: Affinity of the Tribal and the Modern – N.Y.: Boston: Museum of Modern Art, 1984.

34. Solomon-Godeau A. Going Native: Paul Gauguin and the Invention of Primitivist Modernism // Broude N. and Garrard M. (eds) The Expanded Discourse: Feminism and Art

History – N.Y.: Harper Collins, 1986.

35. Taylor P. Gombrich and the idea of primitive art // Taylor P., Hope C., Burke P., Mount H (eds.) Meditations on a Heritage. Papers on the Work and Legacy of Sir Ernst Gombrich (ed. Paul Taylor). – L.: Paul Holberton Publishing, 2014. P. 90-108.

36. Torgovnick M. Gone Primitive: Savage Intellects, Modern Lives – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.

37. Venturi L. Il gusto dei primitivi – Modena: Nicolla Zanichelli, 1926.

38. Venturi L. Il gusto dei primitivi – Torino: Einaudi, 1972.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философия и культура» статье, как автор заявил в заголовке («Вклад Э. Х. Гомбриха в изучение примитивизма»), является вклад британского историка и теоретика искусства Э. Х. Гомбриха в теорию примитивизма. Соответственно, искусствоведческая теория примитивизма выступает объектом исследования.

В целом представленный текст, несмотря на обозначенную автором актуальную тему, сложно отнести к результатам научного исследования. Наиболее существенным недостатком материала, подлежащего рецензированию, является масса речевых ошибок, лишаящих высказывания автора всякого смысла (например, «Данный феномен привлекала внимание ученых, поскольку "примитивное" явило свой апогей в качестве одной из главной художественных тенденций и историко-философского принципа именно в XX веке»), а в некоторые высказывания и вовсе противоречит действительности (например, «стоит учитывать, что эти исследования опубликованы в виде статей в сборниках или разделов монографий, но пока что нет отдельных монографий и даже диссертаций на рассматриваемую проблематику» — и о Э. Х. Гомбрихе, и о примитивизме в искусстве достаточно монографий, некоторые упоминаются и самим автором материала). В том числе, поставленную автором цель исследования («обоснование вклада Гомбриха в разработку понятия примитивизма в европейском искусстве») сложно считать научной, поскольку существенный вклад Гомбриха в разработку понятия примитивизма в европейском искусстве является хрестоматийным фактом (Ж. Базен, К. Гинзбург, Р. Б. Сильверс, Б. Эпштейн, Р. Вудфилд, В. П. Шестаков, М. Н. Соколов, В. Н. Гращенков и др.) и не нуждается в обосновании. Другое дело, что в интерпретациях этого вклада существует масса теоретических расхождений, и интерпретация автором этого вопроса могла бы составить существенный вклад в историческое искусствоведение, историю идей и понятий, в микроисторию XX в. и культурологию. Но этого не случилось по причине банальности преследуемой «исследовательской» цели и существенных проблем автора в изложении мысли на русском языке. Выводы автора не отличаются оригинальностью и грамотностью речи (например, «Хотя Э. Гомбрих преимущественно и изучал примитивизм со взгляда европейской теории и истории искусства, но, тем не менее, ему успешно удалось построить историю данного определения от античности до практически середины XX века к 1980-м годам» или «Несмотря на то, что во многом подходы Э. Гомбриха противоречивы, а видение "примитивного" в искусстве на сегодняшний день требуют пересмотра, однако своими исследованиями, самым знаменитым из которых стало "Предпочтение примитива: эпизоды из истории западного вкуса и искусства", историк искусства закрыл уже прошедшую, но существенную и фундаментальную эпоху в

историографии примитивизма, к которой нам стоит обращаться» — и в первом, и во втором случае оригинальность мысли автора состоит лишь в том, что банальные утверждения усложнены безграмотными речевыми оборотами).

Таким образом, предмет исследования не раскрыт автором на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале теоретическом уровне.

Методология исследования, как сам автор невольно признался, пока не сложилась («Методологической основой для достижения этой цели станет источниковедческий, сравнительно-диахронический, герменевтический методы», — т. е. когда-то, в сложно обозримой перспективе, перечисленные автором методы не станут, а «станет» теоретической базой обоснования вклада Гомбриха в разработку понятия примитивизма в европейском искусстве). Поскольку цель сформулирована банальная (теоретической необходимости обосновывать вклад Гомбриха нет), все утверждение автора о методологии является ложным.

Актуальность выбранной темы, хотя и несколько косноязычно, автор обосновывает значительным теоретическим интересом к примитивизму в искусстве. А поскольку вклад Гомбриха в разработку понятия примитивизма в европейском искусстве является хрестоматийным фактом, безусловно, изучение примитивизма в европейском искусстве нужно начинать с осмысления наследия британского теоретика.

Научная новизна представленного материала остается под большим сомнением.

Стиль, ввиду множества речевых ошибок и рассогласованности специального и теоретического тезауруса, сложно считать научным.

Структура статьи не следует логике изложения результатов научного исследования.

Библиография в некоторой степени раскрывает проблемную область изучения теоретического наследия Гомбриха, в её описании множество мелких неточностей, нарушающих требования редакции и ГОСТа.

Апелляцию к оппонентам сложно считать в достаточной мере корректной, поскольку затруднительно разграничить мысль автора и его выдержки из опубликованных работ коллег.

Выбранная автором тема исследования безусловно представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философия и культура», но пока предоставленный на рецензирование материал сложно отнести к результатам научного поиска. Автору следует существенно переработать текст и усовершенствовать свою речь, чтобы представить новизну своего исследования на достаточном для публикации в авторитетном научном журнале уровне.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философия и культура» автор представил свою статью «Вклад Э. Х. Гомбриха в изучение примитивизма», в которой проведено исследование потенциала применения научного наследия выдающегося историка и теоретика искусства XX века в современном искусствоведении.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что «примитивное» является одной из главной художественных тенденций и весомым историко-философским принципом XX века. Теоретика искусства Эрнста Ганса (Ханса) Йозефа Гомбриха при анализе этого феномена интересовали такие вопросы как причина расцвета «примитивного» в европейских визуальных искусствах именно в обозначенное время, как следует понимать неоднозначность термина и как примирить различные его трактовки между

собой, а также где находятся истоки примитивизма в европейской мысли и культуре. Актуальность исследования обусловлена тем неоценимым вкладом, который Э. Гомбрих внес в изучение примитивизма как историко-философского и, безусловно, художественно-эстетического феномена.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применении его результатов в качестве методологического обеспечения современных исследований примитивизма в историко-культурном контексте. Научная новизна исследования заключается в том, что автором представлена концепция примитивизма Гомбриха комплексно и полноценно, с выявлением ее ключевых черт и с выделением хронологических этапов эволюции взглядов историка искусства на этот вопрос.

Предметом исследования является сочинения Э. Х. Гомбриха, посвященные феномену примитивизма. Цель данной работы – обоснование вклада искусствоведа в разработку этого явления в европейском искусстве. Методологической основой для достижения этой цели послужили источниковедческий, сравнительно-диахронический, герменевтический методы.

Теоретическим обоснованием выступили научные труды таких известных искусствоведов и философов исследователей как примитивизма, так и теорий Э. Гомбриха как А.О. Лавджой, Дж. Боас, Н. Лоренс, Л. Вентури и др. Эмпирическую базу составили работы Э.Х. Гомбриха.

На основе анализа научной разработанности проблематики автор приходит к заключению, что в отечественной историографии изучение концепции примитивизма Гомбриха практически отсутствует, в отличие от зарубежных исследований, где так или иначе анализируются взгляды искусствоведа на «примитивное». Однако и эти исследования опубликованы в виде статей в сборниках или разделов, глав монографий, полноценные теоретические труды, целиком рассматривающие эту проблематику, отсутствуют.

Автором рассмотрены теории значительных предшественников Э. Гомбриха по изучению примитивизма в европейской культуре, преимущественно в изобразительном искусстве: Л. Вентури, А. Лавджоя, Дж. Боаса, Р. Голдвотера. Автор выделяет следующие причины научного внимания в данному феномену: осмысление опыта увлечения европейцев своим прошлым в виде так называемых «примитивов», крах "историзма", "прогресса" и других концепций, ведущих европейскую мысль только вперед, по линейному отрезку времени, возникновение и развитие такой науки как антропология, благодаря достижениям которой Европа как цивилизация стала узнать о других народах и цивилизациях, рост влияния примитивизма как художественной тенденции и направления в визуальных искусствах с конца XIX столетия.

Уникальность научных теорий Э.Х. Гомбриха, посвященных исследованию примитивизма, заключается, в точки зрения автора, в том, что он проводил исследование примитивизма в эстетическо-психологическом ключе, делая больший акцент на психологическом восприятии. Искусствовед использовал понятие «примитивизм» в качестве многомерного кластера идей, проанализировал взаимозависимость теории прогресса и идеи "примитивного" в истории в теории европейского искусства. Автор дает высокую оценку вкладу Э. Гомбриха в изучение примитивного искусства, отмечая, что ему удалось построить целостную историю данного определения от античности до практически середины XX века, что позволило с середины 1980-х по конец 1990-х годов систематизировать материалы для создания полноценной монографии.

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему,

рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение вклада отдельного исследователя в формирование научного дискурса по определенному направлению представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую более полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 38 источников, в большинстве иностранных, что представляется достаточным для обобщения и анализа научного дискурса. Текст статьи выдержан в научном стиле. Однако автору желательно оформить библиографический список в соответствии с требованиями редакции.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные научные результаты, позволившие обобщить материал, показал глубокое знание изучаемой проблематики. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Англоязычные метаданные

Analysis of Chinese Students' cultural and linguistic personality based on slang**He Yanli**

Postgraduate; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies; Lomonosov Moscow State University

1 Mendeleevskaya St., Moscow, 119991, Russia

✉ linda.he@yandex.ru

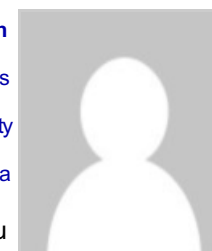
Elistratov Vladimir Stanislavovich

Doctor of Cultural Studies

Professor; Faculty of Foreign Languages and Regional Studies; Lomonosov Moscow State University

1 Leninskie Gory str., Moscow, 119991, Russia

✉ vse.slova@mail.ru

Abstract. The purpose of this study is to analyze some features of the cultural and linguistic personality of modern Chinese students, manifested in the use of youth slang expressions. The scientific novelty of the proposed approach lies in the fact that the study of youth slang becomes part of the work on compiling a summary portrait of the cultural and linguistic personality of modern Chinese students in Russian and Chinese universities. Slang not only reflects the specific features of the cultural and linguistic personality, but also largely determines its uniqueness and complexity. The materials and results of the research were analyzed from the point of view of the national mentality of modern Chinese students, which is manifested in the choice of certain speech expressions, psychophysiological characteristics, as well as in the behavior. The research methods: the analysis of materials (a sample of vocabulary from electronic Chinese-Russian dictionary, as well as theoretical articles) and observation. The author concludes that the features of the cultural and linguistic personality of Chinese students are manifested through value dominants reflected in slang. The main criterion for selecting slangisms was the expression of the following most important value attitudes of Chinese students - the degree of independence from the group, the degree of manifestation of personality in class, sincerity in relations with teachers, attitude to food, attitude to work, attitude to the desired profession after graduation, attitude to life. The specified dominants associated with the axiological dimension of the image of the world in many aspects determine the speech behavior of students. Thus the slang becomes one of the most expressive forms of the culture and expresses the consciousness of modern youth.

Keywords: psychophysiological characteristics, speech expressions, value dominants, poesis, Russian-Chinese University, food cults, save face, independence from the group, cultural and linguistic personality, slang

References (transliterated)

1. Antonova Yu.A. Natsional'no-psikhologicheskii portret kitaiskogo studenta, izuchayushchego russkii yazyk // Filologicheskii klass. 2022. T. 27. № 2. S. 161–171.
2. Antonova E.M. Stroitel'nye lesa u Sobora: Martin Khaidegger i poeticheskoe myshlenie // Filosofiya i kul'tura. 2017. № 6. S. 36–43. DOI: 10.7256/2454-0757.2017.6.20942

URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=20942

3. Varlamova N.V. Osobennosti mentaliteta kitaiskikh studentov // ONV. 2012. № 1 (105). S. 31–34.
4. Van Sinkhua Russkie i kitaiskie molodezhnye zhargonizmy kak proyavlenie natsional'noi lingvokul'tury i ob'ekt nauchnogo issledovaniya // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2017. № 3. S. 248–257.
5. Van Syan. Trudnosti perevoda internet-slenga s kitaiskogo yazyka na russkii (2018–2020 gg.) // Pedagogicheskii zhurnal. 2023. T. 13. № 2A-3A. S. 254–259.
6. Vladimirova T.E. O kitaiskoi yazykovoi lichnosti kak sub'ekte obshcheniya // Rusistika. 2005. № 1. S. 66–77.
7. Gal'perin I.R. O termine «sleng» // Voprosy yazykoznaniya. 2000. № 6. S. 15–24.
8. Elistratov V.S., Khe Ya. Sovremennyi kitaiskii uchashchiisya v rossiiskom vuze: opyt sostavleniya summarnogo portreta kul'turno-yazykovoi lichnosti // Filosofiya i kul'tura. 2025. № 1. S. 18–28. DOI: 10.7256/2454-0757.2025.1.73037 EDN: ARSAUL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73037
9. Elistratov V.S. Zhargon russkogo kapitalizma nachala XXI V. Kak ob'ekt leksikograficheskogo opisaniya (proekt Slovary) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2013. № 4. S. 32–47.
10. Zhukova I.N., Lebed'ko M.G., Proshina Z.G., Yuzefovich N.G. Slovar' terminov mezhkul'turnoi kommunikatsii // Flinta: Nauka. 2013.
11. Koval' E.S. Adaptatsiya lichnosti v sotsial'no-psikhologicheskoi strukture maloi gruppy // Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik. 2011. № 2. S. 55–58.
12. Korotkina E.D. Sravnitel'nyi analiz sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik kollektiva i komandy // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2009. № 2-2. C. 213–223.
13. Kyshtymova T.V. Ponyatie "yazykovaya lichnost'" v sovremennoi lingvistike // Vestnik YuUrGGPU. 2014. № 6. S. 237–244.
14. Luts'kaya E.E., Leont'ev Stanislav Viktorovich, Lyu Vei Kitaiskaya sistema vzaimootnoshenii "guan'si" i ee vliyanie na delovuyu etiku i organizatsionnoe povedenie // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2017. № 4. S. 282–295.
15. Lyu Tszyue Kitaiskie studenty v Kazanskom federal'nom universitete: sotsial'nyi opros // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. 2019. № 3 (11). S. 107–113.
16. Lebedeva E.S. Kul'turno-yazykovaya lichnost' Ol'gi Grushinoi kak pisatelya translingva // Sotsial'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. 2020. № 17(1). S. 107–112.
17. Leontovich O.A. Vvedenie v mezhkul'turnuyu kommunikatsiyu // Gnozis. 2007.
18. Pavlovskaya A.V. Ponyatie natsional'noi kukhni: k teorii voprosa // Materialy II mezhdunarodnogo simpoziuma «Istoriya edy i traditsii pitaniya narodov mira». 2015. № 1. S. 65–75.
19. Pavlovskaya A.V. Vzaimodeistvie kul'tur v mezhdunarodnom obrazovanii: K voprosu o problemakh mezhkul'turnoi kommunikatsii v global'nom mire // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2020. № 2. S. 52–65.
20. Malysheva M.V. Kul'turno-yazykovaya adaptatsiya kitaiskikh studentov v moskovskikh universitetakh // Sotsiolingvistika. 2021. № 2 (6). S. 187–205.
21. Tumanova A.B. Kontaminirovannaya yazykovaya kartina mira v khudozhestvennom diskurse pisatelya-bilingva // KBTU. 2010.
22. Sokolova G.E. Naibolee rasprostranennye vidy oshibok kitaiskikh studentov pri

- obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu // Problemy sovremennogo obrazovaniya. 2020. № 2. S. 146–154.
23. Furmanova V.P. Mezhkul'turnaya i kul'turnoyazykovaya pragmatika v teorii i praktike prepodavaniya inostrannykh yazykov (yazykovoï vuz). Moskva, 1994.
 24. Filimonova N.Yu., Romanyuk E.S. Kitaiskie studenty v vuzakh Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2014. № 8-9. S. 76–81.
 25. Khe Ya. Prakticheskie aspekty ispol'zovaniya chat-botov dlya obucheniya russkomu yazyku v ramkakh mezhkul'turnoi kommunikatsii // Chelovek i kul'tura. 2023. № 6. S. 60–75.
 26. Khe Ya. Problema mezhkul'turnogo obshcheniya v obrazovanii: kul'turnyi shok i adaptatsiya k nemu // Chelovek i kul'tura. 2023. № 5. S. 17–28.
 27. Khe Yan'li Sravnenie kitaiskikh i rossiiskikh kontseptsii obrazovaniya s tochki zreniya teorii mezhkul'turnykh izmerenii Gert Khofstede // Missiya konfessii. 2023. S. 45–52.
 28. Chu Tszyan'min', Koshkarova N.N. realizatsiya idei konfutsianstva v pedagogicheskom disкурсе: Lingvokul'turnyi kommentarii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 11. S. 272–276.
 29. Yarkova T.A., Mikhailova N.K. Zanyatost' studentov na rynke truda: "starye" ili novye tendentsii? // Ekonomika truda. 2019. № 1. S. 587–598.
 30. Yan'li Kh. Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v Kitae: analiz istoricheskogo razvitiya i vzaimodeistviya Rossii i Kitaya v mezhdunarodnom obrazovanii // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2024. T. 30. № 1. S. 148–159.
 31. 荣洁, 赵为. 俄语俚语研究[M]. 哈尔滨:黑龙江人民出版社, 2000. («Issledovanie russkogo slenga», – Kharbin: Kheiluntszyanskoe narodnoe izdatel'stvo. 2000.)

Nigitology: Heidegger vs. Leibniz

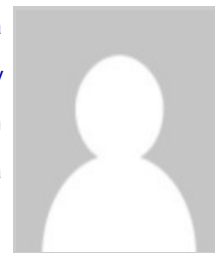
Kryuchkova Svetlana Evgen'evna

Doctor of Philosophy

Professor; Department of Humanities; Financial University under the Government of the Russian Federation

51/1 Leningradskiy Street, Moscow, 125167, Russia

✉ svetlana.kryuchkova2015@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to a comparative analysis of attempts at ontological development of the problem of Nothingness, presented in philosophical systems Leibniz and Heidegger. The article shows that despite the fundamentally different premises and strategies of thinking, as well as the obvious opposition of styles of philosophizing - the clarity and validity of Leibniz's argumentation against the fluidity and hermeneutic "questioning" of Heidegger - in the course of philosophical searches for the ultimate foundations of Being, one can discover non-surface points of intersection in their reflections on the nature and status of negativity. The author examines in detail the methodological strategies of "thinking through" Nothingness and reveals similar intuitions in understanding the conceptual content and philosophical status of the category of Nothingness.

The novelty of the study lies in identifying specific points of intersection between Leibniz and Heidegger in the philosophical discourse on the nature of negativity. It is particularly emphasized that despite the difference in styles of philosophizing and considering Nothingness, we are dealing with the "non-present presence of Nothingness", where the latter appears not as a negation or "deprivation", but is filled with positive content. The similarity of

the philosophizing of Leibniz and Heidegger was also manifested in their search for new terms in an attempt to reform the language of traditional metaphysics. It is shown that historical and philosophical schematism with its "-isms" and "-ologies" is not always productive, since it simplifies and obscures some aspects that are not obvious and important for understanding the ideas of a particular philosopher. By penetrating the history of metaphysics with various methods in search of an answer to the question "Does the non-existent exist?", they thereby support and develop the historical tradition of metaphysics as "philosophia perennis," treating it as an eternal present.

Keywords: Dasein, ontology, essence, Being, Nothing, metaphysics, Heidegger, Leibniz, history of philosophy, truth of being

References (transliterated)

1. Parmenides. Fragments // Early Greek Philosophy / translated by John Burnet. L.: A & C Black, 1908. Fragment 6. https://lexundria.com/parm_frag/6/b (data obrashcheniya: 10.02.25).
2. Russel B. History of Western Philosophy. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1945. 793 p.
3. Gassendi P. Disquisitio metaphysica seu dubitationes et instantiae adversus Renati Cartesii metaphysicam et responsa. Paris: Vrin, 1962. 657 p.
4. Chanyshhev A. N. Traktat o nebytii // Voprosy filosofii. 1990. № 10. S. 158-165.
5. Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics, Cambridge, 1939. Diamond C. (Ed.). Hassocks: Harvester, 1976. 222 p.
6. Derrida J. Vom Geist: Heidegger und die Frage. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988. 158 S.
7. Bourdieu P. L'ontologie Politique de Martin Heidegger. Paris: Minuit, 1988. 122 p.
8. Adorno T. Negative Dialektik. Frankfurt-na-mayne: Suhrkamp Verlag, 1966. 408 p.
9. Horn L.R. Metalinguistic Negation and Pragmatic Ambiguity // Language, 1985. Vol. 61. No. 1. P.121-174.
10. Bogatov M. A. Obosnovanie «defektivnogo» sposoba byt' v tvorchestve Khaideggera // Ontologiya negativnosti. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 117-133.
11. Heidegger M. Holzwege. Frakfurt a. M.: Klostermann, 1950. S. 69-104.
12. Safranski R. Khaidegger: germanskii master i ego vremya. M.: Molodaya gvardiya, 2002. 642 c.
13. Heidegger M. Was ist metaphysik? Frakfurt a. M.: Klostermann, 1986. 19 s.
14. Horn L. R. Natural History of Negation. Chicago: University of Chicago Press. 1989. 679 p.
15. Yaspers K. Vvedenie v filosofiYu. Filosofskaya avtobiografiya. M.: Kanon+ROOI «Reabilitatsiya», 2017. 304 c.
16. Leibnits G.V. Nachala prirody i blagodati, osnovannye na razume // Leibnits G.V. Soch.: V 4 t. T. 1. M.: Mysl', 1982. S. 404-412.
17. Khaidegger M. Chto takoe metafizika? // Khaidegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. S. 16-27.
18. Yakovlev V.M. «Taina tvoreniya» G.V. Leibnitsa // Istoriko-filosofskii ezhegodnik. M.: Nauka, 1991. C. 185-190.
19. Pis'mo Leibnitsa – I. Buve (Braunshveig, 15 fevralya 1701 g.) // Pis'ma i esse o kitaiskoi filosofii i dvoichnoi sisteme ischisleniya. M.: IF RAN, 2005. S. 119-141.

20. Belyaev V.A. Leibnits i Spinoza. SPb.: Nauka, 2007. 408 s.
21. Heidegger M. Time and Being. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 590 s.
22. Bimel' V. Martin Khaidegger, sam svidetel'stvuyushchii o sebe i svoei zhizni. Chelyabinsk: Ural LTD, 1998. 288 s.
23. Bibikhin V.V. Rannii Khaidegger: Materialy k seminaru. M.: Institut filosofii, teologii i istorii Svyatogo Fomy, 2009. 536 s.
24. Gadamer Kh.G. Puti Khaideggera: issledovaniya pozdnego tvorchestva. Minsk: Propilei, 2007. 240 s.
25. Sapronov P.A. O bytii nichto. SPb.: Izd-vo russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2011. 368 s.
26. Heidegger M. Vom Wesen des Grundes // Heidegger M. Gesamtausgabe. Bd.9. Wegmarken. Frakfurt a. M.: Klostermann, 1976. 340 s.
27. Sartr Zh.P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskogo analiza. M.: Respublika, 2000. 639 s.
28. Kryuchkova S.E. «Gospodin Nichto» i Martin Khaidegger // Ontologiya negativnosti. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2015. S. 99-116.
29. Falev E. V. Germenevtika M. Khaideggera i filosofiya zhizni // Voprosy filosofii, 2014. № 7. S. 125-134.
30. Martin Heidegger: philosophical and political writings / Edited by Manfred Strassen. New-York: Continuum International Publishing Group, 2003.
31. Martin Heidegger / Elisabeth Blochmann, Briefwechsel. Herausgegeben von Joachim W. Storck. Marbach, 1989. 168 s.
32. Martin Heidegger and the question of literature: Toward a postmodern. lit. hermeneutics / Ed. by Spanos W.V. Bloomington; L., 1979. XXII. 327 s.
33. Zhelnov M.V. «Nichto dostovernosti sushchego» i «Nichto istiny bytiya» (idei G.V. Leibnitsa i M. Khaideggera v poslednem desyatiletii KhKh veka) // Metafizika G.V. Leibnitsa: Sovremennye interpretatsii. M.: Izd-vo RAGS, 1998. S. 15-46.
34. Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Mit einem Brief über den Humanismus. Bern, 1947. 119 s.
35. Courtine J.-F. Heidegger et la phénoménologie. Paris: Vrin, 1990. S. 72-83.
36. Derrida J. Of the humanities and the Philosophical Discipline. The Right the Philosophy from the Cosmopolitical Point of View (the Example of an International Institution). SURFACES. Vol. IV. 310. Folio 1. Montreal, 1994. P. 1-9. <http://www.hum.imontreal.ca/revues//surfaces/vo14/derridaf/html> (11.02.2008).

The influence of positivism on the understanding of the essence of religion by M. O. Menshikov (according to unpublished notebooks)

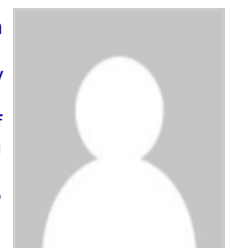
Pozdnyakov Aleksey Vasiljevich

PhD in Philosophy

Employee of the Academy of the Federal Security Service of Russia; Academy of the Federal Security Service of the Russian Federation

35 Priborostroitel'naya str., Orel, Russia, 302015

✉ pozdnjakovav77@mail.ru

Orlov Andrey Sergeevich

Abstract. The object of this research is the worldview of the famous pre-revolutionary publicist, thinker and public figure Mikhail Osipovich Menshikov. The subject of the study is the problem of the influence of positivism on M. O. Menshikov's system of views on the essence and nature of religion. The current research talks about the instability of his religious views, sometimes about their inconsistency at different stages of his life. There is also a significant influence on Menshikov's worldview of positivism, one of the most important cultural trends of the XIX century. However, this question does not have a detailed consideration: what exactly did this influence manifest itself in, how absolute was it. Accordingly, the purpose of our study is to examine Menshikov's views on religion from the point of view of their ideological origins in positivism. The research material is Menshikov's early diary entries, which have not been published at the moment and have not been studied in a similar context. The methodological base of the research includes both general scientific (analysis, synthesis, comparison, generalization, causal, etc.) and private scientific methods (hermeneutical, biographical and comparative historical analysis). Their totality is aimed at an objective study of the continuity of ideas, taking into account Menshikov's biography and the historical context in which Menshikov's personal arguments were written. The scientific novelty of the research lies in identifying and describing the direct influence of positivism on Menshikov's worldview in general and on his idea of religion in particular. A comparison of the semantic structures of the thinker's statements about religion with the key principles of the positivists of the 19th century allows us to conclude that the continuity of the ideas of positivism is partial. His understanding of religion is based on the binary intersection of positivist and rationalistic principles. On the one hand, Menshikov, like many positivists, refuses a metaphysical understanding of the essence of religion. He calls for rechecking her system of views with empirical and exact sciences. But on the other hand, it leaves the deductive method of decisive importance in essential cognition. Also, the principle of evolutionism is accompanied by the rejection of agnosticism, which was then characteristic of positivist philosophy. This puts his views on this issue in opposition to positivism.

Keywords: worldview, positivism, instinct, conscience, religious feeling, Islam, christianity, Menshikov, mythology, religion

References (transliterated)

1. Nachapkin M. N. «Pis'ma k blizhnim» konservativnogo publitsista M. O. Men'shikova kak istochnik po istorii rossiiskoi povsednevnosti nachala XX veka / M. N. Nachapkin // Nauchnyi dialog. – 2020. – № 5. – S. 450–464.
2. Ivanov A. A. Pravoslavnyi konservatizm arkhiepiskopa Nikona (Rozhdestvenskogo) protiv «yazychestvuyushchego» natsionalizma M. O. Men'shikova // Khristianskoe chtenie. – 2019. – № 4. – С. 193–206.
3. Nikolai (Ziorov), arkhiep. Beseda, skazannaya v g. Mlave v mestnoi tserkvi posle obedni – pered molebnom // Varshavskie besedy i rechi arkhiepiskopa Nikolaya (1910 g.). Vyp. 3. – SPb : Gosudarstvennaya tipografiya, 1911. – S. 70–75.
4. Kagramanov Yu. Men'shikov stoletie spustya / Yu. Kagramanov // Posev. – 2000. – №

12. – S. 17–20.
5. Pospelov M. B. Temy Tserkvi i very v zhizni i smerti M. O. Men'shikova // Men'shikov M. O. Vechnoe voskresenie. (Sbornik statei o Tserkvi i vere).-M.: Russkii vestnik, 2003. – S. 6–17.
6. Repnikov A. V, San'kova S. M. Men'shikov Mikhail Osipovich // Russkii konservatizm sere diny XVIII – nachala KhKh veka: entsiklopediya. – M.: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya, 2010. – S. 289–295.
7. San'kova S. M. Partiya russkikh natsionalistov i ee ideolog M. O. Men'shikov o problemakh Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi i putyakh ikh preodoleniya // Ortodoksiya. – 2021. – № 4. – S. 109–134.
8. Orlov A. S., Pozdnyakov A. V. Evolyutsiya religioznykh vzglyadov publitsista Mikhaila Osipovicha Men'shikova // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. – № 4. – 2023 g. – S. 100–108.
9. Orlov A. S., Pozdnyakov A. V. Ekzistentsiya i transtsendentnoe: kommemoratsiya autentichnykh vzglyadov publitsista-filosofa Mikhaila Osipovicha Men'shikova (po materialam neopublikovannykh zapisnykh knizhek) // Nauka, innovatsii, obrazovanie: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty. – Penza, 2023. – S. 37–62.
10. TsGA Moskvyy. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 50.
11. Pisarev D. I. Literaturnaya kritika : v 3 t. / D. I. Pisarev : [sost. Yu. S. Sorokina]. [Elektronnyi resurs] – Leningrad : Khudozhestvennaya literatura. Leningradskoe otделение, 1981. T. 2: Stat'i 1864–1865 gg. T. 2. – 1981. – 456 s. – URL: http://az.lib.ru/p/pisarew_d/text_0350.shtml (data obrashcheniya 12.07.2024).
12. Spenser, Gerbert. Sinteticheskaya filosofiya: Per. s angl. / Gerbert Spenser. – K.: Nika-Tsentr, 1997. – 512 c.
13. Karo El'm Mari. E. Littre i pozitivizm (Per. s fr.) – M.: tipo-lit. I.N. Kushnereva i K°, 1884. – 90 s.
14. Huxley, Leonard (ed.) (1900). Life and Letters of Thomas Henry Huxley. Vol. 1, p. 237. New York: D. Appleton & Co.
15. The Nature and Reality of Religion : A Controversy Between Frederic Harrison and Herbert Spencer. New York: D. Appleton and company. 1885.
16. Korsakov A. I. Religioznye aspekty utilitarizma Dzhona Styuarta Millya // – Mir sovremennoi nauki. – 2012. – № 2. – S. 48–59.
17. Bryson, Gladys. Early English Positivists and the Religion of Humanity. American Sociological Review. 1936. vol. 1. № 3. 343–362.
18. TsGA Moskvyy. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 16.
19. Shkurinov P. S. Pozitivizm v Rossii XIX veka / P. S. Shkurinov. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1980. – 416 s.
20. Lavrov P. L. Izbrannye sochineniya na sotsial'no-politicheskie temy [Tekst]: v vos'mi tomakh / P. L. Lavrov; podgot. k pechati, komment., primech., biogr. i bibliogr. ocherki I. S. Knizhnika-Vetrova. – M.: Vses. o-vo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev. Tom 1: 1857–1871. – 1934. – 518 s.
21. TsGA Moskvyy. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 13.
22. TsGA Moskvyy. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 21.
23. TsGA Moskvyy. OKhDLSM. F. 202. Op. 1. D. 24.
24. Orlov A. S. «Khristianstvo ne udalos'». «Put' spaseniya». Fragmenty dnevnikov M. O. Men'shikova // Vestnik arkhivista. 2012. – № 3. – S. 289–298.
25. Men'shikov M.O. Vechnoe voskresenie (Sbornik statei o Tserkvi i vere). – M.: Russkii

vestnik, 2003. – 174 s.

26. Men'shikov M.O. Iz pisem k blizhnim. – M.: Voenizdat, 1991. – 224 s.
27. Antonii (Khrapovitskii), arkhiep. Polnoe sobranie sochinenii v trekh tomakh. T. 3. / arkhiep. Antonii (Khrapovitskii). – SPb : Izdanie I. L. Tuzova. Gostinyi dvor, 45. – 1911. – 714 s.
28. Nikon (Rozhdestvenskii), arkhiep. O religioznykh mudrovaniyakh g. Men'shikova // Moi dnevniki. Vypusk 4 / arkhiep. Nikon (Rozhdestvenskii). – Sergiev Posad : Tip. Svyato-Troitskoi Sergievoi Lavry, 1914. – 205 s. – URL : https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Rozhdestvenskij/moi-dnevniki-vypusk-4/2#source (data obrashcheniya 30.08.2024)

Is postmodernism outdated? On the relevance of the concept at the beginning of the 21st century

Zhernosenko Irina Aleksandrovna

Professor; Department of Humanities; Altai State Institute of Culture
656055, Russia, Altai Territory, Barnaul, Yurina str., 277, room 306

✉ irina.jernosenko@gmail.com

Dunilov Ivan Mihailovich

Independent researcher

656055, Russia, Altai Territory, Barnaul, Yurina str., 277, office 310

✉ 2200imd@gmail.com

Abstract. At the turn of the XX – XXI centuries, there is a certain "fatigue" in the humanities from the term "postmodern" / "postmodernism", various works appear summarizing and offering alternative concepts to describe modernity. The article attempts to analyze the arguments in favor of preserving or replacing the concept of "postmodernism", advanced by theorists, many of whom participated in the initial discussions about "postmodernism". In order to identify the essential markers of this concept, formulated initially by Western researchers rather amorphously and vaguely, the authors of this study analyzed individual texts of both pioneer theorists, which undoubtedly include Ihab Hassan, Fredrik Jamieson, Brian McHale, Terry Eagleton, Linda Hutcheon, and scientists who joined the debate later: Alan Kirby and Stuart Jeffries. The conceptual basis of the article is the theory of F. Jamieson, who defines "postmodernism" as the cultural dominant of capitalism at its "late" stage. The comparative method is used in the course of the study. The following grounds of criticism are revealed: the initial failure of the term, its semantic uncertainty (I.Hassan); institutionalization, lack of a theory of political agency (L. Hutchenon, T. Eagleton), overestimation of universality (B. McHale, T. Eagleton); obsolescence and inconsistency with modern realities (A. Kirby). On the other hand, F. Jamieson retains his previous argumentation, abandoning the very term "postmodern" / "postmodernism" in favor of "globalization", and makes some corrective changes. S. Jeffries believes that new technologies have accelerated the spread of postmodernism and contributed to its revival. Such ongoing discussions suggest that the concept of "postmodern" / "postmodernism" retains a certain heuristic potential, and, according to the authors, radical socio-economic and environmental changes pose a real threat to it.

Keywords: Alan Kirby, Linda Hutcheon, Terry Eagleton, Brian McHale, Ihab Hassan, Fredric Jameson, capitalism, postmodernism, Postmodernity, Stuart Jeffries

References (transliterated)

1. Il'in I. P. Poststrukturalistsko-dekonstruktivistsko-postmodernistskii kompleks // *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie. Strany zapadnoi Evropy i SShA: kontseptsii, shkoly, terminy: Entsiklopedicheskii spravochnik*. Izd. 2-e, ispravlennoe i dopolnennoe / Pod red. Il'ina I. P., Tsurganovoi E. A. M.: Intrada, 1999. S. 114-117.
2. Dzheimison F. Postmodernizm, ili Kul'turnaya logika pozdnego kapitalizma. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2019.
3. Kharvi D. Sostoyanie postmoderna: Issledovanie istokov kul'turnykh izmenenii. M.: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2021.
4. Pavlov A. V. Postpostmodernizm: kak sotsial'naya i kul'turnaya teorii ob'yasnyayut nashe vremya. Izd. 3-e, dopolnennoe. M.: Izdatel'skii dom «Delo» RANKhiGS, 2023.
5. Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century / Ed. by Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015.
6. Anderson P. Istoki postmoderna. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2011.
7. Hassan I. From Postmodernism to Postmodernity: The Local/Global Context // *Philosophy and Literature*. 2001. № 1. P. 1-13.
8. McHale B. The Cambridge Introduction to Postmodernism. New York: Cambridge University Press, 2015.
9. McHale B. Postmodernist Fiction. London; New York: Routledge, 1987.
10. Makkheil B. Posleslovie: rekonstruktsiya postmodernizma // *KANT: Social science & Humanities*. 2020. № 1 (3). S. 52-59.
11. Eagleton T. Where do postmodernists come from? // *Marx Today: Selected Works and Recent Debates* / Ed. by Sitton J. F. New York: Palgrave Macmillan, 2010. P. 177-183.
12. Jameson F. The Aesthetics of Singularity // *New Left Review*. 2015. № 92. P. 101-132.
13. Mandel E. Late Capitalism. London: NLB, 1976.
14. Arrigi D. Dolgii dvadtsatyi vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2006.
15. Hutcheon L. The Postmodern ... in Retrospect // *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / Ed. by Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015. P. 5-9.
16. Hutcheon L. Gone Forever, But Here to Stay: The Legacy of the Postmodern // *Supplanting the Postmodern: An Anthology of Writings on the Arts and Culture of the Early 21st Century* / Ed. By Rudrum D., Stavris N. New York: Bloomsbury Academic An imprint of Bloomsbury Publishing Inc, 2015. P. 10-12.
17. Kirbi A. Smert' postmodernizma i to, chto posle // *METAMODERN*. 26.01.2017. URL: <https://metamodernizm.ru/the-death-of-postmodernism/> (data obrashcheniya: 22.06.2024).
18. Kirby A. Digimodernism: How New Technologies Dismantle the Postmodern and Reconfigure Our Culture. New York; London: Continuum, 2009.
19. Dzheffris S. Vse, vseгда, vezde. Kak my stali postmodernistami. M.: Ad Marginem Press, 2023.

20. Dzheffris S. Grand-otel' Bezdna. Biografiya Frankfurtskoi shkoly. M.: Ad Marginem Press, 2018.
21. Teilor B. Art Today. Aktual'noe iskusstvo 1970–2005. M.: Slovo/Slovo, 2006.
22. Mac History. 2012. 1984 Apple's Macintosh Commercial. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VtvjbmoDx-I> (data obrashcheniya: 26.07.2024).
23. Filippov A. F. Vosstanie karteziantshev: k sotsiologicheskoi kharakteristike fil'ma «Begushchii po lezviyu» // Fantasticheskoe kino. Epizod pervyi / Pod red. Samutinoi N. V. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. S. 124-152.
24. Pavlov A. V. Chto novogo v novom kapitalizme? // Sotsiologiya vlasti, 2021. T. 33, № 1. S. 39-63.

The contribution of E.H. Gombrich to the study of the primitivism

Pashentsev Ivan Dmitrievich

Master's degree; Department of General Art History; Lomonosov Moscow State University
119991, Russia, Moscow, Lomonosovskiy ave., 27, building 4, office G-420

✉ pashentsev_i@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the researches of the famous art historian of the XX century E.H. Gombrich (1909–2001) of such a phenomenon as primitivism. The subject of this work is the mentioned term in the works of this scholar. The purpose of the article is to present the evolution of Gombrich's views on the primitivism in the theory and history of European art throughout his scientific career: from the works of the 1950s to the latest monograph "Preference for the Primitive: episodes in the history of Western Taste and Art" written in 2002. The scientific novelty lies in the fact that there are no researches in Russian historiography that develop the problem of the "primitive" in E. Gombrich's theory of art, so the article is intended to correct this gap. To achieve this set goal, source studies, comparative-diachronic, hermeneutical methods are used. Based on this methodological basis, it became possible to analyze Gombrich's works and their context, compare texts from different periods of his scientific activity and interpret them. Using the methods described above, it was managed to trace the development of the researcher's views and establish certain chronological stages of the study of primitivism, as well as to show the connections of his works with the previous historiographical tradition. The most important conclusion of this article was to determine the significance of the scholar's monographs and articles in the study of the "primitive" in art: firstly, he virtually described the history of this cultural definition from its origins in European thought of ancient times to its flourish in the early-mid-20th century as a full-fledged artistic trend; secondly, Gombrich deduced an aesthetic and, simultaneously, a psychological explanation of the preference for "primitive" features in art throughout almost the entire European art history.

Keywords: the Cicero's law, taste, value, preference, progress, history of ideas, art history, historiography, primitivism, pattern

References (transliterated)

1. Vaneyan S.S. Gombrikh, ili Nauka i illyuziya. Ocherki tekstual'noi pragmatiki. – M.: Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», 2015.

2. Gombrich E. Istoriya iskusstva – M: «Iskusstvo-XXI vek», 2021.
3. Kozulin V.N. Kontsepsiya primitivizma v rabotakh amerikanskikh uchenykh A.O. Lavdzhoya i Dzh. Boasa // Amerikanskie issledovaniya v Sibiri. Vyp. 4. Materialy regional'noi nauchnoi konferentsii 10-11 dekabrya 1999 g. – Tomsk: Izd-vo Tom un-ta, 2000. С. 123-128.
4. Argan G.C. Prefazione // Venturi L. Il gusto dei primitive – Torino: Einaudi, 1972. P. XV-XXVIII.
5. Birtwistle G. When skills become obtrusive: on E.H. Gombrich's contribution to the study of primitivism in art. // Woodfield R. (ed.). Gombrich on Art and Psychology. – Manchester: Manchester University Press, 1996. P. 196-215.
6. Boas G. Primitivism and Related Ideas in the Middle Ages. – Baltimore, MD: Johns Hopkins Press, 1948.
7. Goldwater R. Primitivism in modern painting. – N.Y. and L.: Harpers & Brothers Publishers, 1938.
8. Gombrich E. Achievement in medieval art // Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1971. P. 70-77.
9. Gombrich E. Art and Illusion. A study in the Psychology of Pictorial Representation – L: Phaidon, 1960.
10. Gombrich E. From Archaeology to Art History: Some Stages in the Rediscovery of the Romanesque // Icon to Cartoon: A Tribute to Sixten Ringbom (ed. M T Knapas & A Ringbom) /Konsthistorika Studier. 1990.Vol. 16, 1990. P. 91-108.
11. Gombrich E. Kunst und Fortschritt: Wirkung und Wandlung einer idee. – Koln: DuMont, 1978.
12. Gombrich E. Il gusto dei primitivi. Le radici della ribellione // Istituto Italiano per gli Studi Filosofici. Quaderni del trentennale 1975–2005. Vol. 2. 1985 – Napoli.: Nella sede dell'Istituto, 2005.
13. Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L: Phaidon, 1963.
14. Gombrich E. Psycho-Analysis and the history of art//Gombrich E. Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art. – L.: Phaidon, 1971. P. 30-44.
15. Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987.
16. Gombrich E. The art of Greeks // Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987. P. 11-17.
17. Gombrich E. The Debate on Primitivism in Ancient Rhetoric //Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1966. Vol. 29. P. 24-38.
18. Gombrich E. The preference for the primitive: episodes in the Western history of taste and art – L: Phaidon, 2002.
19. Gombrich E. The primitive and its value in art (Four radio talks, 1979) // Gombrich E. The essential Gombrich: selected writings on art and culture – L.: Phaidon Press, 1996. P. 295-330.
20. Gombrich E. The Story of Art. – L: Phaidon, 1950.
21. Gombrich E. The values of the Byzantine Tradition: A Documentary History of Goethe's Response to the Boisserée Collection // The Documentary Image (ed. G. P. Weisberg, L. S. Dixon). Rome, 1987. P. 291-308.
22. Gombrich E. Tribal styles // Gombrich E. Reflections on the History of Art. Views and Reviews. – Oxford: Phaidon, 1987. P. 23-32.

23. Gombrich E. Vasari's Lives and Cicero's Brutus // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1960. Vol. 23. P. 309-311.
24. Gombrich E. Visual metaphors of value in art // Gombrich E. *Meditations on a Hobbyhorse and other Essays on the Theory of Art*. – L.: Phaidon, 1971. P. 12-29.
25. Hackenschmidt S. Primitivismus // Pfisterer U. (ed.) *Metzler-Lexikon Kunstwissenschaft. Ideen, Methoden, Begriffe.., erweiterte und aktualisierte Auflage*. – Stuttgart: Metzler, 2011.
26. Hribek T. Proti primitivismu: Gombrichova kritika moderního umění // Ladislav Kesner L. & Mikš F. (eds.) *Gombrich: porozumět umění a jeho dějinám: K stému výročí narození E. H. Gombricha*. – Brno: Barrister & Principal, Masarykova univerzita, 2009. P. 117-163.
27. Llorens N. Qu'est-ce que «le primitif»? Gombrich y La preferencia por lo primitivo // *Locus amoenus*. 2004. № 7. P. 291-300.
28. Lorda J. Primitivism // Gombrich: A theory of art (ed. By Lorda J., Mitter P., Alemany R. etc) – Edinburgh University Press, 2023. P. 186-222.
29. Lovejoy A. and Boas G. *Primitivism and Related Ideas in Antiquity*. – Baltimore: John Hopkins Press, 1935.
30. Perna A. Lionello Venturi and The Taste of the Primitives: From Text to Context (1918–1931). The Concept of the Primitive as a Perspective for Analysis. Doctoral dissertation // *Annales Universitatis Turkuensis*. Sarja – Ser. B Osa – Tom 502. Humaniora. Turku, 2020.
31. Previtali G. *La fortuna dei primitivi. Dal Vasari ai neoclassici* – Torino: Einaudi, 1964.
32. Rhodes C. *Primitivism and Modern Art*. – L: Thames and Hudson, 1994.
33. Rubin W. et al. (eds.) "Primitivism" in 20th Century Art: Affinity of the Tribal and the Modern – N.Y.: Boston: Museum of Modern Art, 1984.
34. Solomon-Godeau A. Going Native: Paul Gauguin and the Invention of Primitivist Modernism // Broude N. and Garrard M. (eds) *The Expanded Discourse: Feminism and Art History* – N.Y.: Harper Collins, 1986.
35. Taylor P. Gombrich and the idea of primitive art // Taylor P., Hope C., Burke P., Mount H (eds.) *Meditations on a Heritage. Papers on the Work and Legacy of Sir Ernst Gombrich* (ed. Paul Taylor). – L.: Paul Holberton Publishing, 2014. P. 90-108.
36. Torgovnick M. *Gone Primitive: Savage Intellectuals, Modern Lives* – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1990.
37. Venturi L. *Il gusto dei primitivi* – Modena: Nicolla Zanichelli, 1926.
38. Venturi L. *Il gusto dei primitivi* – Torino: Einaudi, 1972.